

Елена Гараева

ЛЕТИ-лети, Лепесток!



C304320920



BROWNLOW

OCT 2007

06 MAY 2009

- 5 NOV 2009

28 NOV 2008

31 JAN 2009

NEWRY

13 MAR 2009

30 MAR 2010

28 JUL 2010

LURGAN

- - MAR 2012

- 2 JUN 2009

10 SEP 2009

23 OCT 2009

22 MAY 2012

28 AUG 2012

15 AUG 2013

11 SEP 2013

**SOUTHERN EDUCATION
& LIBRARY BOARD**

Please return this item by the date above.

*You can renew it at any library, or
via call-point 028 9032 7515, or online.*

www.ni-libraries.net



LIBRARIES IN WITHDRAWN FROM STOCK

С людьми, у которых есть внутренние резервы, всегда происходят настоящие события. Это похоже на случайности. Но они возникают из необходимости...

Питер Хег. Смилла и ее снежное чувство

Глава 1



екотно холодит затылок, мурашки убегают от затылка вниз, под ворот футболки — не надо было стричься так коротко? Или это гуси ходят по моей могиле? «До отправления поезда осталось пять минут!» — мурлычет он про себя одну и ту же строчку. Дальше не помнится, да и мотив, вероятно, не тот, более того, господа, до отправления еще верных пятнадцать минут, а то и больше, при нашей российской расхлябанности все может быть.

Бабки с воблой и раками, огурцами, картошкой и местным пивом еще не заняли свои выверенные до дециметра места, еще кучкуются у вокзального входа, а вот спросить у такой: «Где, бабушка, пятый вагон останавливается?» — ведь так и ответит: «У Мариванны с мелкими раками», еще и своих крупных всучить попробует.

А мы и сами с усами, нам этот вагон вычислить несложно, и времени у нас навалом, да и по поезду пробежать, если что, можем, помним это дело, как



на ходу впрыгивали, ох помним. А вот интересно, какая она все же? Что фотографии не прислала — настораживает, да и умна подозрительно. Ну ничего, Москва — город большой, замену всегда найдем.

У него в голове бродят мысли о подлянках частовского общения... Смешно было бы встретиться со своей студенткой: «Здравствуйте, Михаил Иванович, вы мне писали? Вот она я!»

И в тон мыслям за спиной раздается:

— Здравствуйте, Михаил Иванович. В Москву?

В Москву, мои ласточки, в Москву, лица уж больно знакомые, заочницы? Неужели накаркал? Хотя что я? Молоденькие совсем, а ни одна нормальная женщина не прибавит себе лишних десять лет. Даже виртуально.

Улыбка номер три, ласково, но с достоинством:

— Работа, любезные барышни, мы, бедные педагоги, летом тоже работаем. Вот, столичные библиотеки еду ревизовать, все о вас забочусь.

Улыбаются в ответ, но неуверенно. Эх, какая роскошь это лето: юбочки коротенькие, блузочки полупрозрачные. Это вам не зимняя стужа в аудиториях, когда на каждой по три свитера наверчено. Мать-провинция, однако, везде на знакомых наткнешься, еще и в один вагон, поди, сядем.

— Что ж это вы с такими чемоданищами, любезные барышни? В Москву (кокетливо намекая на себя) налегке надо ездить.

— А у нас там варенье, — простодушно отвечают они и хихикают, — не поможете ли?



Провинция не провинция, а в глаза заглядывают «со значением», и у черненькой уже губка дрожит — ох, представляю, как обрастет эта история к осени... Чемоданы не зачеты, тяжелей тому, кто принимает, хе-хе. Варенье, господи ты боже мой! И отчего у воздушных созданий чемоданы вечно такие тяжелые? И неудобные...

— А вам неудобно так, — щебечут, — давайте мы вашу сумочку подержим?

И суетсяя вокруг, и мельтешат, как будто их не трое, а все восемь, и проводницу оттерли, билет даже не показал, черт, и лэптоп этот забыл или по привычке из рук не выпускаю? Да-да, держите, вот глупо будет у них на глазах споткнуться, а они уже и в спину подталкивают; эх, лучше б я их посадил, мягко так, отеческой рукой, особенно черненькую, тьфу ты, Кондакова ее фамилия, два перезачета, вспомнил, да по формам можно понять, что из троечниц, грешно такую роскошь мозгом обременять. Ну, хоть купе разные, и то радость: будем думать о прекрасной незнакомке, а студенток ни-ни, помним-помним! Или выйти еще покурить? Время есть вроде, да нет, не стоит, под стук колес свою третью выкурим.

Михаил Иванович вошел в купе и, близоруко прищурясь, огляделся. Место оказалось нижним, поэтому он сразу же уселся, пристроил под купейным столиком свою сумку и гадательно растворил томик Державина. Вышло странное:

Престань! И равнодушным оком
Воззри на оный кипарис,



Который на берегу высоком
На Невские струи навис.

— Нева — это ж в Ленинграде! И кипарис тут при чем? Ерунда какая-то выходит...

Михаил Иванович захлопнул книжку и посмотрел в оконное стекло: на него блекло глядело отражение немолодого, с изрядно прореженной светлой шевелюрой, господина. В круглых с тонкой оправой очочках «от неизвестного итальянского мастера», как выражался сам Михаил Иванович. С момента утреннего бритья прошло немного времени, но оконное стекло льстило, не то что зеркало в ванной: лицо казалось чуть моложе, одухотвореннее. «Собой недурен и умен изрядно. Лоб вон почти на семь пядей уже...» — привычно подбодрил он себя и смежил веки.

...Молодой человек, одетый не по-летнему основательно, но в темных очках и бейсболке, увидел, как объект скрылся за спинами каких-то девок и досадливо плюнул. В вагон за ним не полезешь, с каждой койки пялятся, да и проводницы у нас глаз-алмаз. Он немного потоптался у вагона, прикидываясь провожающим, отошел в сторонку и добыл из поясного чехла немодную громоздкую мобилку:

— Але, шеф? Пакет она мужику передала. Ага, легкий. А мужик на вокзал сразу попер. Причем шифруется он, мельтешит. Я его всю дорогу пасу, так прикинь, ни минуты один не был. Пакет на остановке взял, там народу навалом, потом с мужиком каким-то говорил, ну, в автобусе, сам пони-



маешь... При входе на станцию с козлом старым ручкался, а потом телок в круг собрал — и в вагон. Тертый крендель. Ага, Петрович тоже там был, только он за ней пошел. Так он в поезд садится — мне что, в поезд лезть? Московский поезд-то. Ага, понял. А Петрович потом? Понял.

Молодой человек пересчитал деньги, дождался, когда объект покажется в окошке купе, и полез в соседний вагон. Поезд дернуло, под вагоном что-то чавкнуло, и перрон с людьми поплыл назад...

Глава 2

Замотанная старым шарфом, Тина задыхалась от жары и простуды: «Гадость какая! Ну почему я не в состоянии заболеть, как все приличные люди, когда в городе льет с утра до вечера или холод собачий? Лежать калачиком на диване, как честная барышня, под пледом с книжкой, а что там за окном сыплется — не моя забота. Так нет, в эти поры носишься без шапки, обута черт знает во что — и ни одна зараза не прилипает! Зато теперь — у всех весна, солнце, праздники, а ты тут, как...»

Мрачные рассуждения прервал очередной приступ кашля. Он начинался мелкими волнами от нижних ребер. Потом волны где-то внутри сливались в одну штормовую и... и дальше что-то мешало им звонко выплеснуться наружу. В результате, дергаясь, как собака, давящаяся костью, Тина долго и хрипло издавала такие же собачьи звуки.



Облегчения это не приносило, зато болел живот и начинала стучать в стенку соседская старуха.

За окном и правда заканчивалась весна: цвело по-городскому, жалко, но яростно, солнце сияло, а небо распахивалось прямо в рай. Для всех, кроме Тины. Последнее время ей категорически не везло.

Началось с работы. Московская фирма, заинтересовавшаяся Тинным резюме, подкупила солидностью названия: «ОАО „Кирпичный завод“». От этого веяло чем-то надежным и долговременным. Так что Тина долго не раздумывала, сдала свою петербургскую квартиру студентам и налегке перебралась в Москву. В Москве сняла комнату прямо у вокзала, с которого каждый день на заре уезжала на работу: фирма оказалась далеко за чертой города.

Вскоре выяснилось, что ОАО вообще никогда ничего похожего на кирпичи не производило и производить не собиралось. Тина пыталась узнать, откуда пошел этот кирпич в названии. Увы, даже редкие старожилы организации ничего прояснить не смогли и туманно ссылались на развалины вблизи железнодорожной станции, которые, мол, и есть тот самый недостроенный кирпичный завод.

Потом появилась версия, что название перекочевало от железнодорожной станции. Это уж точно были враки, ибо станция и при царе именовалась «Дубровкой». То еще название, потому что дубрав и даже одиночных дубов не было и в помине. На этом топонимистические изыскания Тины зашли в тупик.



Все, что можно было украсть, было украдено на ОАО задолго до прихода Тины. К моменту ее появления фирма производила исключительно воздух и глобальные фантастические прожекты в надежде получить под них кредит. На этой стадии сажать в тюрьму было еще рано, поэтому помощь юриста пока не требовалась, и, приняв Тину на работу, о ней сразу же забыли.

Место у фирмы было дивное. Всего полчаса на электричке от города — и начиналось редкое захолустье. Крохотная деревянная платформа, темные, покосившиеся частные домишки и дремучий лес вокруг. Людей в окрестностях Тина не обнаружила, но грядки то там, то здесь были вскопаны.

Абсолютно не к месту на опушке торчали три восьмиэтажных корпуса из стекла и бетона, с аккуратно подстриженными лужайками и цветниками. Здания демонстративно отделялись от окрестного пейзажа кирпичным забором, проходной и многочисленной камуфлированной охраной, как будто руководство фирмы постоянно ожидало нападения из леса.

На первых порах Тина блаженствовала в абсолютном покое и безделье. По утрам, раздвинув шторы в личном кабинете на шестом этаже, среди оглушительной тишины, она смотрела на зубчатую полосу леса, кормила с руки залетавших в окно синиц и отслеживала передвижение компании местных дворняг.

Потом не торопясь спускалась в полупустую столовую, где нечеловечески доброжелательные пова-



рихи ласково интересовались, что она «хотела бы скушать» из огромного меню. Это подозрительно напоминало ритуал подготовки смертника из американских фильмов. Там тоже — сначала всякие вкусности на красивых тарелках, бокал вина, а потом либо вешать, либо на электрический стул волокут.

Дальше — больше. Весной на территории расцвели ландыши и крокусы, нарциссы и тюльпаны, а потом по нарастающей — черемуха, яблони и какие-то кусты с буйными белыми гроздьями. Окончательно добили странные звуки, которые однажды утром, распахнув окно, услышала Тина. Звуки оказались трелями соловьев.

Стало окончательно ясно, что добром все это не кончится.

Увы, предчувствия не обманули. В один из дней в коридорах ОАО началась тихая паника, сотрудники стали сбиваться в кучки и нервно перешептываться по углам, а столовая закрылась. Короткая карьера Тины закончилась сиротливым листком приказа на стене фойе. Из листка следовало, что руководство организации с глубоким сожалением вынуждено сообщить, что практически все сотрудники немедленно отправляются в неоплачиваемые отпуска на неопределенное время. Тина увольнение восприняла почти с радостью.

«Ну и ладно, — подумала она, — могло быть хуже. И вообще — такие периоды в жизни долго длиться не могут по определению! Побуду наконец в городе, в театр схожу или махну к Марьяне в Питер. А то совсем одичала в этом лесу».



Тина быстро набрала на компьютере заявление и подсунула секретарше шефа, отдала на вахте ключи и помчалась на электричку. В Москву, в Москву, в Москву!

Глава 3

— Идиотка ты! Какая же идиотка! Господи, зачем я с этой идиоткой связался-то? — Григорий Романович вопросительно поднял глаза к богатой лепнине, украшавшей потолок столовой. — За что, Господи?

Галочка шмыгнула носом и обиженно сообщила:

— Меня, между прочим, в «мисс Белогорска» не за мозги выбирали. И чего-то ты тогда не жаловался.

— Молчи, идиотка! Нет, точно разведусь. У тебя ж кроме сисек ничего нет, у тебя мозгов как у курицы! А от морды твоей меня уже тошнит! Да таких я пучок купить мог, без всякого ЗАГСа. Выгоню к черту, достала. Забодала ты меня, дура! Ты зачем вчера без меня на прием поперлась? Ты что там жене мэра наговорила? Мне уже трое с утра это пересказывали, весь город хохочет. Я тебе запрещал пасть разевать в публичных местах? Запрещал ведь! Идиотка! Все, пиши заявление на развод, завтра лично отвезу.

Галочка недоверчиво уставилась на мужа:

— Как это «на развод»? Я не хочу разводиться!

— Тебя кто спрашивает, кретинка? А? Заткни пасть и пиши! Или ты и писать не умеешь?



Галочка вдруг поняла, что муж не шутит. Правда, разведка уже давно сообщила, что благоверного ее неоднократно видели с дочкой директора авиазавода, причем дочка была штучка еще та: училась где-то там за границами и из себя была вся такая. Галочка даже ездила на нее смотреть, но тогда быстро утешилась: дочка была чернявая и почти плоская, а мозги... что такое мозги для девушки? Только лишний груз. Но теперь оказывалось, что не совсем лишний. А развестись Гриша мог запросто и без Галочкиного согласия — при его-то связях! Она перестала шмыгать носом и попыталась присесть к мужу на колени.

— Ну, Гришутка! Ну извини! Медвежонок не будет больше сердиться на свою маленькую зайку?

Она доверчиво округлила глаза и сложила губки для поцелуя, но «медвежонок» зарычал, как настоящий медведь, и грубо отпихнул ее:

— Все! Я сыт по горло! Пиши заявление. Я тебе шубы отдам и квартиру куплю. В «Маслицах».

Галочка заметалась. Прощай, хорошая жизнь. Прощай, фитнес-клуб и массажист Володя, прощай, Мальдивы, прощай, бриллианты! Бриллианты было жаль особенно. Увидеть их когда-нибудь на этой чернявой стерве? Ну уж нет!

Галочка подбоченилась:

— Ну уж нет, миленький, так дешево не отделаешься! Я тебя к этой стерве за просто так не отпущу, и не надейся!

— И что ты сделаешь?

— А много чего! Ты что думал, я не вижу и не слышу ничего? Ты у нас в мэры хочешь? Вот тебе,



а не мэры! — Галочка показала мужу средний палец. — Обломись, Гришенька! Я мно-ого чего знаю! Ты у меня еще на коленях приползешь!

Она выскочила из столовой, громко хлопнув дверью, а Григорий Романович призадумался. Знала она действительно много, даже слишком. Скандал сейчас был совершенно не нужен. Скоропостижно скончаться ей, что ли? Нет, не годится. Под домашний арест и то не посадишь, через день по городу слухи пойдут... Он позвонил, через секунду появился секретарь.

— Ты вот что, Сергей. Надо за ней проследить. В «Шерлок» обратиться или своими силами обойдись — сам реши. Главное, отследи все контакты. Особенно если кому-то легкие вещи попробует передать. Бумаги там, кассеты. Как про развод услышала — совсем взбеленилась. И к журналистам идиотку не подпускай, от пишущей братии подалее. Все понял?

— Так точно, — отозвался секретарь. — А если...

— Никаких «если». Чтоб все под контролем. Где, с кем, что именно. Иди.

Глава 4

Добраться до Питера, Марьяши и культуры Тине не удалось. Пробыв всего-то пару дней в Москве, она успела одно: перед самым летом подцепить феерический по силе грипп. Зараза напала неожиданно и свалила по-чапаевски, одним ударом. Дня



три Тина, под одеялами и пледом, намотав на голову шерстяной платок концами вверх, как умирающий заяц, валялась на диване. Она то стучала зубами от ледяного озноба, то мгновенно попадала на раскаленный асфальт в жару, в центр города, причем в шубе.

Между приступами кашля, совершенно обессиленная, Тина мутно глядела в потолок и размышляла, чем может закончиться этот кошмар.

Раздумья прервал телефонный звонок в коридоре.

«Не подойду, — вяло прикинула Тина, — не до ползу. Пусть подъезжают к выносу тела. Я их прощаю заочно».

— Девушка! — застучала в дверь страшная старуха Анна Николаевна. — Вам звонят из Петербурга. Соизвольте подойти!

Тина застонала и шатко двинулась в коридор. Старуха сурово оглядела ее и, выписав мундштуком непонятный вензель, удалилась в кухню.

— Тинуша! — закричали в трубке. — Тина, это я! Это ты, Тина?

— Йяаа! — сквозь кашель провыла Тина. — Что случилось?

— Тина! Они приехали! То есть не приехали, но через неделю будут. Мне позвонил Борис Петрович, и я сразу сказала: только вдвоем! Он, конечно, начал выпендриваться, но я была тверда, как никогда! В субботу приезжай, жду!

— Болею я, — экономя силы, сообщила Тина. — Буду болеть. В другой раз, Марьяша.



— Какой другой, ты что? Не поняла, что ли? Это ж один раз в жизни бывает, я уже и Борису Петровичу позвонила, два билета как с куста, не контрамарки какие, не дальше десятого ряда, и потом за кулисы рванем, пощупаем!

— Кого? — опешила Тина.

— Кукол, естественно. Ты что, больная, что ли? Карлос приезжает, всего два спектакля дает, даже в Москву не заедет, сразу в Италию возвращается. Повезло, да?

Тина поняла, что сопротивление бесполезно. Подруга, тишайший мистик и художник, при упоминании о кукольном театре становилась решительно невменяемой, а уж кукольный театр Карлоса был для нее идеей фикс. Уже три года Марьяша копила деньги, чтобы ехать в Прагу, на международный фестиваль марионеток, где этот самый Карлос исправно появлялся каждый год.

— Я постараюсь, — сдалась Тина, — только я сильно болею. Может, не смогу.

— А вот только не смоги! — рявкнули в трубке, и связь оборвалась.

Тяжело дыша и придерживаясь за стенку, страдальца двинулась на кухню. Соседка оглядела ее и хмыкнула:

— Голубушка, я устала слушать ваш кашель. Надо лечиться.

— Я лечусь.

— Чем? Немецкой шипучкой? Не смешите меня. Русского человека этим не поправишь. Пожалуйста, я лично займусь лечением.



«Все мной распоряжаются, все командуют», — плаксиво подумала Тина, но вслух только тихо и безнадежно просипела:

— А может, не надо?

— Вам, голубушка, может, и не надо, а я человек пожилой, сон у меня чуткий, ваше гавканье за стенкой уже четвертый день меня будит. Сейчас я по-нашему, по-фронтовому лечить буду.

Соседка с силой выколотила мундштук о жестяную миску, служившую ей пепельницей, и промаршировала в свою комнату. Тина опустила в кипяток чайный пакетик и тоже поплелась к себе, в который раз поражаясь соседке.

Анне Николаевне было под восемьдесят, но сила духа в ней была нечеловеческая. Профессорская дочка, консерваторка, в сорок втором году удравшая на фронт с агитбригадой, — с войны она привезла немецкий аккордеон, на котором, подвыпив, играла до сих пор, и обескураживающую манеру выражаться. «Соблаговолите не засирать прихожую!» — так, например, реагировала она на оставленную Тиной в коридоре вторую пару обуви. Первая пара, что характерно, была разрешена. Впрочем, сама Анна Николаевна, похоже, и впрямь обходилась одной: ботами с накатанной до самого мыска резиной.

Укутавшись и погрузив нос в чашку, Тина задумалась о звонке подруги. Мысли разбегались. С одной стороны — было заманчиво. К тому же Марьяша позвонила именно ей, лучшей подруге, не забыла. Но с другой... В этот момент дверь распахнулась и появилась соседка со стаканом чего-то мутного.



— Выпить! — скомандовала она и ловко заменила чашку стаканом. — Немедленно и сразу.

Тина принюхалась:

— Водка?

Соседка оскорбленно фыркнула:

— Спирт, перец и лимонник. Быстрее, девушка.

Тина хотела запротестовать. Отставить стакан. Наконец-то послать ужасную старуху к черту, но...

— Проснетесь — повторим! — забирая пустой стакан, порадовала соседка. — Спать!

Тина засипела и провалилась в сон.

Удивительно, однако варварское лекарство помогло. К пятнице еще слегка першило в горле и покачивало, но захотелось жить и есть. Тина выбралась в магазин, потом наделала бутербродов и уселась перед компьютером. На пыльном экране проявилась заставка: весело рубящий дрова Буратино. Зажужжало, зацывало, и почтовый ящик начал заполняться. Тина откусила бутерброд и уставилась в монитор: разосланное неделю назад резюме должно было уже дать богатый отклик предложений по работе. Желательно денежной, со щадящим режимом и выездами за границу. Пока что валил только рекламный мусор. Часть писем Тина выкинула сразу, но адресованное «руководителю» из любопытства открыла.

«Сувенирное панно — прекрасный подарок руководителю, официальному гостю, партнеру по бизнесу, государственному чиновнику. Наличие герба в кабинете и офисе предприятия обеспечивает высокий патриотический дух коллектива. Это серьез-



ная вдохновляющая сила, идеологическая основа, имидж Вашего предприятия», — прочла она. Цена была приемлемая — всего тысяча девятьсот. Тина вспомнила покойное ОАО и загрустила.

«Вот был бы у нас герб, — меланхолично подумала она, — получили бы кредит, опять же дух был бы патриотический... Может, и не лопнули бы...»

Следующее письмо предлагало мостовые и козловые краны. Звучало здорово, но неактуально. Предложений работы не было, и остальные письма Тина быстро отщелкала в «Удаленные». Все, кроме одного.

Здравы будьте, дивная дама Фата-Моргана!

Некто Архивариус, известный Вам лишь отчасти, приезжает в город Москву по своим надобностям и будет счастлив увидеть Вас воочию. Смею надеяться, что два года виртуального общения дают мне право просить Вас об этом. Впрочем, и отказ приму с уважением и покорностью, но огорчен буду безмерно.

Приезжаю в ближайшую субботу в 17 часов.

Целую руки,

Ваш А.

Она крепко задумалась. И хотелось и кололось. С Архивариусом этим переписка и впрямь длилась два с лишним года. Человек был симпатичный и ненавязчивый, хотя, по Тининым меркам, излишне вычурный, преподаватель какого-то про-



винциального вуза. Опыт общения с интернетовскими знакомыми показывал, что встречи в реальности отношения лишь портят. Опять же, в субботу планировалась поездка в Петербург. Отказать? Согласиться, но самой не подойти, а рассмотреть из укрытия? Или все же? Ненадолго так, в кафе, чтобы не успеть наговорить лишнего?

Еще не поняв, чего же она хочет на самом деле, Тина нажала на «reply» и застучала по клавишам.

Глава 5

Длинный нервно одернул коротковатые рукава милицейского кителя. Где же эта чертова валюта? Он стоял посреди кухни, недовольно разглядывая содержимое вывернутых шкафчиков и полок, когда услышал, как в соседней комнате Рыба что-то с грохотом обрушил на пол.

— Вот урод, всех соседей перебудит! — разозлился Длинный и пошел к подельнику.

Рыба, мелкий, бесцветный парень с мутными голубыми глазами навывкате, сидел на полу, усыпанном грудой конвертов, буклетов и разномастными цветными фотографиями. На бумажках бросались в глаза набранные жирным курсивом слоганы: «Мы поможем вам найти счастье!», «Ваша половинка ожидает вас в солнечной Италии!», «Фирма „Райская птица“ — женихи со всего мира!».

Рыба с полуоткрытым ртом заворуженно копшился в макулатуре, выискивая снимки.



— Гля, Длинный, скока у шмары мужиков было! — сдавленным шепотом обратился он к Длинному, протягивая карточку толстого кудрявого негра на фоне оранжевой газонокосилки.

— Ты, козел, лучше бабки и золото ищи! — рявкнул тот, пнув Рыбу ногой в бок.

— Ну, че ты, че, — заскулил Рыба, — я все перерыл, нет ни фига. Может, шмотки возьмем, а? Вон шубы какие!

— Сколько раз тебе, уроду, объяснять — никаких шмоток. С ними сразу засыплемся. Мороки много, а навару — копейки. Ищи под матрасом и в белье!

Отбросив ногой игрушку панду с большими печальными глазами, Длинный вышел в холл.

В углу, рядом с кожаным диваном, лицом вниз лежала женщина. Спутанные рыжие волосы рассыпались, а на светло-голубом паласе вокруг головы расплылось темное пятно. Длинного передернуло. Кровь во всех ее видах с детства заставляла его дервенеть, как богомола в опасности. Стараясь не смотреть на тело и прерывистую дорожку кровавых следов из коридора, он схватил с дивана плед и накинул на голову женщины.

Оцепенение прошло, но стало душно, липкий пот выступил на лбу. Длинный открыл балконную дверь и шагнул наружу. Кроны деревьев верхушками почти дотягивались до третьего этажа, было тихо, окна в соседних домах погашены. Общежитие напротив угомонилось, лишь по проспекту за домами чуть слышно шуршали машины.



Вариант с рыжей он задумал давно. Сначала пробил по компьютеру адрес. Оказалось, что огромная сталинская коммуналка расселена и приватизирована одинокой молодой женщиной. Кроме «овцы», как он звал всех баб, и дочери-подростка, других жильцов там не было. Удачно, к тому же в любимом им Районе. Он зажмурился от удовольствия и начал тщательно готовиться.

Неделю посвятил наблюдению за «овцой» и соседями. По утрам долго просиживал на лавке в кустах рядом с парадным. Курил, попивая из горлышка пиво, и внимательно разглядывал посетителей дома, фиксируя распорядок дня намеченной жертвы. Наблюдения его порадовали. Квартир всего шесть. Из двух с началом тепла жильцы съехали на дачи, прихватив детей и собак. Еще в одной шел вялотекущий капитальный ремонт и никто не жил.

Населенными оказались две: напротив «овцы» на площадке обитали благообразные пенсионеры с внуком, студентом-очкариком, да семейство этажом ниже. В последнем был мужик, сытый и довольный собой. И гости наезжали такие же кормленые. Длинный усмехнулся — все ясно. Рано или поздно эти тоже загрузятся в самолет или объемную иномарку и покатят на отдых.

Немного тревожила общага рядом с домом. Но, проведя пару дней поблизости, Длинный убедился, что «вечно молодой и вечно пьяный» контингент заведения занят исключительно собой и своими разборками. Все, что происходит вне, — «живущие сообща» напрочь игнорировали.



Записав свои наблюдения в отдельный файл, он отложил тему в Районе на будущее...

Глава 6

Москва была Москвой. Шумной, забитой машинами и людьми. Михаил Иванович поймал «Волгу», преследователь его впопыхах остановил такси. Водитель высадил Михаила Ивановича за две улицы до кафе:

— Не проехать, мужик. Извини.

С провинциальной подозрительностью Михаил Иванович поинтересовался:

— А что? Прошлый раз подъезжали.

— Копают, — лаконично пояснил водитель. Прозвучало это с восточным фатализмом, прямо как у Абдуллы из «Белого солнца пустыни» — «Стреляли...».

Михаил Иванович глянул на часы и чертыхнулся: он опаздывал, хотя и несильно. От идеи встретить девушку уже за столиком, убрав сумки с глаз долой, пришлось отказаться. Цветы умялись в плоскую лопату, и Михаил Иванович, взмахнув букетом, попытался его распушить. Тихо посыпались лепестки.

Тина в этот момент тоже посмотрела на часы и с раздражением перевела взгляд на салатный бар:

— Винегрет, господи ты боже мой!

— Очень хороший винегрет, дама! Рекомендую. Вы берите, не сомневайтесь, а то у вас только ми-



дни и маслины, так, знаете ли, нехорошо, надо всякое брать!

— Вот вы и берите, — обозлилась Тина, — а я хочу маслины и мидии, еще спаржу бы взяла, если б у вас нормальный ассортимент был, винегретом вашего мужа кормите!

Она победно добавила на тарелку горсть маслин и пошла к столу, по дороге искоса глянув на вход: там, прижимая к груди желтые цветы, топтался взъерошенный тип в круглых смешных очках. Тина мотнула головой, тип двинулся за ней.

— Фата-Моргана? — вопросительно произнес он.

— Угу, — буркнула Тина и оглядела тарелку. Маслин было многовато. — Как добрался?

— С трудом, — обрадованно подхватил тему Михаил Иванович, — ехал на поезде и перепрыгивал канавы. Но вот он я здесь. А вы еще эффектнее, чем я думал. Дозвольте цветы преподнести? Что желтые — вас не смущает? Зеленые астры как-то по-декадентски было, а белые банально.

— Да я вообще к цветам спокойно отношусь, — хмыкнула Тина, — особенно к веникам по случаю знакомства.

— А к чему же не спокойно? — решил форсировать разговор Михаил Иванович.

— К дурацким вопросам, — привычно огрызнулась она, но вспомнила, что человек, в сущности, не чужой и не глупый. — Ладно, я что-то не в тонусе. Тут, оказывается, салат-бар с ограничениями. Я ей говорю: девушка, я не ем вашу траву. А она, пони-



маете, как в анекдоте: да вы масло на хлеб намазываете! Я его только из-за маслин заказала. У них вкусные, со специями. А она мне — берите винегрет! Вот жаба, ей-богу. Хотите винегрет, кстати?

— Винегрета со времен студенческих столовых не переносу. Увольте! А маслины какие, ливанские? — поинтересовался Михаил Иванович. Черт его знает, что такое эти ливанские маслины, но вопрос звучит красиво, изобличая знатока. — Или греческие?

— Маслины со специями, а паспорта я у них не спрашивала, уж извините. Ладно, я от злости уже не голодна. А выпить здесь не наливают, разве что к кофе. Мне через два часа на вокзал надо. В Питер еду.

Лицо у Михаила Ивановича вытянулось.

— А поехали со мной? — Тина сама удивилась своему предложению, но отступать было не в ее правилах. — Настоящий город покажу. Ты что в Москве планировал делать?

— Да, собственно, ничего особенного, в Ленинке хотел посидеть, потом вот по книжным магазинам пройтись...

— В Публичке посидишь. А книжных там даже больше, я тебя и в издательства свожу. У них теперь свои магазины, и дешевле, и выбор больше. Поехали, а?

— Поехали, — неожиданно легко согласился Михаил Иванович. — Только билет надо купить?

— Ничего не надо. Прямо к проводнику подойдем и договоримся.



Пару часов они бродили по городу, дивились чистоте и какой-то купеческой размашистой роскоши, причем Михаил Иванович еще раз похвалил себя за умение ездить без багажа, потом действительно договорились с проводником, и только в поезде, разбирая сумку, Михаил Иванович с ужасом обнаружил пакет с веселыми попугайчиками, который должен был передать в Москве. Он чертыхнулся и глянул в окно, где уже проплывали первые пригороды.

— Что-то забыл? — Тина копалась в сумке.

— Да. Забыл. И ведь не позвонишь теперь, — махнул рукой Михаил Иванович.

— Почему не позвонишь? Мы еще в зоне. — Тина выудила из рюкзака мобильник и протянула Михаилу Ивановичу. — Звони, пожалуйста, дорогой.

Перед Михаилом Ивановичем нарисовалась дурацкая перспектива: звонить надо было даме, с которой у него как раз завязалось нечто вроде романа. Ну, не совсем романа. Просто недавно Михаила Ивановича занесло на некое пати, где белогорская верхушка вполне демократически общалась с творческой интеллигенцией города. Из интеллигенции было три хозяйки картинных галерей, несколько охочих до спонсорских денег актеров из местного драмтеатра, певец с перспективой на Москву и прочие. В число прочих вошел и Михаил Иванович, которого на халявную икру определила симпатизирующая ему секретарша. Там-то он и познакомился с барышней. Барышня была хорошенькая до невозможности и в такой же степени пустенькая. Но от умных Михаила Ивановича уже подташни-



вало, так что он только воспрял. Ручку он ей жал? Жал. Шампанское приносил? Приносил. Compliments говорил? А как же. Ну, может, не по уму комплименты оказались барышне, так что с того? Телефончик дала, и уже дважды виделись. Второй раз как-то странно, на остановке, впопыхах, да еще и пакет какой-то всучила. Причем отдать надо ей же, но в Москве. Михаил Иванович в эти тонкости входить не стал и пакетик взял, надо так надо.

Он бочком вылез из купе и набрал номер. «Абонент выключен или находится вне зоны...» — уныло сообщил голос. Михаил Иванович вернулся в купе. На столе уже появилась бутылка минеральной воды и ребристые яблоки. Путешествие началось.

На московском перроне в это время давешний молодой человек с тоской копался в бумажнике. Денег не хватало не только на билет до Питера, но и на ночлег. Разве что в Доме колхозника. Объект был потерян.

Глава 7

На пустом столе сиротствовали два склеенных между собой листа бумаги. Посередине бумажного полотна красным фломастером был нарисован круг, от которого во все стороны разбегались острые стрелочки, утыкавшиеся в кружки поменьше.

В центральном круге большими траурно-черными буквами было выведено: «Петухова З.». И крохотными в скобках — «потерпевшая».



В четырех других значились — Петухова В. И., Кукуев Петр, «ничейный дедушка», Митька-художник.

В многочисленных пустых кружочках стояли аккуратные знаки вопроса. Сверху четким почерком каллиграфически выведено: «Схема преступления». В правом углу нарисована страшная рожа с рогами, без подписи и кружочка.

За столом перед всем этим богатством в полном унынии сидел оперуполномоченный уголовного розыска районного отдела — Татаринов Алексей Леонидович. В просторечье Лешка или Лешечка. Лешечкой звали барышни и мама.

В активе у Лешки были: молодость, законченный юрфак Университета, новенькое удостоверение лейтенанта милиции и огромное желание немедленно выехать на преступление. Желательно зверское и кровавое, с широким общественным резонансом. Преступление надлежало раскрыть немедленно, по горячим следам на глазах у восхищенной публики и средств СМИ.

В пассиве было полное отсутствие практического опыта и зверских убийств на территории района в текущий момент.

С утра на сходке ему досталось возбужденное ночью дежурным следователем дело по факту причинения гражданке Петуховой З. тяжкого телесного повреждения. А точнее, проникающего колото-резаного ранения брюшной полости. А если попростому — кто-то ночью пырнул Зинку Петухову в живот ножиком и скрылся.



На Лешкин взгляд, дело было явно не масштабное и совершенно не резонансное. Но, судя по второпях составленному протоколу осмотра, в меру кровавое.

Оперативно-разыскные мероприятия по установлению и поимке злодея руководство отдела торжественно поручило Лешке. Уловив только звучные слова «проникающее ранение» и «неизвестный преступник», Лешка в первый момент обрадовался. Усталый следователь, сменяясь с дежурства, успел пробормотать, что все случилось в квартире и присутствовавшие известны. Маячило быстрое и легкое раскрытие «по горячим следам».

Ехидная ухмылка старшего группы Игоря Крушинина не насторожила начинающую «звезду русского сыска».

Лешка, схватив первые попавшиеся бланки, стрелой метнулся в дежурку, где с ночи томилась основная часть действующих лиц, а именно: мать пострадавшей, Петухова Валентина Ивановна, и странная особь, обозначенная в рапорте как «дедушка без документов».

— Непонятно, зачем их в дежурке держат? — удивился Алексей.

Дежурный, увидев опера, облегченно вздохнул:

— Ну, наконец-то, а то сил моих больше нет, достали твои клиенты, забирай давай, не продохнуть от них! Вытрезвитель брать отказался.

Помощник дежурного, гремя ключами, открыл дверцу «аквариума», и перед онемевшим Лешкой,



одуряюще воняя перегаром, мочой и прогорклым маслом, возникла парочка.

Особь пониже ростом в разорванной фиолетовой кофте и таким же по оттенку синяком на лице, увидев опера, кокетливо прищурила целый глаз и хрипло протянула: «Мужчина, угостите сигареткой!» Особь повыше скорбно молчала, но выглядела гораздо колоритнее первого экземпляра, ибо при плюс двадцати семи на улице была одета в черное длинное драповое пальто и оранжевые сандалики на босу ногу. Судя по седой щетине, клочками покрывавшей лицо, это был мужчина.

«Дедушка без документов — свидетель, — определил Лешка. — Е-мое, а фиолетовая, выходит, мамаша Зинаиды Петуховой!»

— Давай, давай, Алексей, уводи к себе в отдел, проветривать буду, — заторопил дежурный. Сунув Лешке в руки рапорта о задержании и потрепанный паспорт на имя Петуховой В. И., дежурный настежь распахнул окно.

Всю дорогу до кабинета Лешка старался не оглядываться, надеясь, что страшное видение исчезнет. Однако, судя по стойкому амбре за спиной и сопению, парочка не отставала.

Первой в кабинет была приглашена гражданка Петухова В. И. Дедушка, еще плотнее закутавшись в пальто, обреченно уселся на стул под дверью. Чувствовалось, что ждать он привык и не уйдет никуда. А может быть, и никогда.

Последовавшие часы в компании с Петуховой Лешка вспоминал с содроганием. Попав в каби-



нет, Валентина Ивановна сразу налилась высокомерием и монаршим достоинством. Вальяжно усевшись на ободранный стул, она закинула обтянутую в розовые лосины ногу на колено и ловко выудила из пепельницы на соседнем столе окурок. Цапнув из-под носа у Лешки зажигалку, жадно прикурила и, выпустив клуб дыма, одноглазово-выжидательно уставилась на Алексея. Второе око Валентины Ивановны стремительно заплыло под синяком.

Лешка, как учили, мысленно собрался и строгим голосом спросил:

— Валентина Ивановна, что случилось у вас ночью в квартире?

Петухова непонимающе застыла. Решив, что В. И. не расслышала, он повторил погромче. Петухова оглянулась и, приблизив циклопье лицо, хрипло выдохнула:

— Кто?

Настала очередь замереть Лешке.

— Что «кто»?

— Кто — Валентина Ивановна? — удивился циклоп.

«Батюшки! — испугался Лешка. — Неужели дежурка не тех отдала?»

И судорожно полез в паспорт. Оттуда, чернобелая, смотрела все та же Петухова В. И., только с двумя глазами и в целой кофте.

— Гражданка, не морочьте голову, что случилось с вашей дочерью Зинаидой?! — терпение неопытного Татаринова быстро иссякало.



Петухова беззвучно, как в немом кино, зарыдала крупными жемчужными слезами и принялась мощно раскачиваться на стуле.

Лешка бросился к графину с водой, налил стакан и протянул Валентине Ивановне. При виде жидкости та мгновенно прекратила плакать и качаться, вырвала стакан и залпом осушила. Потом вздохнула и впала в блаженный ступор. Лешку спас окурок. Он догорел и обжег Петуховой пальцы. Вздвогнув, она хихикнула и кокетливо погрозила оперу пальцем:

— Зачем, а?

Театр абсурда продолжался почти час. Петухова то хохотала навзрыд, то трагически застывала. Выпила всю воду из графина. На Лешкины вопросы она твердила одно: «Зачем?»

— Что «зачем»?! — наконец, не выдержав, заорал в голос Татаринов.

Лешкин крик подействовал. Петухова радостно оскалилась полубеззубым ртом и, озорно стреляя единственным оком в Лешкину сторону, с игривым голосом выдала:

— Дедушку моего зачем забрал?

— К черту дедушку, кто Зинаиду ножом ударил?! — Татаринов изо всех сил шарахнул кулаком по столу.

Весь спецкурс психологии и тактики допроса свидетелей, сданный когда-то на «отлично», окончательно улетучился.

— До-о-че-нька-а моя, ми-и-ленькая, кровинушка-а!! — в ответ заблажила Петухова так, что из



самого дальнего в отделе кабинета примчался Крушинин, месяц мечтавший в спокойное дежурство немного выспаться.

Увидев Петухову, он тихо и нехорошо произнес:

— Если ты, Валька, еще раз так заорешь... — но продолжить не успел.

Петухову смело со стула.

— Петрович, прости, прости, черт попутал, Петрович! — заверещала она на одной ноте, пытаясь бухнуться оперу в ноги.

Крушинин вышел. Через пару минут вернулся, бросил Лешке на стол толстую замызганную папку и со словами: «Ознакомься» — удалился досыпать.

Открыв папку, Лешка обнаружил целую кипу отксеренных заявлений и объяснений от Петуховой З., Петуховой В. И. и еще каких-то граждан. Граждане, выражаясь казенным милицейским языком, «имели притяжение» к месту обитания Петуховых.

Содержание документов сводилось к красочным описаниям затяжной и непримиримой войны, которую представители рода Петуховых вели с незапамятных времен между собой. Иногда они объединялись по родовому признаку и воевали с семейством неких Сметаниных.

Для масштабности в горячие локальные конфликты с применением увесистых бытовых предметов часто вовлекались ничейный дедушка и бесчисленные сожители Зинаиды.

Травмы легкой и средней степени за потери не считались. Обращаться за медицинской помощью



с такой ерундой было для клана западно. Но заявления в милицию друг на друга писали охотно и регулярно, со всеми интимными подробностями, до и после сражений. Заявители требовали привлечь и сурово наказать в начале кляуз и напроць отказывались от любых претензий — в конце. Чем дальше обалдевший Татаринов листал замусоленный том, тем сильнее ему казалось, что читает он не материалы проверок, а средневековые летописи, призванные фиксировать «жития» семьи и иже с ними для потомков. И тайный смысл их вовсе не в привлечении к ответственности, а в чем-то ином, вечном и до конца разумом непостижимом.

«Сводки с поля боя» официально регистрировались в дежурной части отдела, где каждой присваивался персональный номер. Потом назначался ответственный за проверку сотрудник, обреченный вести долгие и изнурительные опросы участников битвы и составлять объяснения. Все это действо занимало членов семейства так же живо, как и сами военные действия. Особую гордость у ветеранов сражений вызывал большой синий штамп дежурки, венчающий, как герб дворянской фамилии, каждый эпизод летописи.

Ксерокопии «летописи» занимали огромный том, ехидно именуемый в отделе «Петуховы и С°. Избранное» или «Петушины бои. Пособие начинающим». Снятие копий было вынужденным и имело целью хоть как-то обезопасить личный состав от происков проклятого клана.



Дело в том, что насобачившиеся в законах и склочные с похмелья уполномоченные представители от «П. и С^о» строго следили, чтобы никто из сотрудников не смел занывать заявление или пометить его не теми штампами.

Уличенный в подобном сотрудник от полугода до нескольких лет вынужден был писать рапорты и объяснения во все прокуратуры, включая генеральную. Бывало, даже ездил туда и оправдывался лично, ибо Петуховы обид и пренебрежения не прощали. Мстили жалобами. Копии рапортов пострадавших сотрудников, кстати, были подшиты в тот же том, в назидание новичкам.

Случались и серьезные потери. Правда, судебным медикам нечасто удавалось установить истинные причины гибели бойцов. Вскрытие показывало одно — количество и качество выпитого абсолютно несовместимо с жизнью человека. Оставалось загадкой, как, собственно, погибшие экземпляры вообще могли двигаться и драться.

Задержанный вместе с Петуховой дедушка был приبلудным. В родстве с Петуховыми он не состоял, когда появился в квартире и что там делал в ту ночь — не помнил никто. Правда, местный участковый выяснил все-таки, что дед раньше имел фамилию, отдельную квартиру и пенсию. Но судьба-злодейка свела его с Валентиной Ивановной, и все пошло прахом: на площади деда немедленно поселилось многодетное кавказское семейство, с представительницей которого у бедного старца за два дня были оформлены брак, развод и дарственная на квартиру.



На момент появления в Лешкином кабинете у деда из имущества и документов осталось только драповое теплое пальто, босоножки и справка из психиатрической больницы № 4 города Новосибирска.

Притихшая после визита Крушинина Петухова-мать словоохотливо пояснила, что дедушка появляется в квартире после пенсии, живет несколько дней, а потом дружно изгоняется, ибо, выпив, топором рубит двери. Сама рубка, по словам Петуховой, никого не тревожит. Рубит дедушка только соседские двери, но это отвлекает от общения и раздражает монотонностью.

Что касается дочери Зинаиды, как далее поведала В. И., то это она обнаружила «кровинушку» ночью посреди коридора, в красивой голубой комбинации, с ножом в животе. Спросив, что случилось, получила нецензурный ответ, решила, что у доченьки критические дни и удалилась выпивать дальше. Кто вызвал «скорую» — не знает.

Особый упор в рассказе Валентина Ивановна отчего-то делала на невероятную красоту комбинации, намекая, что эту дивную вещь лично подарила дочери. И требовала занести сей факт в протокол.

В итоге, замученный насмерть, Лешка понял одно: ударить Зинаиду ножом мог каждый, и было за что. Понять, кто, когда и в какой последовательности в ту злосчастную ночь приходил в квартиру, было совершенно невозможно — праздник жизни начался неделю назад, сразу после прихода «ничейного дедушки» с пенсией.



Петухова честно старалась определиться во времени и пространстве событий. Вехами служили наименования и количество выпитого, но после упоминания пятой бутылки, которую «третьего дня» принесли Сметанины, ее аналитические способности отказали.

К моменту встречи с дедом Лешка разговаривал и двигался уже на автопилоте. К слову сказать, в отличие от Петуховой, дед вообще ничего не говорил, на все вопросы только ласково улыбался и кивал. Промучившись еще полчаса, Лешка плюнул.

— Хрен бы какой Пуаро или Холмс это дело раскрыли! — утешил себя Татаринов. Потом вздохнул, все-таки нарисовал, как учили, пресловутую схему, над которой и уселся в полном отчаянии.

Очнувшись и посмотрев на часы, он обнаружил, что уже десять вечера. Белые ночи, светло, как днем. Решив, что нужно добить проклятое дело сегодня, Лешка побрел домой к Петуховым.

Оставалось найти единственно нормального человека в этой истории, соседа — художника Дмитрия Северьянцева. Хотя циклопша Петухова и называла его пренебрежительно «Митька-глинодав», у Леши теплилась последняя надежда. Художник все-таки. К творческим личностям Алексей относился с искренним восхищением, возможно, потому, что никогда с ними близко не общался. Петухова, кстати, заявила, что Митька в адресе вроде бы был, а если даже и ушел, то комната его открыта всегда.

— Почему? — удивился Алексей.



— Голь перекатная, брать нечего, — обрисовала она уровень благосостояния творческой личности. Заодно настучала, что Митька часто бывает в соседнем парадном, где в мансарде мастерская какой-то девицы. То ли Марьяны, то ли Мары. При этом Петухова снова пыталась принять царственный вид, чем окончательно вывела из себя Лешку и была изгнана вместе с дедушкой из отдела вон.

Глава 8

— Хорошо! — выдохнула Тина и оглядела перрон.

Мимо, недовольно жужжа моторчиком, проехала телега носильщика — народ с московского поезда шел налегке и целеустремленно. Михаил Иванович половчей обхватил сумки, выжидательно уставился на Тину.

— Порядок, — сообщила она, — через полчаса кофе будем пить, а то можем в камеру хранения все сунуть и погулять. Не хочешь?

— Лучше с кофе начнем, — сказал Михаил Иванович и осторожно уточнил, — а нас там точно ждут?

— Конечно, ждут, — обиделась Тина, — только надо поесть что-нибудь купить. И кофе. Ну, давай, двигайся!

Петербург был примерно таким, как и представлял себе Михаил Иванович, — с тусклым, подсвеченным изнутри небом, широкой рекой и стриженными липами, впрочем, многого из окна марш-



рутки было не разглядеть. Затем выгрузились и помчались сквозь низкие арки и какие-то проходные подъезды: один двор, другой, третий... в пятом дворе Михаил Иванович притормозил и огляделся: нет, двор точно был другой, подозрение, что его гоняют по кругу, оказалось безосновательным. Тина в это время задрала голову и свистнула. В форточке скошенного мансардного окна показался кулак с зажатым ключом.

— А говоришь — не ждут. Еще как ждут! Спать не ложатся, у окна сидят, вот как ждут! — тараторила Тина, быстро поднимаясь по лестнице.

Михаил Иванович следовал за ней, с интересом озираясь. Лестница была странная, узкая и явно не жилая, двери квартир, казалось, не открывали целую вечность. Наконец добрались до самого верха. Ключ со скрипом провернулся в замочной скважине. Прижимая к себе сумки, Михаил Иванович прошел по длинному темному коридору и на пороге комнаты застыл. К такому он был не готов.

По левой глухой стене огромного многооконного пространства, располагалась ванная на изогнутых ножках, газовая плита и выгородка, где явно был туалет. Напротив входа кренился скелет елки, подмигивая разноцветными лампочками, за ним виднелся камин с плоским ярко-оранжевым пламенем. Гудящие трубы, окрашенные во все цвета радуги, опоясывали верх стены, и с них на тонких нитях свисали куклы и шляпы.

Но главное было — картины. Они висели и лежали повсюду. Толстые, с лучистыми глазами люди



ели, гуляли парами и вообще разнообразно радовались жизни. Дородные мамки кормили грудью, булочники протягивали пухлые булки, а толстые усмешливые ангелы парили над ними. Тем неожиданнее было появление хозяйки — совсем маленького остроносого существа со спутанной копной темных кудрей и припухшими со сна огромными темно-синими, почти фиолетовыми глазами.

— Марьяшечка! — завопила Тина и ринулась обниматься.

— Ага. — Существо, похожее на эльфа, отстранилось и поинтересовалось: — Ты шаль привезла?

— Какую шаль?

— Не привезла, значит, — уныло откомментировали под нос и зашаркали за ширму. — Так я и знала. И кофе не купила...

— А вот кофе купила! — рассердилась Тина и полезла в сумку.

Михаил Иванович тихо кашлянул.

— Здравствуйте! — сказал он спине. — Михайло Иваныч меня зовут. Дозвольте ручку?

— Ручки нет! — неприветливо отозвался эльф. — И шали нет, и ручки нет. Карандаш могу дать.

Михаил Иванович хотел было уточнить, что ручку он просил хозяйскую... облобызать, так сказать... но решил с этим делом повременить и объясниться уже после кофе.

Кофе пили долго. Молча. Вдруг камин поехал в сторону, и из-за него показался человек с чашкой:

— Вот, чую, кофе пахнет, а меня не зовут, не зовут, значит, не достоин раб Божий, значит, бур-



ды заморской. Не заслужил, стало быть. Как холсты грунтовать — Митька, поди сюды, а как кофе пить — не зовут, нет, — глубоким красивым басом пожаловался пришелец.

Михаил Иванович с интересом взглянул на очаг и обнаружил за ним еще одно помещение.

— Ты, Митька, как крыса Шушара прям, — засмеялась Тина, — из-за нарисованного очага вылезаешь. Или как сверчок — кто там жил-то?

— Ага, ага, с утра крысой обзывают, к вечеру гиеной величать будут или шакалом. — Пришелец быстро налил себе кофе и уселся на пол. — Волком позорным кликать станут... Рому бы сюда капельку или коньяку, а то одна вода подкрашенная, водохлебы вы бессмысленные, вот что я вам скажу. Ты, Тинка, ничего такого не принесла, нет?

— Так восемь утра, Митенька, какой ром?

— Ямайский, душа моя, или кубинский, вот «Гавана-клуб» такой был, помнится, «Абу Симбел» тож... эх...

— У меня коньяк есть, — вставил Михаил Иванович, — во фляжке.

— Человек! — заревел Митенька. — Благодетель! Ангел тиховейный! Давай его сюда, родимого, будем утренний декокт делать. А вы, бабы-дуры, видите, что человек помирает — и ноль внимания. Восемь утра у них, видите ли! Да в восемь утра умирать, может, еще обиднее!

Кофепитие затянулось, и Михаил Иванович заскучал. Девы почти не обращали на него внима-



ния, а Митя ушел за пивом и пропал. От нечего делать он принялся разглядывать кукол.

— Это все старые,— пояснила Марьяша.— Чарли Чаплина я для кафе одного делала, но они передумали, а остальные после спектакля остались. А хотите, новую покажу?

Михаил Иванович закивал.

Марьяша вышла за занавеску и появилась с большой марионеткой, согласно перебиравшей ножками вслед нитям и моргающей с тихим клацаньем. Цвета кукла была сине-зеленого, имела усы и три пары лап. Михаил Иванович подивился легкости, с какой хозяйка управлялась со всеми нитями, и вежливо сказал:

— Отличный муравей!

— Это. Не. Муравей! — сердито заявила Марьяша и тут же продолжила, кокетливо и пискляво: — Я — Сверчок. Нежный и мудрый. Мой маленький друг Пиноккио во всем советуется со мной. Буквально во всем! Сегодня я пойду к нему в гости и одарю его своей мудростью и нежностью. Я раскрою ему глаза на мерзкую сущность девочки с голубыми волосами. Он поймет наконец-то, кто его истинный друг!

— Но позвольте! — запротестовал Михаил Иванович.— Там было совсем по-другому! Сверчка убили башмаком уже в первой главе! За занудство и несвоевременность советов.

— Гнусные инсинуации! — жеманно вильнул задницей Сверчок.— Мы с моим милым Пиноккио лучшие друзья! Сегодня вечером все в этом убедятся!



— Что, хочешь его с собой на спектакль взять? — оживилась Тина. — Здорово! А пропустят?

— А пусть попробуют не пропустить, — сообщила хозяйка, — мало не покажется. С пустыми руками к нему много всяких дур ломиться будет, а я коллега, я ему, может, даже подарю марионетку. Если понравится.

— Понравится, конечно, — поддержала Тина. — Как такая лапочка может не понравиться?

— Нет, если мне Карлос понравится, — уточнила Марьяша и унесла сверчка обратно за занавеску.

— Ну и хорошо, — подытожила Тина. — А теперь мы пойдем осматривать город.

Глава 9

...Длинному все больше нравилась выбранная им жертва. Безбашенная девка оказалась валютной проституткой, данный факт не скрывала и активно бравировала своим путанством. Возвращаясь домой под утро с очередным иностранцем, она демонстративно хохотала в притихшем ночном дворе, а потом громко бухала входной дверью. Соседи привыкли, а семейство этажом ниже вздыхало: «Опять Ритка веселится!»

Ритка, несмотря на путанство, была образцовой матерью. Муж за какую-то пьяную глупость угодил на зону, а потом вовсе пропал. Оставшись с крохотной дочкой на руках, она сначала растерялась, но оправилась от первого шока и трезво



взвесила свои шансы. Главное — поднять дочку. И не так, чтобы на трех работах с утра до ночи колотиться, а в результате жалкие обноски, скудное питание и захудалая школа.

Ну уж нет! У ее дочки все будет на высшем уровне, чтобы ни одна зараза не могла пальцем показывать и комплексы у ребенка развивать. Ни образование, ни специальность кондитера третьего разряда таких возможностей Ритке не давали. Оставались только внешность и возраст.

Двадцать шесть лет — это, конечно не восемнадцать, но и не тридцать пять. Внешность у нее не подкачала. Натурально медно-рыжая, с молочной белой кожей, яркими глазами и точеной фигурой, она выделялась из любой толпы. Потратив последние деньги на несколько стильных дорогих шмоток и косметику, Ритка ринулась в ночные кабаки, недавно открытые прямо у дома, на набережной.

В прежние времена такими заведениями славились только гостиницы «Интуриста». Они кишели спецурой и строго, на манер государственной границы, делились между сообществами путан. Потом все эти запреты и условности канули в Лету. Кабаков стала тьма, валюта — пожалуйста, девиц отслеживать некому, да и незачем. Как будто специально для Ритки все удачно устроилось. Плюс отдельная, хоть и невзрачная, квартира и крайняя Ритина чистоплотность.

Все ее невеликое домашнее хозяйство было вычищено, вылизано и имело некий, пускай пуританский, но стиль. Заработанные «честным женским



трудом» зеленые американские деньги (а Ритка строго брала только доллары) она три года, отказывая себе во всем, копила. Когда-то, в юности, она мечтала стать шеф-поваром самого крутого ресторана на Невском — «Европы». Но жизнь распорядилась по-своему. И Ритка, как та лягушка из русской сказки, набултыхавшись с головой в горшке со сметаной, принялась усиленно двигать лапками, взбивая масло.

Масло появилось: ремонт в квартире, а у ребенка лучшие одежды и игрушки во дворе. Когда девочка подросла, Ритка определила ее в престижный колледж — с профилирующим английским и гуманитарным уклоном. Школа была очень дорогой, интернатного типа, дочку Рита видела теперь только по выходным, да и то не всегда.

Постепенно круг клиентов сузился до минимума, появился постоянный богатый финн, часто приезжавший в Петербург по делам фирмы. Сентиментальный суоми не переставал умиляться материнским чувствам рыжей валькирии, идеальному порядку в квартире и какой-то западной практичности русской женщины.

Года через полтора регулярных встреч он решился и предложил ей на ломаном русском руку и сердце. Бизнес фирмы окреп, его назначили директором в питерском филиале. Он присмотрел себе коттедж в бывшем финском Териокки, а ныне городе Зеленогорске. Оставалось завести жену.

Ритка обещала подумать, а пока продолжала методично обдирать по полной программе, с чем



финн смирился и даже немного гордился, представляя себя в образе главы семейства, да еще и с готовой дочкой. У Пекки Пеккетайненна был только один недостаток: практически полная импотенция. Приезжая в Петербург, он большую часть времени уделял не фирме, а непрерывным походам по врачам-андрологам и народным целителям в поисках чудодейственного средства. Ритку это устраивало: свою норму секса она с лихвой получала, работая по кабакам...

Глава 10

«Осматривать город» оказалось совсем не тем, что представлял себе Михаил Иванович. Когда-то, в глубоком детстве, родителям удалось пристроить отличника младших классов Мишу в состав школьной экскурсии в Ленинград. Заправляла поездкой энергичная учительница истории. Вывозили только старших школьников. Из «мелких» в группе оказались Миша и дочка самой учительницы, шустрая девчонка, которую больше интересовали старшеклассники, чем исторические достопримечательности.

Начало ноября для Белогорска — обычная милая осень. Все знали, что едут в «северную столицу», но никто не думал, что северную настолько. «Пальмира» встретила морозом и ледяным ветром. От поездки у Михаила Ивановича остались отрывочные воспоминания об огромных, насквозь про-



дуваемых площадях, бесконечных, прямых и промозглых улицах да отмороженные уши.

— Ну что, дамы, посетим Невскую «перспективу»? — бодро спросил Михаил Иванович.

«Дамы» лаконично, но доходчиво объяснили, что на проспект его не поведут. Невский — это вам не Красная площадь, на него всяко выйдешь. И вообще там одни приезжие и «панельные» художники. Если так уж надо увидеть, можно открытку купить, а вот истинный город посмотреть — это да, это круто. И повели.

Минут через сорок Михаил Иванович, гордившийся своим умением ориентироваться на местности, понял, что, если девицы бросят его и скроются, он не выберется из этих трущоб никогда. В первых дворах он еще по-честному крутил головой, пытаясь запомнить арки и проходные парадные. «Сквозняки», как выражались его провожатые. Но, когда пару раз, зайдя в подъезд, они проходили не насквозь, а сначала куда-то поднимались по темным лестницам, потом резко опускались почти до подвалов, там неожиданно ныряли в малоприметную дверцу в глухой стене и вдруг оказывались на другой улице, он обреченно сдался.

Больше всего Михаила Ивановича поражало, что за время путешествия они не встретили ни единого человека. Даже кошек не было. Хотя пахло ими на лестницах непрерывно и мощно.

«Наверное, выехали жильцы. Разве нормальные люди здесь будут жить», — по-белогорски рассудил он.



Марьяша и Тина веселым галопом уверенно неслись по лабиринту домов, радостно щебеча:

— Посмотри, Михаил, какой потрясающий двор! Это один из любимых — здесь весной на угловой стене вырастает то ли мох, то ли плесень сказочно изумрудного цвета!! Помнишь, Марьяш, ты пыталась найти похожую ткань, ну, когда тебя на зелени клинило и ты носила только зеленое? Митька тебя царевной-лягушкой еще звал...

— Сам он жаба! — буркнула Марьяша. — А дворик классный, здесь в парадном на полу при входе мозаика осталась и цветные витражи на окнах, пошли покажем человеку.

— Простите, ради бога, милые барышни, а мы, собственно, где именно находимся? Это, видимо, что-то расселенное, на снос? — робко обозначился Михаил Иванович.

Тина обернулась и наставительно воздела палец:

— Это, милый, не расселенка, а самый что ни на есть обитаемый центр. Сердце и легкие нашего города. Петр из-за болот специально так строил, чтобы город дышал и вентилировался. Поэтому улицы прямые и дворы проходные. Даже революциями и перестройками до конца изгадить не смогли! Тут каждая ступенька на лестницах легендами пропитана. В Москве одно парадное на весь центр, где якобы Воланд жил, — и то паломничество. А у нас такое в каждом доме. Здесь, чтобы квартиру расселить и купить, знаешь, сколько денег иметь надо? Депутаты Госдумы с олигархами насмерть бьются. Вот, например, в поликлинике, что на Малой Мор-



ской улице, графиня-покойница ночью шастает. Персонал до обморока пугает. Теперь поликлинику под казино хотят переделать. Бабка-то азартная была, что ей эти медики, вот рулетка...

И видя, как непонимающе закрутил головой Михаил Иванович, добавила:

— Ну, графиня, та самая, из «Пиковой дамы», ее это был особняк, а потом поликлиника стала. Нет, надо было тебя в Москве оставить. В мавзолей бы сходил или в зоопарк с церетелиевскими статуями!

— Да ладно тебе, Тина, — примирительно вступила Марьяша. — Ну, не готов человек сразу в такую пучину культуры окунуться. Давай лучше его на крышу.

— Там же кодовый замок врезали?

— Не проблема. Аркадий говорил: жильцы для нас специально звонок организовали.

Аркадий, по кличке Сталкер, известный среди богемной братии архитектор и непревзойденный знаток Питера, был личностью одиозной. В свое время он тщательно разработал собственные эксклюзивные проходы по улицам, парадным, крышам и подвалам старого центра. Показывал только избранным. Зная историю, архитектуру и предания каждого старинного питерского дома, он мог часами водить замороженную публику такими экзотическими маршрутами под чтение стихов поэтов Серебряного века, что впечатления оставались пожизненные.

Иногда проза жизни вынуждала Аркадия устраивать «продажные», то есть платные, походы. Как истинному художнику, подобные прогулки



удовольствия ему не приносили, ибо отвалившие деньги (обычно интуристы) должного интереса и уважения к реликвиям не обнаруживали. За что и бывали строго наказаны.

Все свои знали историю, как однажды, замучившись взывать к поэтическим и познавательным чувствам группы нетрезвых скандинавов, Аркадий завел их в величественное парадное старого особняка. Несмотря на представшее им мраморно-чугунное великолепие, викинги продолжали громко перекаркиваться на родном языке и пьяно хохотать.

Тогда Аркадий меланхолично и тихо поведал легенду, как здесь, в позапрошлом веке, бесследно пропадали люди. Оказалось, что исчезали только те, кто чем-то не понравился самому дому. Дом, по преданию, построил некий итальянец, с которым заказчик так и не расплатился. Из-за чего, собственно, архитектор-итальянец и проклял этот дом навсегда.

В свою очередь сам дом, истребив семейство заказчика, вошел во вкус и принялся за людей посторонних, чем-нибудь ему да не угодивших. Объяснить иначе те давние события так никто и не смог. Ну и так далее, с красочными мрачными подробностями.

Рассказывая, Сталкер вел группу по лестнице вверх, потом заводил в длиннющие коридоры и снова выводил на лестницу. Понемногу замороженные голосом и рассказом Аркадия, а также постепенно сужающимися пролетами и меркнувшим освещением скандинавы примолкли. На последних метрах, карабкаясь вверх уже по винтовой лесенке, почти в



темноте, они, как дети, робко жались друг к другу и боялись даже дышать. Кульминация настала, когда шествующий первым Сталкер внезапно зажег фонарик и показал им глухую кирпичную стену прямо перед собой, которой, собственно, лестница и заканчивалась. Тут он погасил фонарик, сделал шаг куда-то вбок и исчез.

Часа этак через четыре экскурсантов, полуобморочных и навсегда трезвых, ругаясь, вызволил наряд ППС. Наряд вызвали жильцы соседних домов, ибо группе туристов удалось вылезти на крышу, откуда они орали жалобно и протяжно.

Интересно, что к Аркадию и нескольким избранным, в том числе к Марьяше и Тине, жильцы домов-лабиринтов относились весьма дружелюбно. Как к чокнутым, но безвредным. Поэтому, устанавливая на дверях парадных замки, домофоны и прочие заслоны от надоевших бомжей, они всегда сообщали шифр Аркадию или же рядом с дверью незаметно встраивали кнопку звонка, чтобы лично запускать этих блаженных фанатов Петербурга.

Михаил Иванович попытался проникнуться, но получилось плохо. В приблизительном пересказе друзьям и знакомым путешествия выглядело глупо: ну, ходили по лестницам и крышам, сверяли эхо в разных дворах... хотя... вот если эту историю про «Пиковую даму» должным образом отредактировать и вечером в ресторанчике барышне... и так ненавязчиво показать, что не филистер какой-нибудь, маргинальная культура, опять же — ходил почти по самому краю крыши... экстрим.



Словом, Михаил Иванович не столько слушал, сколько преобразовывал уже услышанное в хорошую охотничью байку. Взгляд у него стал отстраненным, очки запотели, и когда он чуть было не поскользнулся на очередной крыше, девицы поняли — везти гостя надо к Исаакиевскому собору.

Радость Михаила Ивановича, что он наконец-то попал к общеизвестной святыне, была такова, что он покорно и бессловесно в одиночку полез по крутой лестнице на самый верх собора. Марьяша и Тина остались внизу курить.

— Вона как чесанул, прям отец Федор за колбасой! — желчно вслед ему кинула Тина. — Никогда, Марьяш, больше через Интернет знакомиться не буду!

— Ага. Зарекалась ворона дерьмо клевать, — хмыкнула Марьяша, с удовольствием подставляя лицо солнцу.

Глава 11

Часам к пяти вернулись в мастерскую, где застали все того же Митю, благодушного и нетрезвого, и какого-то сумрачного человека, простукивающего трубы.

— Здравствуй, Иван, — приветствовала его хозяйка. — Что, фонит?

— А ты зря смеешься, — сообщил тот, — вот прорвет эту синюю — плавать будешь.



— Перестань, — отмахнулась Марьяша, — каждый раз так говоришь, а ничего не случается. Лучше б крышу починили.

— Бывает, что ничего, а бывает, что и о-го-го! — туманно выразился Иван, но трубы обстукивать перестал и подсел поближе к Митьке и пиву. — Вот ты девка хорошая, а простых вещей не понимаешь. Трубы — они вещь тонкая, бывает, что фонят...

— А бывает, что и горят! — дружно закончили Марьяша и Митька. — Знаем-знаем.

— Это кто? — тихо спросил у Тины Михаил Иванович.

— Да водопроводчик здешний. На опохмел сшибает. Марьяшка тут нелегально, жилконтора ей за оформление наглядной агитации мансарду под мастерскую предоставила. Ну вот и ходят всякие типусы. Да ты не бойся, тут чужих не бывает. Мы сейчас на спектакль уйдем, а ты располагайся и Митьке, главное, денег не давай. Во второй комнате в комодке матрас надувной, его американка одна забыла, а если уйдешь гулять — ключ возьми. Он у Синеи Бороды на поясе в связке.

Михаил Иванович тихо подивился. Колючая и скандальная, Тина в Питере преобразилась, стала улыбчива и расслабленна. Печатило одно: романом тут и не пахло. Тина обращалась с ним как с кузеном, а Марьяша вообще не всегда замечала. Главное же — царила атмосфера тотального братства-сестринства, что Михаила Ивановича, возмечтавшего о каких-то порочных и неясных особенностях богемного бытия, удивляло и расстраивало.



Сразу же после ухода подружек Митька мгновенно стрельнул у растерявшегося Миханла Ивановича денег и исчез из мастерской. Уходя, предупредил:

— Ты, значит, дверь запри. Для спокойствия. А то тут всякий народ шастает. Потом барышни вернутся, посидим, поболтаем. Да, если в дверь колотить начнут или со двора орать и свистеть — не обращай внимания. Я три раза стукну.

Михаил Иванович побродил по мансарде, увидел красивый гляцевый том с надписью «И. Босх» с репродукцией «Воз сена, едущий в ад» на обложке, обреченно вздохнул, взял книгу и устроился в кресле у окна.

Глава 12

В отличие от дружной компании, осматривавшей красоты города, лейтенанту Татаринову в квартире Петуховых осматривать оказалось нечего. Разве что входную дверь. На ней, как в иллюстрациях учебника «Криминалистика», раздел «Трасология», отразились следы всех возможных способов проникновения в квартиры. Лешка минут пять восхищенно стоял перед дверью и бормотал:

— Так, взлом был, несколько отжимов, выбивание не меньше трех раз, замок полностью вынимали. Вроде бы даже путем подбора? — но, вспомнив проживающих персонажей, тут же поправился: — Нет, подбором вряд ли. Это они по пьяни в замочную скважину не попадали. Интересно, есть кто дома?



Он потянулся к вырванному из стены и висящему на проводке звонку, но нажать не успел. Дверь широко распахнулась, и на пороге возникла низкорослая пьяная особь непонятной половой принадлежности и возраста.

Крушинин называл таких: «От двадцати до семидесяти лет, трудной судьбы». Либо еще короче: «Контингент».

Глядя на Лешку мутными глазами, особь изрекла:

— Сашка, твою мать, где ты, мля, ходишь?! Мы уже начали!

Отодвинув непонятную личность, Алексей прошел на кухню. Там, во главе стола, с видом королевы в изгнании, восседала Петухова-мать, подле нее все тот же дед в пальто и, судя по лицам, «друзья семьи» — несколько мужчин и женщин. На столе стояла шеренга пустых бутылок и несколько полных с буро-коричневой жидкостью. В помятой алюминиевой миске по центру дымилось нечто непонятное и страшно вонючее.

— Когда же она, зараза, так напиться успела, ведь всего часа полтора назад от меня ушла? — загрустил опер.

Увидев Татаринова, «королева-мать» оживилась и радостно заорала:

— Начальник! Заходи, мы тут того, только что с кладбища! Помянем!

«Неужели Зинаида в больнице умерла?! Елки-палки, это ж теперь „глухарь“ на отделе повиснет! Интересно, где она гостей таких нашла, на клад-



бище, что ли, откопала? Стоп, что-то не то, не успела бы она так быстро и дочь похоронить, и нажраться», — попытался сообразить Татаринов и на всякий случай уточнил:

— Кого хоронили, Валентина Ивановна?

Услышав подобное обращение к Вальке Бешеной, гопники уважительно замерли. Валентина от важности выпрямилась, рискуя свалиться с табурета:

— Кого-кого! Муську нашу. Совсем еще девочка была. Нецелованная.

«Друзья дома» горестно закивали. Особь, открывшая ему дверь («Все-таки тетка», — решил Лешка, заметив остатки малиновой краски у нее на ногтях. «Или это кровь?!» — тут же бухнуло в голове), громко и жалобно выругалась и заплакала.

Когда минут через пятнадцать Алексей выяснил, что Муська была любимой кошкой контингента, то понял: надо бежать отсюда, и поскорее. Заглянув напоследок в распахнутую настежь комнату Митьки-керамиста, он с тоской обнаружил, что скорее всего человек искусства здесь не ночует. Спать было не на чем. Стульев в комнате не было, а на сломанном круглом пластмассовом столике, явно утащенном из летнего кафе, и двух полках на стене взрослый человек не помещался.

— Я же сказала — голь перекатная. Белок евоных видел? — раздался за спиной голос Петуховой. — Их даже продать нельзя, не берет никто, пугаются. Нет бы чего путного слепить!

Только тут Лешка рассмотрел, что на полках теснятся многочисленные глиняные скульптурки



белок. Петухова не врала, белочки были жутковатые: с безумными вытаращенными глазами, неприятно острозубые и преувеличенно когтистые. С облезлыми крысиными хвостами.

«Странные какие зверушки», — подумал Лешка и поспешил в соседнее парадное, искать мастерскую «некой Мары». Или Марьяны. Или новых приключений на свою голову.

Мастерская обнаружилась на последнем этаже нежилой лестницы. Остальные двери черных ходов квартир, выходящие туда, были намертво заперты огромными ржавыми гвоздями, вросшими в дерево.

Искомая дверь сияла кислотно-розовой краской, по центру вместо глазка на ней было нарисовано большое, широко раскрытое око. На противоположной стене аккуратно белел плакатик. На нем профессионально, углем, был выписан кусочек двора и бородатый дворник с метлой, убирающий окурки. Надпись гласила: «Уважаемые жильцы и гости! Будьте столь любезны бросать окурки в специально заведенную для вас пепельницу! А то совсем за.....»

От плаката вниз тянулась толстая стрелочка, а на полу стояла красивая керамическая ваза причудливой формы.

Звонок отсутствовал, и Лешка постучал. За дверью послышалось движение, будто прошелестела огромная летучая мышь, и вновь все затихло. Лешка постучал еще раз — безрезультатно. Из-под двери пробивалась полоска света.



«Если свет, может, ненадолго вышла?» — Лешка с надеждой уселся на ступеньки лестницы, решив подождать хозяйку полчаса.

Глава 13

Когда кончились деньги, Длинный, словно запрятанную конфету, вытащил из компьютера карточку с адресом рыжей «овцы».

Рассчитал он правильно. Семейство с нижнего этажа, во главе с крупным, спортивным мужиком, отвалило. Судя по количеству продуктов и сумок — надолго. А потом и рыжая проводила дочку на вокзал, посадила в электричку и долго махала рукой.

«Пора!» — решил Длинный.

Он вспомнил два последних удачных захода в этом Районе и заранее предвкушал удовольствие от нового варианта.

Район действовал на него успокаивающе, внушал уверенность. Он переставал сутулиться, шагал неторопливо, вальяжно, искоса поглядывая в витрины магазинов. Размытое витринное отражение ему нравилось: высокий молодой мужик в строгих очках и аккуратно отутюженной форме офицера, с папкой-«лентяйкой» под мышкой. Папку, работая в милиции, отец Рыбы выклянчил у какого-то участкового, а Рыба стащил и угодливо принес ему.

Все-таки форма — великое дело. Сразу весомости любой фигуре прибавляет, и прыщи на лице тёрются. Папка добавляла последний штрих в выве-



ренный до мелочей образ и была удобна: наручники и нож свободно укладывались в отделения, не оттопыривая карманы. Для натуральности он вкладывал туда же стопку бумаги и пару бланков.

В глубине души Длинный завидовал жителям Района. Ему грезилось, что именно тут обитают самые удачливые, успевшие вовремя хапнуть. Полноценные, с холеными надменными женами и ухоженными детишками. От остального мира их касту прочно отделяли толстые стены домов, огромные зеленые дворы и наглые бельма окон со стеклопакетами. Зато он, Длинный, мог без приглашения вломиться сюда, разрушить, что захочет, и взять, что пожелает.

На самом деле Район был так себе, среди настоящих питерцев никогда особой популярностью не пользовался. Вроде и от центра недалеко, и выход на Неву есть, но...

Отличавшая Район самодовольная помпезность отечественного конструктивизма с годами полиняла, а вместе с ней и остальное: дома, дворы, магазины и гигантские переростки-тополя. Даже бродячие собаки и скачущие во дворах воробьи стали пыльными и облезлыми.

Никаких культурно-архитектурных ценностей Район сроду не имел. Единственным приличным и даже приятным местом в нем было старое теннисное кладбище. Его возраст не портил, скорее добавлял привлекательности.

Звездный час этих мест безвозвратно минул лет пятьдесят назад. Сталинские машины с фруктово-



зерновыми наборами и мускулистыми статуями на фасадах тогда только отстроили, а в просторных дворах ошалевшие от улыбки фортуны счастливцы новоселы сажали тоненькие прутики тополей и ставили добротные, на загнутых бетонных лапах, лавочки. Казалось, вот она — сбывшаяся мечта о счастье советского человека.

В своем нынешнем состоянии Район ничего, кроме тоски, не вызывал. Слишком быстро «мечта» обветшала и приобрела неуловимый налет мертвечины. Евроремонты прогнивших квартир, стеклопакеты на фасадах и пузатые иномарки во дворах не спасали, а выглядели лишь жалким продолжением кладбища.

Сам Длинный родился и провел юность в центре. Но ни тогда, ни теперь он старого города не понимал, боялся и не чувствовал, какая сила заложена в каналах, проспектах и мостах. Все здесь, включая самые запущенные дворы-колодцы и глухие безоконные брандмауэры, пыталось донести до каждого прохожего что-то вечное и главное о человеческом бытии. В старом центре, вопреки времени, не было места суетности, а тем более смерти и унынию. Разве что в самый разгар белых ночей, среди достоевского ущелья, охватывала легкая грусть от миллионов слов, мыслей, судеб причудливо спрессованных и навечно оставшихся в каждом камне и оживающих в эту короткую пору. Но от этого хотелось лишь тихонько и ласково потрогать стены рукой или просто постоять на набережной, бездумно глядя на воду.



Длинный избегал центра. Даже присвоив себе чужую власть, в форме и с оружием, он все равно казался себе здесь жалким и лишним. Мерещилось, что застывший старый город видит его насквозь сотнями очерченных карнизами окон и брезгливо усмехается. Это раздражало и не давало покоя.

Переезд в другой район не помог. На новом месте все равно мучили ущербность, комплексы, одиночество.

Убивать он начал случайно в Районе. Когда истерическая паника и озноб от случившегося прошли, вдруг поймал себя на том, что воспоминания о простоте и легкости разрушения чужой жизни доставляют ему почти физическое удовольствие и ощущение абсолютной власти в этот момент. Старый город и люди от этого не приблизились, но потянуло повторить и проверить.

Он нашел свой Район и себя в нем. С каждой новой смертью становился все самоувереннее и вычурнее. Особо грела мысль, что эти милицеские, которые так унизили его, не взяв в свою систему, теперь, как слепые щенки, беспомощно мечутся по всему городу и ничего не могут сделать: ни его отыскать в огромном городе, ни назначенных им жертв спасти.

Украд на очередном убийстве компьютер и набив его всевозможными адресными базами, он буквально наслаждался, часами выискивая и перебирая на будущее удобные для себя варианты. В каждом районе их всегда находилось несколько. Он не мелочился — только обеспеченные, уверенные



в себе попадали в его картотеку. Главное, чтобы «овца» в квартире с утра была одна, остальное — дело техники.

Таких становилось все больше и больше, и как-то, пребывая в благодушном настроении после удачного дела, он снисходительно бросил Рыбе: «У нас с тобой на ближайшие лет пять работы хватит!»

Параллельно он методично и аккуратно переписывал из компьютера «отработанные» адреса в блокнот, испестряя каждый только ему понятными пометками и жирно замазывая черным адреса убитых им женщин. Ему казалось, что еще чуть-чуть и он свободно сможет сделать то же самое даже в ненавистном ему центре.

...И вдруг облом, и где — в ЕГО Районе! Грызла нестерпимая досада, но еще больше страшило почувствовать себя опять уродливым неудачником.

С рыжей путаной сначала все шло по накатанному сценарию: и дверь «овца» открыла без звука, и в квартиру не задумываясь запустила. Ее соседи с утра уехали, а полуобморочный от сессии и ночной зубрежки студент дрых сурком. Можно было не спешить...

И вдруг эта баба, спокойно сидевшая с ним на кухне, неожиданно рванула в коридор к входной двери. Выстрелил в спешке, не по плану. Боялся, что она выскочит на площадку, поэтому прицелиться толком не успел и впервые промазал. Зато второй выстрел — четко, коронно — в голову. Потом пришлось, чтобы открыть дверь и впустить Рыбу, волочить тело в комнату, оставляя на полу неровный кровавый след...



...Все зря: кроме шмоток, бытовой техники и бумажного реестра потенциальных кобелей-женихов, ничего нет. Жалкие сто финских марок, найденные Рыбой в записной книжке «овцы», Длинный от злости смял и выбросил. Рыба, улучив момент, незаметно поднял купюру и припрятал в карман.

— Валить пора, скоро собачники вылезут. — Длинный сплюнул на пол, но тут же ногой затер плевков, вспомнив книжку по криминалистике.

— Все, Рыба, берем технику и сматываемся, — скомандовал он. — Сегодня посмотришь, будут ли менты, если нет, вернемся. Завтра ночью все еще раз перетряхнем. Должна быть валюта!

Длинный внимательно осмотрел прихожую и хотел заставить Рыбу вытирать залитый кровью пол, но передумал:

— А, черт с ним! Если завтра ничего не найдем — подожжем, и следов не будет.

Рыба от такой перспективы съежился, но послушно взял большие спортивные сумки и тихонько выскользнул из квартиры.

Проверив на ощупь в кармане, не потерялись ли подобранные гильзы, Длинный вышел следом, аккуратно запер входную дверь на два замка и стал спускаться вниз.

Глава 14

Ждать на лестнице Татаринovu пришлось недолго. Вскоре снизу слышалось громко и весело:



«...по полю танки грохота-а-ли, солдаты шли в последний бой...» Пел поднимавшийся парень. Хорошо пел, голос низкий и мощный. Леша перегнулся через перила, чтобы глянуть на певуна.

Выглядел вокалист колоритно: такая помесь дервиша с солдатом-дезертиром времен Гражданской войны. От дервиша были темные длинные волосы, спутанные давно и напрочь, красивая серебряная серьга в ухе и невероятных размеров матерчатая котомка, вся в вышивках и псевдоиндийских росписях. А еще бесформенные, подвязанные витой бечевкой серые штаны.

От солдата — выцветшая и заштопанная гимнастерка, с дырочками на груди то ли от орденов, то ли от пуль. Довершался облик остроносыми ярко-желтыми сапогами-казаками с подковками и шпорами от какого-то уже третьего персонажа.

Увидев Лешку, парень прервал песню и удивился:

— Ты чего тут сидишь, как сиротка Марыся? Профессор не пустил?

— Добрый вечер, — начал Татаринов, протягивая раскрытое удостоверение. — Я из уголовного розыска, случайно не знаете, когда хозяйка будет?

Парень уважительно оглядел Лешкину ксиву и тут же удобно расположился на ступеньках перед дверью, звонко брякнув содержимым сумки.

— Понятно. Да ты присаживайся, командир. Хозяйка скоро будет, а тебе она зачем? Человек вроде мирный, в криминале не замечена.

— Да мне, собственно, не она нужна, а Дмитрий Николаевич Северьянцев. Он, кажется, художник.



— Кажется... Я вот тоже постоянно в сомнениях... — Парень по-старушечьи подпер голову кулаком. Потом тряхнул головой. — Так, минутку, лейтенант!

Полез в сумку-котомку, нашарил и вытянул оттуда два пластиковых стаканчика, бутылку «Балтики», пирожки и газету. Аккуратно расстелив газету на полу, поставил весь набор и вопросительно посмотрел на опера:

— Есть хочешь?

Лешка смутился:

— Нет. Спасибо, конечно...

— Человек человеку брат, лейтенант, а гражданин и начальник он только у вас в конторе. Так что не стесняйся, бери, я по-братски предлагаю.

Уставший и оголодавший за день Лешка отчего-то сразу проникся симпатией к солдату-дервишу и расслабился. Подумав секунду, он присел рядом с парнем:

— Есть хочу. И пива немного выпью. Вы только скажите, где мне этого Дмитрия... найти?

В ответ парень как-то посуровел лицом, молча вытащил из кармана штанов шнурок, пятерней пригладил волосы и завязал в хвост. После чего гордо изрек:

— Дмитрий... это я. Художник, керамист, скульптор. Школа технического рисования барона Штиглица. Она же — Высшее художественно-промышленное училище имени Мухиной. Теперь, кстати, академия. Но поторопился, не застал. Еще бы одна «академка» — и был бы с орлом диплом. Но это я так, к слову. А в чем проблема, командир?



Лешка аж засиял, наконец-то за целый день повезло! Он эмоционально поведал о проблемах с петуховской порезанной Зинандой и ее несознательными родственниками, после чего, как ребенок, с надеждой уставился на Митьку.

Керамист привычным жестом сдернул пробку с бутылки о железную загогулину в стене, налил пива, беззвучно чокнулся пластиком с Лешкиным стаканом, вышел и загрустил.

— Знаешь, Алексей, жалко мне их.

— Кого?

— Да Петуховых этих. Люди вроде неплохие, нежадные. Животных опять же любят, вон сколько зверья держат!

— Каких животных?! Там, кроме тараканов, никого нет!!

— Так на работе звери, деньги на пропитание добывают, вот и не было.

— На какой работе? Где?!

— Ну ты даешь! Ты что, на Сенной площади никогда не был?

— Был, а что там?

— Ну, у входа в метро, что, не видел? Справа там лотошники и бабы с пирожками, потом блошиный рынок, да? А слева, по дороге к оптушке, ящик стоит и три собаки вокруг, а в ящике кот. Милостыню собирают. Звери Петуховых, а Сметанины их арендуют. Между прочим, таблички собакам и ящик коту я расписывал. Людям нравится, хорошо подают. Видел?

— Нет, — растерялся Лешка, — я давно на Сенной не был.



— Вот и сходи. А что касается Зинаиды, то тут дело темное. Ее кто угодно мог. А может, и сама...

— Как сама?!

— Да так! Она тетка эмоциональная. Понимаешь, что-то у нее такое от Мураками есть.

— От кого?!

— Командир, ты меня пугаешь! Неужели «Охоту на овец» не читал? Или «Дэнс, дэнс, дэнс»?

Лешка замялся. «Охоту на овец» он как раз прочел, но не очень понял, как связаны с этим Петуховы.

— «Охоту» читал, — лаконично сообщил он.

— Ну, тогда въедешь в тему. И Зинка, и все Петуховы — это вроде друга главного героя, который постепенно в овцу превращается. Только Петуховы где-то на середине процесса тормознули. Поэтому уже не люди, но и до овцы не дошли. Так, мутанты. Хотя перекося явно уже не в пользу человека. Но живые существа, посему в мучениях.

Лешка окончательно запутался в Митькиных аллегориях и своих оперативно-разыскных проблемах с мутантами. Художник достал из бездонной сумки вторую «Балтику», Лешка протянул стаканчик. Помолчали.

— К тому же сожитель у нее поганый, — уточнил Митя. — Петр зовут. Злой как черт, на зоне сидел. Баклан типичный. А Зинка его постоянно дразнила. В комбинациях скакала. Ревновать заставляла. Вполне мог и он ее порезать. Но если так, то труба дело! Зинка сроду его не сдаст. У них ведь, у мутантов, как — если бьет, значит, любит.



А тут порезал! Ха! Если это он порезал, то теперь у них самая любовь-нерастациловка начнется. Такие вот нравы.

— Слушай, Митя, а кто еще в квартире мог быть?

— Да кто угодно. Но такие же. Плюс-минус. В принципе, я их рожи за три года все изучил. Часть, правда, умерла. У них продолжительность жизни не очень большая. И травматизм высокий. Как в «Формуле-1».

— А зовут их как, фамилии?

— Ты, лейтенант, и правда смешной. Какие, к черту, у них фамилии? Помнишь, как Глеб Егорыч говорил? «Ни имен, ни фамилий, одни кликухи поганые!» — процитировал Митька Жеглова. — По фамилии только Сметаниных знаю, а по именам животных петуховских. Основная собака у них, например, Анатолий.

— Почему?

— Это они в честь нашего участкового называли. Боялись его, но уважали. Хороший был человек, замучили они его. Давно не видно. Не в курсе, кстати, куда делся?

— Он на пенсию вышел. В деревне живет. Хочет коз разводить.

— А-а-а. Понятно. После Петуховых даже крокодилов можно запросто разводить.

— И что же делать? — вернулся к проблеме идентификации личностей Лешка.

Секунду продумав, Митька ответил:

— Знаешь, если уж так приспичило, я тебе все эти рожи нарисовать могу. А ты потом сам разби-



райся. Хотя я точно тебе говорю — или сама Зинка, или Петр.

— Мить, пожалуйста, нарисуй!

— Ерунда вопрос, командир! Допивай пиво, пошли в мастерскую, так и быть, изображу. Если честно, они меня тоже достали. Веришь, — Митька, вытянув ногу, продемонстрировал сапог, — последнее время, когда там еще ночевал, не снимал. Сперли, гады, всю одежду приличную. А на сапоги все время зарились. Несколько раз с живого меня хотели снять. Во сне! Пришлось к Марьяше пока перебраться, она добрая.

— А кто у нее там по квартире шуршит?

— Да чудик один — из Белогорска преподаватель. Тинка приволокла. Да, что это мы тут как девки-брошенки сидим? Пошли в дом.

Митька легко поднялся, подошел к двери и трижды бухнул по ней ногой. С той стороны осторожно спросили:

— Кто там?

— Сто грамм! Открывай, Петруха!

Дверь приоткрылась, и долговязый немолодой очкарик с облегчением зачастил:

— Как хорошо, что вы пришли, Дмитрий! Я же не знаю, кому открывать. Я опасаюсь. Тут целый день ходят. А я один. А в дверь какие-то сомнительные личности лезут!

Тут взгляд Михаила Ивановича упал на Лешку, и он смутился:

— Это я не про вас, разумеется. А что, что-нибудь случилось? Вы к Марианне?



— Ко мне он! — оттер Митька плечом очкастого. — Ты нам пока посуду организуй и ноутбук свой со столика убери, мне ровная поверхность нужна.

Через час Лешка, попивая пиво, умиротворенно рассматривал альбомные листки с портретами посетителей Петуховых и делал на обороте пояснительные надписи под диктовку довольного собой художника.

Забывший всеми, Михаил Иванович задумчиво тюкал по клавишам, краем уха слушая сочные Митькины комментарии к портретам. Со двора донеслись громкий свист и крики. Керамист высунулся в окно и увидел внизу наголо бритого парня и улыбающуюся во весь рот девушку с длинными волосами цвета кресс-салата.

— Черт, кто такие? А, вспомнил, лысый — это Федор. Нонконформист. Я его на Пушкинской, десять, в арт-центре видел. Хороший человек. Надо пустить. Тем более с русалкой.

При упоминании о русалке Михаил Иванович заметно оживился. Пришедшие притащили еще пива и сухого вина. Русалка что-то зашебетала о фотовыставке на Пушкинской, чем неестественно живо заинтересовался Михаил Иванович, сроду в руках не державший фотоаппарат.

Бритый Федор, увидев у Михаила Ивановича ноутбук, простер руку и изрек:

— Видак, шмудак и едак — вот что погубит человечество! Брось, брат, этого высасывателя мозгов, эту гнусную железную шмудь, делающую из тебя раба и кретина, лишаящего тебя чести и мужского



достоинства! Брось его, растопчи ногами и выпей за свободу!

Михаил Иванович хотел возразить, но зеленоволосая подмигнула и сказала:

— Не обращай внимания на Феденьку, его просто турникет в метро прищемил сегодня. Вот он теперь и обличает все подряд. Где тут стаканы, знаешь? Компания окружила стол.

Глава 15

...После квартиры «рыжей» Длинный все время чувствовал непонятную тревогу. Будто что-то не доделал или забыл. Наличные были почти на нуле. Тайник трогать нельзя. Это свято. После каждого дела он откладывал деньги, хотя толком не знал на что. Но твердо решил копить и даже наметил определенную сумму.

— Вот тогда и посмотрим! — мечтал он, надеясь, что обладание многонулевой заначкой само по себе автоматически сделает его еще сильнее.

Значит, надо выкручиваться. Может, продать кое-что из аппаратуры от прошлых дел? Оглядев жилище, заставленное техникой убитых, Длинный представил убогую комнатенку без навороченных агрегатов и решил не спешить.

К вечеру жара, а вместе с ней и тревога усилились и почти осознанно гнали вернуться в Район. Позвонив Рыбе из таксофона, он велел немедленно спускаться в кафе.



Кафе, а скорее забегаловка, провонявшая пивом и приторным запахом гнилых яблок, размещалось за углом, неподалеку от дома Длинного. Забегаловка была удобна: на оживленном проспекте, рядом метро с автостоянкой. Посетители менялись непрерывно, и обслуга не успевала обращать внимания на клиентов. Освещение в бывшем подвале было плохоньким, вентиляции никакой. В полумраке и клубах дыма все лица выглядели на один лад.

Все это Длинного устраивало. Здесь он чувствовал себя прекрасно. Часто присаживался в углу, посматривая свысока на гомонящих за столиками людей, и фантазировал. Как, например, вытащит ствол из кармана и все замрут. Или кинет толстую пачку денег на стойку. Хотя чего кидать — на те деньги, что он уже скопил, убивая «овец», он мог купить всю эту дыру вместе с барменом и девками-подавальщицами оптом.

Тайник почти полный, осталось совсем немного до намеченной суммы. А потом...

В дорогих заведениях он терялся, так же как в центре города. Свет, раскованная публика, обилие зеркал выбивали из колеи. Особенно зеркала. У себя в квартире он держал одно — крошечное, на стене самодельного душа, но даже оно напрягало. Жаль, что без зеркала не побриться, а борода к миллицейской форме не катит.

Длинный не любил зеркал — некрасивая, костлявая худоба, вытянутые мосластые ноги и руки, слишком глубоко запавшие глаза. А главное, бледная, нездоровая кожа на лице и мерзкие прыщи.



Сколько денег втюхал, чтобы вывести, — и все бесполезно. Прыщи на время отступали, а потом вновь лезли налившимися красными шишками.

Над ухом кашлянул Рыба.

— Ты на меня, тубик недоношенный, не до-
хай!! — рывкнул Длинный. — Бери сумку, пошли
на ту хату!

Рыба попытался отвертеться, что-то загнузил
о больной матери, о том, что в хате ничего нет, но
Длинный, не слушая, резко отодвинул стул и по-
шел на выход...

Через час, стараясь не греметь увесистой связ-
кой ключей, он отпер первую, металлическую, дверь
квартиры и замер.

— Рыба, разве я не оба замка в прошлый раз
закрывал?

— Откуда я знаю, ты же последним уходил.
Я отследил — менты не приезжали. А чего ты дер-
гаешься? Может, жмуриков боишься? — позволил
себе съехидничать подельник.

Фраза царапнула по самолюбию Длинного, и он
решительно шагнул в квартиру. Внутри, несмотря
на приоткрытую балконную дверь, стоял тяжелый
сладковатый запах. Длинного затошнило.

— Возьми одеяло и накрой эту. Всю, — кивнул он
Рыбе и скрылся в спальне. Там сразу вытащил ящи-
ки прикроватного столика и вытряс их содержимое
на пол. Из ящичков к ногам Длинного посыпались
многочисленные баночки и флаконы косметики.

Неожиданно из комнаты, где был Рыба, раз-
дался испуганный вопль:



— Мля, а ты кто?!

Длинный метнулся на голос и замер в дверях.

В полумраке коридора у кухни стоял темноволосый мужчина и с ужасом таращился на Рыбу и появившегося в дверях Длинного...

— Держи его, Рыба! — сдавленно прохрипел Длинный и полез в карман за пистолетом.

Мужик метнулся по коридору, металлическая дверь тяжело лязгнула, и незнакомец дробно затоптал по лестнице вниз.

Длинный кинулся на кухню. «Так — мужик, мужик — откуда?! Баба жила с дочкой, из мужских шмоток — одна кожаная косуха и майка — грязные. „Овца“ была аккуратная, значит, вещи — этого мужика! Быстро обыскать карманы куртки! Так, билет из Москвы, черт, фамилия залита какой-то дрянью, вот — имя. Сергей? Или Степан? Или Семен? — Длинный беззвучно заметался по кухне. — Стоп! Что там на столе? Записная книжка. Вроде вчера не было!»

Он схватил со стола обтрепанную записную книжку. Из нее тут же вывалилась цветная фотография и талончик метро. Московского. Странички пестрели телефонами и женскими именами...

По пути домой, избив для разрядки в ближайшем скверике Рыбу, он сразу сел за компьютер. Открыв чужую книжку, принялся внимательно изучать. Записи велись урывками, давно и небрежно, постоянно заливались всякими жидкостями, часть номеров расплылась и не читалась. Многие карандашные пометки вовсе стерлись. Информа-



ции мало. К тому же смущал талончик московского метро.

Длинный выудил из книжки фотографию. Фактурный мужик с голливудской улыбкой, большие глаза, крупные темные кудри и чувственные, чуть вывернутые губы. На подбородке ямочка. Кудрявый стоял на фоне Татарской мечети и правой рукой небрежно приобнимал пепельноволосую девушку с грустными глазами. На обороте витиеватым почерком было написано: «Т., которой я подарил счастье женщины, июль 199... г.»

«Фотография старовата. Но это точно он. Небось, не великое счастье подарил, раз фото у него осталось, а не у девки! — злорадно отметил Длинный. — Но ведь не выбросил, хранит. Значит, она ему не просто так. Что же это за Т.?»

Он снова медленно пролистал замызганные страницы... Хорошо, хоть это есть...

Досмотрев до конца, он задумался, а потом стал методично заносить в компьютер все, что читалось, подряд. Вышел изрядный список. Поразмыслив, загнал все это в Excel, рассортировал по именам, телефонам. Особо выделил номера с женскими именами на букву «Т».

Таких оказалось штук десять, в основном Тани и Тамары. Была одна какая-то Тина. Особой колонкой стояли штук шесть номеров с одной заглавной «Т» рядом. Их тоже выделил.

«Что же это за телефоны? — задумался Длинный. — Главное, где? В Питере или Москве? По номеру не понять. Надо было московскую адрес-



ную базу все-таки купить, пожалел места, а теперь вот гадай. Может, это московские телефоны? Хотя не похоже вроде. А! Все равно придется для начала Питер шерстить».

Включив адресную программу, он стал пробивать по телефонам адреса в Питере. На номере «Тины» на мониторе высветилось: «Ул. Чайковского, дом... квартира... Собственник квартиры — Лерман Алевтина Александровна».

«Если на фотокарточке она, получается, что живет на Чайковского в Питере. А если нет? Может, его „Тина“ просто приезжала в Питер и дала телефон на это время? В адресе вообще какая-то Алевтина. Или на фото не она, а Татьяна или Тамара? А может, она из тех, что на „Т“ и без расшифровки?»

Вариантов было многовато.

«Короче, надо ехать на Чайковского, — решил он. — Не факт, что она. В книжке вообще одни бабы, замучаешься проверять!»

Он выписал три адреса, в которых букве «Т» соответствовало хоть что-то, и устало помассировал веки.

«Завтра же и проверю, из-под земли найду этого гада!»

Глава 16

Тина и Марьяна медленно шли по вечернему городу.

— Потрясающе, да? Я думала, о марионетках все уже знаю, а вот такого ослика в жизни бы не



догадалась сделать. Но ты руки его видела? В таких руках и валенок играть будет, он же как осьминог прямо, не уследить. И сверчок мой ему понравился, помнишь, как он хохотал, когда вальс с Пьеро танцевали, а вагу как держит? У меня там одна нить цепляет, он сразу перевязал — и как все задвигалось, чудо! К себе приглашали...

— А о чем ты с этим черненьким говорила?

— С Марком? Он в гости просился, я ему адрес дала.

— Вот и хорошо, может, они у тебя купят что-нибудь.

— Купят не купят, не в этом дело. Люди классные, а куклы вообще отпад.

— Ага. Надо отметить это дело. Давай к Ленке поедem? Черт, забыла совсем — меня ж там этот ждет. Михайло Иваныч.

— Вообще-то он ничего, — неуверенно сказала Марьяша.

— Тюфяк! — не согласилась Тина. — Надоели мне эти ласковые и бесполезные. Хочется, чтоб предприимчивость какая-то была. Чтоб сам решал. Ну и чтоб пофактурнее был. Или хотя бы повеселее.

— Ага-ага, — скептически подтвердила Марьяша, — чтоб вроде Семена был? Не нахлебалась еще?

— А что Семен? С ним весело было. Даже слишком. Потом ты что думаешь, от тихих неприятностей меньше?

— А откуда, кстати, этот взялся?

— Из Интернета. В чат как-то забрела ненароком, ну и зацепились языками, знаешь, как это



бывает? Потом еще пару раз пересеклись, он мне писать начал. Красиво пишет, между прочим, хоть и выделяется. Я думала, с ним о книгах поговорю, то-се, а он, по-моему, после Бунина вообще литературу не признает. Зато стихов знает море. Вот странно это, да? Стихи — и вдруг работа. По мне, так или цепляет, или фиолетово, а он всю жизнь на это положил. Понимаешь, как-то на общем фоне он здорово выглядел. Там же в основном молодые москвичи с офисным Интернетом. Сразу рост и возраст спрашивают и фотку требуют, клонированные какие-то. А этот сам по себе. И имя себе выбрал человеческое, не Гоблин какой или Ужас ночи. Архивариус он в Сети.

— А ты кто?

— А я — Фата-Моргана. — Тина ссутулила плечи и грустно объяснила: — Я же не собиралась ни с кем в реале общаться, вот ник такой и выбрала. Сестра короля Артура, волшебница, на собственном острове живет опять же. Да и просто синоним миража. Самое подходящее для Питера, правильно?

Марьяша энергично кивнула:

— Я тут астрогографию недавно читала. Земли наши под знаком Рыб, знак у них — Нептун. Мало того что властелин морей, так еще и сами Рыбы обладают особой формой сознания: все время в мистику сносит. Мистика у нас в городе есть? Есть. Вода есть? Да залейся просто. На сорока четырех островах живем, между прочим, а прежде вообще сто один был. Натуральное островное государство.



— Ну вот. — Тина, не слушая подругу, заунывно продолжала: — И чувство юмора есть, и не тинейджер, и комплименты говорить умеет — а вот живьем совсем другое. Может, его с Лялькой познакомить?

— Ну, это всегда успеешь. Ты же знаешь, что тогда будет. Он сразу очумеет и начнет ломать голову, правда, она красивая дура или все-таки есть какая-то страшная тайна. Вспомни, на нее даже Борис Петрович клюнул.

Подруги переглянулись и захохотали. В небе протяжно гроыхнуло, поднялся ветер.

В мастерской они обнаружили, что народу прибавилось. За столом восседал Михаил Иванович и оживленно что-то рассказывал зеленоволосой девице, рядом — обритый наголо тип в майке с надписью «Жизнь коротка — начинай с десерта», в углу — Митька и какой-то светловолосый симпатичный парень, изучающий пачку карандашных рисунков с изображением непонятных рож. Митька пьяно помахивал пальцем перед его носом и картинно встряхивал завязанными на резинку в хвост густыми волосами.

— Все к столу! — провозгласила Марьяша и торжественно выставила две бутылки вина. — За исполнение мечты будем пить! — Она уселась по-турецки в кресло, которое освободил бритый, и довольно потерла ладони. — Спектакль был просто класс! Хотя знаете что? Я, наверное, погожу рассказывать, я еще сама не поняла, что это такое было, давайте просто — за белые ночи!



— За белые ночи! — подхватил Митька, незаметно материализовавшийся у стола. — За время бедных художников и бедных девушек!

— Которые в Лебяжью канавку прыгают от неразделенной любви, — как-то подозрительно мечтательно поддержал Михаил Иванович.

— А почему только за бедных? — недопонял бритый.

— Так богатые девушки в подвалах сейчас сидят. Или в убежищах бомбовых. Бывших. Неон, музыка, папики бобровые. Чего они там увидят? — доходчиво разъяснил Митька. — А художникам сейчас самая лафа. Не холодно — раз. Рисовать и ночью можно — два. Турист пошел — три. Что б мы без туриста делали? А ты чего в углу сидишь, лейтенант? Сюда иди. Я тебе про этих уродов не дорассказал еще.

— Где лейтенант? — заозирались Зеленые Волосы.

— Так вот же он! Настоящий живой милиционер! Из уголовного розыска, убийства раскрывает.

— Что это, Митька, ты человека, как ежика из леса, обзываешь: «живой, настоящий», — почему-то обиделась за гостя Марьяша.

— Я, пожалуй, пойду. — Алексей замороженно глядел на Марьяшу. — Я вам мешаю, наверное... Лучше завтра, в отдел... повестку...

— Садитесь, юноша, — похлопала по подлокотнику кресла Марьяша, — в такую ночь никто помешать не может. Я, между прочим, тоже на вашей территории обитаю, правда, никого пока не убивала. Хотя иногда очень хочется, — многозначитель-



но глянула она на Митьку, быстро раскупорившего одну из бутылок с вином и успевшего уже влить в себя целый стакан.

Тина закурила и мечтательно прикрыла глаза. Жизнь была хороша. Жить было — хорошо. Где-то в заоблачных высях раздался смешок и скрип колеса. Фортуна вспомнила о Тине. То ли Тина слышала этот скрип, то ли вещее сердце дало еще какой-то знак, но она медленно приоткрыла глаза и оглядела компанию.

Изрядно захмелевший Михаил Иванович подмигивал ей и делал недвусмысленные кивки в сторону дальней комнаты. Тина строго округлила глаза и отрицательно помотала головой. Михаил Иванович не унимался. Тина встала и решительно двинулась во вторую комнату, с каждым шагом распаляясь все больше. Кое-кому предстояло услышать много неприятного.

К изумлению Тины, сам Михаил Иванович так и не вылез из кресла, наоборот, обвинил талию зеленоволосой и начал ей что-то рассказывать на ухо. В полном недоумении Тина вошла в дальнюю комнату, где у Марьяши стояла, а вернее, за отсутствием ножек, лежала необъятных размеров тахта.

Там на уголке тахты она увидела человека, которого меньше всего ожидала встретить сегодня: собственного беспутного мужа. Семен вообще-то был мужем бывшим, но самого его это нисколько не смущало. Бывшим он был официально, помимо Тины, еще двум женщинам, но гордо заявлял, что выше условностей, и в трудные минуты исправно



требовал от них любви, понимания и некоей суммы в долг. Тина всерьез подозревала, что именно это вынудило эмигрировать его первую жену в Америку, а вторую — стать врачом-эпидемиологом в Африке. Иначе от Семена было не спастись.

— Ты что так долго! — раздраженно прошипел экс-муж. — Этот малохолый что, не сказал, что я здесь? Я места себе не нахожу, а она там веселится!

— Уже тут и уже не веселюсь, — с тяжелым вздохом сообщила Тина. — А ты что тут в темноте сидишь? Пошли к людям!

— С ума сошла! Там у вас мент сидит, и вдруг я выхожу: нате меня, берите и вяжите!

— Что? Опять с бизнесом влип?

— Если бы с бизнесом... Все гораздо хуже. Бабу у меня убили.

— Как убили? Кто?

— Откуда ж мне знать?! Я эту матрешку случайно в Москве на тусовке подцепил в начале недели. Мой любимый тип, ну, сама знаешь — волосы рыжие, глаза бесстыжие. Кожа такая прозрачная, соски сливовые...

— Без подробностей! Давай по делу, — поморщилась Тина.

— Ну, покуролесили ночь в столице. Или две? Короче, не помню. Потом она адрес дала в Питере, «будешь, мол, в Питере, Семочка, приезжай, трали-вали», — глумливо, растягивая гласные, протянул Семен. Я подумал: хрен ли ждать-то, и вместе с ней укатил сюда.



— А дальше? Где ты-то был, когда ее убили?

— Где, где! В Караганде!!! Приехали — тут все по новой. Два дня от нее не вылезали, а потом я решил ей самой показать настоящий ночной Питер... — Семен погрузился, нахохлился и замолчал.

— Ну?! Опять ностальгия одолела?

— Да нет, Тин, я просто пытаюсь вспомнить, как я оказался у ее подруги дома на Лиговке...

— И подругу тоже грохнули?!

— Типун тебе на язык!! Когда вчера вечером уходил — жива была. Бухая, правда, вдребезги, я ей в морду дал, чтоб не царапалась. Я ее привез в новый найт-клуб, думал оттянуться, а она вдруг полезла мне лицо царапать, я, видите ли, сказал что-то не то. Ну, прямо в «Коромысле» и дал, а потом ушел обратно к первой матрешке. Не очень хотелось возвращаться, но я книжку там забыл записную и деньги совсем кончились. Да и ключи нужно было вернуть. Наверное.

— Ключи-то откуда?

— От верблюда. Сама дала. Влюбилась. Сказала, что могу жить у нее сколько захочу до приезда дочери, и обещала познакомить с какими-то иностранцами крутыми, я ее своим бизнес-проектом заинтересовал. Прихожу — а она в комнате с простреленной головой лежит. Кровищи полкоридора. И вещи все перерыты.

— Ну не ты же убил?

— Ты чего? У меня и пистолета нет. И вообще, за что мне ее убивать? А главное — я ее убийц видел. И они меня.



— Они что, тоже в квартире были? — недоверчиво спросила Тина. За семь лет она привыкла к постоянному, вдохновенному вранью Семена. Сочинял бывший муж виртуозно. Особенно если требовались деньги.

— Нет, еще круче. Представляешь, я сижу на кухне, только-только успел хлопнуть немного «Хенесси», чтобы шок снять, решал, что делать, и вдруг дверь открылась, и они вошли. Двое. Я убежал. Успел... — Голос Семена упал до шепота, темные глаза стали еще больше и округлились, а взгляд бессмысленно уперся в точку за спиной Тины. Чего-чего, а артистизма Сене было не занимать. Тина даже вздрогнула и быстро обернулась. Естественно, ничего. Только Марьяшина кукла полицейский, с угрюмо насупленными бровями, тихо покачивалась на нитях.

Тина затосковала, но, глядя на куклу, сделала последнюю попытку избавиться от Семена и его проблем:

— Ну и что? Позвони в милицию, все объясни.

— Не, Тин, менты могут на меня подумать. Там вещи мои и отпечатки всякие, плюс книжка записная.

— Ну, не один же ты у нее в квартире был. Подумаешь, отпечатки! Она кто такая — артистка? Певица?

— Точно не знаю, кажется, валютная проститутка.

— Ну вот, приехали! А откуда у тебя валюта, да еще на баб?



— Я тебя умоляю! Какая валюта, ты, мать, очумела, что ли? Когда это я матрешкам валюту давал?! — Семен искренне оскорбился.

— И правда, что это я. Ты же у нас на обе столицы лучший мачо-аферист. Зря ты не хочешь в милицию, тем более барышня путанила, мало ли кто у нее мог быть.

— Не-не-не, Тина, я эти темы проходил! Будут по сто раз вызывать, всякие дурацкие опросы-допросы. Некогда мне! — неожиданно решительно заявил Семен.

Он не хотел говорить Тине, что страшнее ночи в его жизни никогда еще не было. Лицо, а особенно глаза того, высокого, до сих пор, как навязчивая рекламная картинка, маячили в голове. Семен как-то сразу понял, что этот и убил. Но Тине пока лучше не говорить, денег не даст, испугается и выгонит, практично рассудил он.

— Давай ключи, я к тебе в Москву поеду, отсижусь, мне сейчас никак нельзя в ментовку, у меня дело новое раскручивается, колоссальное дело со шведами, а они знаешь какие законопослушные — если до них дойдет, сразу сбрызнут. Они и так думают, что тут сплошной криминал, на фи-га им компаньон в тюрьме? Вот пусть тут милиция разбирается, а я уж подожду, как оно повернется. Главное, чтоб шведы не слиняли, там такое дело, Тинка, золотое дно просто и никакого риска!

— Ну да, как с продажей бочек французам? Дурак ты, Семен, ведь опять по крышам уходить будешь, какой из тебя бизнесмен?



— Не каркай, мать! Главное, чтоб не посадили, а со шведами верное дело, еще на личном самолете летать буду. Ты, кстати, из них знаешь кого-нибудь?

— Из шведов?

— Из ментов, кукла! Который у вас там сидит — его можно приспособить? Глазки построй, поахай как девочка. Интересуюсь, мол, вашими трудными милицейскими буднями! Пусть он у своих узнает, как дело идет. А ты будешь мне в Москву звонить, сообщать, как оно раскручивается. Да, и книжку мою хорошо бы оттуда забрать. Адрес матрешки у меня остался. — Семен протянул замызганную, но манерную визитку, густо завитую золотыми вензелями. На обратной стороне неровно и размашисто было написано: «ул. Кати Португаловой, 6—9».

Тина повертела визитку с адресом в руках и машинально спрятала в рюкзачок.

— Мама дорогая, это ж где такое: «Кати Португаловой»? Сень, ты уверен, что в Питере?

— Уверен. Я теперь этот адрес навсегда запомню. Это сталинщина в Районе.

— Фи, Сеня, с твоими-то вечными претензиями — и до Района докатиться!

Тина попыталась, как муха, попавшая в центр паутины, отползти хотя бы на край. Подальше от паука. И тянула время. Семен почувствовал это и заныл:

— Тина, мартыша моя ненаглядная, девочка, только ты ведь поможешь, никто ведь даже не выслушает. Знаешь, как трудно жить, когда поговорить не с кем? Я же с проектом для тебя стара-



юсь. Помнишь, ты в Париж хотела? Ну, что тебе стоит, позвонишь мне пару раз...

— Не дам я тебе ключи, Семен, и звонить не буду, надоело мне за тобой разгребать, у тебя еще две жены есть — чего вечно мне отдуваться?

— Так они где? А ты тут. И вообще — ты мне друг и товарищ, я тебя до сих пор люблю местами, между прочим, сама меня бросила, я, может, только-только остепениться решил... И вообще мне кажется, что мы с тобой чего-то не дожили...

Тина не выдержала:

— Все, все! Закрыли тему! Бросила из-за потаскунства твоего и правильно сделала, а остепенишься ты в гробу разве — и то не факт, будешь в соседнюю могилку бегать или местом в аду торговать, что я тебя не знаю? И дожить мы с тобой могли только до обоюдного смертоубийства.

— Тьфу на тебя, Тинка, я и так чудом жив остался, а ведь мог бы там рядышком с матрешкой лежать, как селедка, и пухнуть по жару. Меня б через неделю по запаху нашли, и гроб пришлось бы запаивать, представляешь, как мама бы расстроилась? Тебе-то что, ты бессердечная, а мама — человек нежный, каково ей тухлого сына в гробу видеть?

Семен от расстройства захрустел пальцами и на минуту затих, потом уточнил:

— И не тухлого тоже. Ты ей позвони, скажи, что я с группой на чёс уехал, по Средней Азии, там телефонов нет. А главное, ключи мне давай, я прямо сейчас в Москву поеду. Я б к себе в До-



модедово поехал, но туда стрёмно. Тофики ходят. У тебя деньги есть, кстати?

— Денег нет, а ключи вот. Только верни, пожалуйста. Я, кстати, не уверена, что тебя соседка пустит, — сказала Тина и добавила: — Я, Сеня, только ради Татьяны Марковны это делаю, если б не мама твоя...

Получив ключи, Семен небрежно клюнул Тину в висок и улегся на тахте дожидаться рассвета и первого поезда в Москву. Тина вернулась к компании. Михаил Иванович многозначительно поглядел на нее и дернул углом рта, Тина состроила зверское лицо и выпила стакан залпом.

Глава 17

Белые ночи затягивало черными тучами, гроза подбиралась все ближе и ближе, глухо грохотало над самой крышей. Гости засобирались по домам, Михаил Иванович галантно вызвался проводить Зеленые Волосы и выудил со дна сумки черный складной зонт. Митька увязался с ними, туманно пообещав «расколоть эту Зинку на мелкие дребезги в интересах следствия».

После этого подруги с большим трудом выставили из дома Семена и под шум грозы провалились в сон. Марьяша улыбалась: ей снился Пиноккио, весело кривляющийся на нитях, а Тине приходила всякая дрянь. И мерещился тонкий и противный скрип — как будто визжало несмазанное тележное



колесо. И кто-то далеко то ли хохотал, то ли плескал по воде ладошкой. Потом плесканье стало ближе и явственнее, потянуло сыростью. Тина перевернулась на другой бок и свесила руку с тахты — рука ощутила что-то мокрое. Еще не совсем проснувшись, Тина почуяла неладное и толкнула в бок подругу.

— Уйди, дурак! — пробормотала Марьяша и засопела дальше.

Тина осмотрелась вокруг. В полумраке комнаты все казалось прежним, куклы, прикрыв глаза, словно бы тоже дремали, а с картины напротив бессонно и весело взирала девочка с толстым котом на руках. Тина зевнула и слезла с тахты, громко взвизгнула и впрыгнула обратно.

— Марьяшка! У нас ручей течет! Я ноги замочила!

— Откуда у нас ручей? — сонно удивилась подруга. — Наводнение, что ли? Так мы под крышей живем, не утонем.

Тина, успевшая проследить исток ручья, начала трясти ее за плечо:

— Вставай, соня! У нас именно с крыши и течет, в той комнате из-под потолка так и брызжет. Да вставай же, кукол замочит!

Марьяша мигом очнулась:

— Кукол замочит? Чего ж ты стоишь, снимай их скорее, или нет, я сама сниму, а ты Митьку буди, пускай на крышу лезет.

— Так нет его, к себе ушел.

Марьяша заметалась, громоздя картины на стол; Тина, схватив старую холстину, погнала воду к вы-



ходу, за тряпкой потянулся радужный акварельный след.

— На лестницу, на лестницу ее гони! — азартно руководила Марьяша, перевешивая драгоценных кукол в безопасное место. — Вот ведь уроды какие! Трубы у них фонят, а что в крыше дыра — им по фигу, это, говорят, не их дело, этим другая контора занимается! А вот сейчас весь дом зальет, будут знать! И Митька ушел, то метлой не вымести, а то фр-р! И нету его! Завтра же заставлю на крышу лезть, у меня и железа кусок на примете есть в соседнем дворе.

Через час, измученные и мокрые с ног до головы, подружки ликвидировали последствия потопы и уселись на столе покурить. Зрелище было неутешительным: подмокшая тахта прислонена к стене, на столах и креслах свалены в беспорядке вещи, мокрые тряпки развешаны на трубах... Но за окном гомонили птицы, влажно шумела листва. Гроза кончилась.

— Зато пол помыли, — философски заметила Марьяша, — через пару дней полы высохнут, опять можно жить будет. Ты бы видела, что тут осенью творилось! Каждый день текло.

Тина глянула на наручные часы и ахнула: стрелки показывали шесть утра. Ложиться спать было некуда, да, пожалуй, и неохота.

— Марьяш, пойдем гулять, а? Когда мы последний раз вот так утром гуляли?

Подруга оглядела окружающий разгром и вздохнула:



— Не могу я, во-первых, из жилконторы должны прийти на это посмотреть, во-вторых, надо Митьку отловить и загнать на крышу. А где, кстати, этот твой провинциальный друг?

— А кто его знает, — отмахнулась Тина, — ушел девицу вчера провожать и пропал. Да не маленький, найдется. Ну не можешь так не можешь, я тогда, пожалуй, на бабушкину квартиру съезжу, как раз жильцов перед институтом поймаю. За два месяца мне должны, между прочим.

— Что, не отдают?

— Да нет, как раз платят исправно, просто не встретиться никак. В этот раз мне бюро двух студентов сосватало. Но ничего, тихие. Или вовсе дома нет, или в Интернете сидят. Приехали из Якутии учиться на программистов, представляешь? Какие уж они там программисты, я не знаю, но в реальности совсем не шарят. То время перепутают, то вовсе забудут. Так что я сейчас на Чайковского и поеду, отловлю их, а вечером вернусь и придумаю что-нибудь.

Сказано — сделано. Тина быстро собралась и выскочила из дома. Уже начиналась жара, лужи подсыхали прямо на глазах, и воробьи торопливо сыпались с деревьев, спеша искупаться. Вообще весна в этом году была невероятно теплая и буйная, на месяц раньше срока, к вечеру температура иногда поднималась до тридцати градусов. Горожане массово бежали на природу, пенсионеры и дети почти исчезли, служащие высчитывали дни до выходных. Торговки мороженым ликовали.



Глава 18

Двухкомнатная квартира, которую сдавала Тина, принадлежала покойной бабушке и завещана была любимнице внучке, несмотря на дружное негодование всей семьи. Находилась квартира почти в центре, окнами на Таврический сад и при обмене стоила пары двухкомнатных на окраине, о чем Тине постоянно сообщала знакомая маклерша. Но Тина квартиру любила, расставаться с ней не собиралась и лишь изредка сдавала, очередной раз переселяясь в Москву. Войдя в прихожую, Тина огляделась: бабушкино трюмо было обклеено записками, вдоль стенки ровно стояло восемь пар кроссовок, на лосиных рогах висел эспандер. Пахло тоже по-другому, не так, как помнила Тина. Жильцы с готовностью вытащили деньги и молча стояли, пока Тина пересчитывала купюры.

— Вы б мне хоть кофе предложили! — не выдержала она.

— У нас только чай. Будете?

Тину забавляло их смущение, но роль строгой хозяйки нравилась. Она прошла на кухню и уселась с чашкой чаю, жильцы тихо сели поодаль.

— Ну? Как у вас тут? Соседи не жалуются? Все в порядке?

— Нет. Не жалуются. Только милиционер вчера приходил. Обувь снял.

— Зачем?

— Вежливый, наверное, — пожал плечами второй жилец.



— Да нет, приходил зачем?

— А. Мы не поняли. Наркотики спрашивал. Где хозяйка, спрашивал. Как зовут и куда уехала. Как выглядите тоже.

— А это еще зачем?

— Мы не поняли. Он странный был. Нюхал все на кухне. — Жилец смешно дернул носом. — Как олень. Про разное спрашивал. Долго сидел.

Тина озадаченно нахмурилась. Что-то во всем этом было неправильное. Милиционер, который снимает обувь при входе и что-то вынюхивает? Впрочем, не важно. Она легко поднялась, уложила деньги на дно рюкзака и покинула квартиру.

Глава 19

В это же время Митька, мучимый утренней жаждой, целеустремленно двигался к киоску. В кармане у него было ровно на две бутылки пива, в голове смутно и тяжело. Проснувшись утром на полу у себя в комнате, он оглядел полки со своими «роднуликами», с самой большой и злой белки заботливо снял паука. Рядом в пыли виднелось светлое чистое пятно.

— Валентина! — заорал Митька. — Опять мою белку сперла? Я с ума с вами сойду, алконавтами, мне что, баб с веслом ваять неподъемных? Ну зачем ты белку-то попяттила? Ее ж не купит никто!

Валентина высунулась в коридор.



— Сам алконавт, — привычно огрызнулась она, — а белку я твою не брала, нужна мне такая страшная! Горе у меня! — Тут она поплотнее запахла на груди засаленный халат и отрепетированно взвыла: — Горе горькое! Зинуленьку мою порезали, кровиночку мою ненаглядную, ножом порезали чуть не на-смерть, в больницу свезли!

Митька вспомнил, что обещал лейтенанту разобратся, и строго спросил:

— А кто порезал-то?

— Враги! — туманно объяснила Валентина. — А может, и ты, кто ж это знает? Совсем ведь псих со своими белками стал, может, ночью прокрался в квартиру и — того, ножичком. Я ж тебя за такое дело вмиг упеку, мне ж написать не трудно, все твои художества опишу: и как в квартире не живешь, и как на меня замахивался — все напишу! — Голос Валентины начал быстро набирать силу, а глаза заблестели в предвкушении добротного скандала.

— Тьфу на тебя, дурища! — Митька побыстрее выскочил на улицу.

Заглотив единым махом первую бутылку пива, Митька прислушался к себе и удовлетворенно вздохнул. Вторую он пил не спеша, на лавочке, с любопытством озираясь вокруг. Сначала он долго разглядывал голубей, деловито сновавших у его ног, даже безрезультатно пошарил по карманам, в поисках каких-нибудь съедобных крошек, сочувственно отследил процесс ухаживания самого жирного за маленькой вертлявой голубкой. Жирный раздувал переливающийся зоб, топорщил перья



и курлыкал как заведенный, но голубка шустро сменила прочь, делая вид, что озабочена исключительно пропитанием. Впрочем, далеко не отлетала.

«Бабы — они такие», — меланхолично отметил Митька и переключился на представительниц своего вида. По случаю летней жары девушки были едва одеты и все казались хорошенькими, Митька с одобрением оглядывал их, одну даже захотелось нарисовать, но порыв быстро прошел. На Митькины художества девушки велись безотказно.

Набив руку на экспресс-портретах в бытность свою уличным художником, Митька научился автоматически выделять самое привлекательное и выразительное, дурнушек на его портретах не было. Эффект это производило ошеломительный. Взглянув на улучшенное свое отображение, девушки расцветали и начинали вдохновенно кокетничать, причем начинали обычно с Митьки как с ближнего объекта.

В понурой фигуре на соседней скамейке ему почудилось что-то знакомое, окончательно признать помог черный зонт, который персона держала в руках и который в это чудное утро выглядел крайне неуместно.

— Михалыч! Тьфу ты, Иваныч! Ты чего тут кукуешь? Девки выжили?

Михаил Иванович затравленно поглядел на Митьку и замялся. Потом собрался с духом и общил:

— Заблудился я.



Митька, противу ожидания, не засмеялся, наоборот, сочувственно цыкнул зубом.

— Пошел вчера даму провожать, а на обратном пути вот заплутал. Главное, магазин знакомый нашел, — Михаил Иванович с ненавистью ткнул пальцем в магазин «Компьютеры», — а вот во дворах потерялся. Ходил-ходил, ходил-ходил...

— Бывает, — сочувственно подтвердил Митька, — я иногда тоже по неделям дом найти не могу. Хожу-хожу... А не выпить ли нам за счастливую встречу?

В мансарде новые друзья объявились уже ближе к вечеру, оба были хороши, особенно Михаил Иванович: очки сидели на носу весьма криво, редкие светлые волосы стояли дыбом, футболку украшали жирное пятно и значок с портретом Че Гевары.

— Марьяша! — заорал с порога Митька и попытался ее облапить. — Маруська моя! Се человек! — Он пьяно ткнул в Михаила Ивановича. — Человечище, я бы даже сказал! Ты представляешь — он Апухтина и Тютчева наизусть шпарит, вот ты — ты, кроме жучки с пальчиком, помнишь что-нибудь? А этот, прикинь, встал и полчаса читал, весь кабак заслушался, так читал! Пива потом полный стол заслали. Как там про ерихонцев-то у Державина?

Михаил Иванович встал в позу и послушно продекламировал:

В те дни, как всюду ерихонцы
Не сеют, но лишь жнут червонцы,



Их денег куры не клюют;
Как вкус и нравы распестрились,
Весь мир стал полосатый шут,
Мартышки в воздухе явились,
По свету светят фонари...

— Врешь! — восхищенно перебила его Марьяша. — Не мог Державин такого писать! Это ж андеграунд какой-то! Державин — он оды писал нудные.

Михаил Иванович оскорбленно глянул на нее, вынул из кармана и протянул блеклый захватанный томик:

— Страница сто двенадцать. Называется «Бог».

— Слыхала, подруга! «Бог» называется, не хухры-мухры! Даже страницу наизусть знает! — торжественно помахал пальцем Митька.

— Понятно, — констатировала Марьяша, оглядев его повнимательнее. — На крышу вам сейчас лезть нельзя.

— Почему нельзя? — возмутился Митька. — Мне все можно. Вот сейчас прямо и пойдем с Иванычем. А зачем на крышу-то?

— А затем, что потоп был. Приходили из жилконторы, в затылках почесали и ушли. Самим чинить надо.

Митька по-хозяйски протопал по квартире, оглядел разгром и вернулся к Марьяше.

— Да, подруга, неслабо тут текло. Придется мне на запасной аэродром перебираться. К дяде Васе. И Иваныча с собой возьму. А завтра утром придем — и сразу на крышу. Годится?



— Угу, — буркнула Марьяша, — годится. Только точно приди, на нас грозовой фронт движется.

— Понял! — подтвердил Митька. — Завтра как штык буду. Пошли, Иваныч. Вещи ценные с собой не бери, лучше тут оставь. К цирковым пойдем.

— Я в библиотеку собирался, — нерешительно проблеял Михаил Иванович, — Публичную. У вас, говорят, державинский фонд необыкновенный!

— И в библиотеку пойдем, — бодро согласился Митька, выталкивая филолога на лестницу. — Очень даже легко, от цирка два шага. Давно я в библиотеке не был, между прочим. Столовая у них раньше была хорошая. Но — без спиртного. Умные люди, а не понимают...

Стоя в дверях, Марьяша слушала, как они спускаются вниз. С лестницы раздался голос Тины:

— Вы куда?

— Улетаем, подруга! — забасил Митька. — Временно передислоцируемся, завтра придем крышу чинить. Иваныча с собой беру, пускай с народом пообщается! Классный у тебя мужик оказался!

Через несколько минут Тина поднялась в мансарду.

— Привет! Это что ж такого классного в нем Митька усмотрел?

— А не знаю. Стихи, говорит, душевно читает. Их не поймешь.

— Ну и славно. А я деньги получила, в пару мест забежала, всякого вкусного купила. Вдвоем сегодня посидим. При свечах.



Глава 20

Тина с наслаждением скинула с ног туфли, босиком протопала к столу и принялась разгружать сумки. На свет появились коробочки с салатами, зелень и сыр. Затем она достала бутылку красного вина, тяжелую гроздь испанского винограда и китайские, похожие на айву, груши, под конец выудила пакет заостренных деревянных палочек.

— Зачем тебе палочки для шашлыка?

— Гадать буду. Вообще-то нужно стебли тысячелистника, но где ж их взять? А на монетах мне гадать не нравится. Гадать, конечно, проще, зато толковать сложнее. И в «Си цы чжуань» пишут, что на стеблях надо.

Марьяша застелила угол стола шелковым платком, зажгла ароматическую палочку, передвинула джезvu за курильницу.

— Это зачем? — полюбопытствовала Тина.

— Это у нас будет старинным китайским кувшином, — совершенно серьезно объяснила Марьяша.

Она пересчитала палочки, помотала пучком над дымом, засунула одну в джезvu, а остальные выложила пучком на платок. Подумала немного и разделила пучок на две части. Левый пучок зажала в левой руке, а из правого взяла одну палочку и пристроила его на ту же левую руку, но между мизинцем и безымянным пальцем. Затем начала вынимать из правого пучка по четыре палочки. Оставшиеся пристроила между безымянным и средним пальцами левой руки. Опять начала перекладывать.



Тина, отмахиваясь от сладковатой струйки дыма из курительницы, отхлебывала вино и с интересом наблюдала. Палочкой в резвой руке у Марьяши оказалось пять палочек, причем держала она их ужасно неудобно, между разными пальцами, носом поправляя норовящие выскользнуть. Тина от души веселилась. Марьяша ойкнула:

— Тина, карандаш не достать. Запиши сама, а?

— Что писать-то? — уточнила Тина.

— Один плюс один плюс один плюс три.

— И все? А коварная брюнетка и казенный дом где?

Марьяша фыркнула:

— Это ж и-цзин, а не цыганская колода. Толкование потом будет.

Палочки опять начали перемещаться из одной руки в другую, рука щетинилась новым набором, Марьяша шевелила губами и хмурилась. Минут через пять она сообщила:

— Длинную черточку нарисуй, пожалуйста.

— Долго еще? — не выдержала Тина.

— Еще шесть раз. Не мешай. — Марьяша опять принялась перекладывать палочки.

Тина вздохнула. Марьяша под нос бурчала: «Старый Ян получается. Интересное дело, что же они все старые-то выходят. Это что ж, мне еще и второе толкование смотреть?» Наконец все закончилось, и Марьяша полезла в книгу. Тина ждала. Марьяша задумалась и затихла.

— Ну? Что там? — не выдержала Тина.

— Чжэнь, — торжественно оповестила подруга.



— И?

— Гром вверху. Гром внизу. Гром.

Тина демонстративно глянула на подсыхающий потолок:

— Ага. Гром вверху у нас точно уже был.

Марьяша обиделась:

— Ерунду говоришь. На самом деле это очень сложная гексаграмма. Тут и испуг, и опасность, и счастливое преодоление. Вот, смотри на третью шестерку. Видишь?

Тина пожала плечами: черточка и черточка.

— А вот и нет! «Гром приходит, и оживаешь. Если он подтолкнет тебя к действиям, будешь свободен от неудач». Понимаешь?

— Нет.

— Ну как тебе объяснить? Вон вторая черта: перемены в жизни, важно правильно выбрать новый путь, причем выбирать должна именно ты сама. А третья — «С приходом грома — расстройство. Затем счастливый смех. Удача». То есть твой личный путь и неизбежный риск. Короче, то, что ты сейчас делаешь, вызвано внешними обстоятельствами, но исход зависит только от тебя. Причем сработает это все не в данной ситуации, а много времени спустя. Понимаешь?

— Нет! — помотала головой Тина. — То есть понимаю, но зачем было палочки тасовать? Я и так знаю, что мне самой все решать.

— А тут еще пятая черта, — не унималась подруга, — и шестая. «Идти вперед — к неудаче. Если гром еще не коснулся тебя, но уже достиг дру-



гого, не за что винить». Но вообще это не очень точно. Стол стоять должен напротив окна, которое выходит на юг. А у нас северо-запад. Ты не расстраивайся, Тин!

— А я и не расстраиваюсь!

Тина выщипнула из тугой грозди виноградину и отправила в рот. Марьяша сложила палочки в платок и отложила в сторону. Во дворе кто-то зашвырнул.

— Не откроем! — решила Марьяша. — Хватит с нас этого муравейника.

— Ни за что, — подтвердила Тина. — Вдруг это Семен вернулся? Хотя вряд ли. Он убежал надолго, я думаю. Вот ведь особенность у человека — чуть жареным запахнет, тут же исчезает. И ведь все ему с рук сходит.

— Да. Семен — это что-то. Татьяну Марковну только жалко.

— Кстати, о Татьяне Марковне. Я тебе не говорила? Я к ней сегодня заходила. Семен просил.

— Ну и как она?

— Да все нормально. Опять пазл какой-то собирает. Но вот что странно. Рассказала она мне про то, как к ней милиционер заходил и интересовался Семой. Мол, он по описанию вылитый свидетель ДТП и позарез нужен милиции.

— Ну и чего тут странного? Запросто мог.

— Да нет, странно не это. Описала она мне этого милиционера, и очень он похож оказался на того, что к моим жильцам заходил. Тоже обувь снял при входе.



— Может, у них правило такое теперь? К гражданам ходить — разуваться. Постановление новое вышло, а мы и не знаем.

— Тебе бы, Марьяша, только смеяться, а вот мне это не нравится.

Тина передернулась и подошла к окну, выглянула во двор:

— Ой, Марьяш, там милиционер стоит! Который вчера заходил. Заметил меня! Рукой машет. Неужели тот? Да нет, не похоже. Того совсем другому описывали. И вообще этот в штатском. Чего делать-то будем? Он уже в парадное идет. Конец нашему девичнику.

— Ничего, у него аура хорошая. Заодно посмотрим, снимет он обувь или нет?

Марьяша хихикнула и пошла открывать дверь.

Леша, стеснительно переминаясь у входа, вручил Марьяше махровый ярко-желтый нарцисс.

— Заходи.

— Да я на минуточку. Я мешать не хотел. Мне бы Дмитрия.

— А нет его. Ты проходи, не стой на пороге.

Леша пошаркал ботинками о половичок и прошел в комнату, девицы пристально следили за ним. Леша заметил это и застеснялся еще больше.

— Ничего, что я в обуви?

— Ага! — обрадовалась Марьяша. — Говорила ж я тебе, что они теперь все обувь снимают. Постановление вышло такое.

— Какое постановление? — удивился Алексей.

— Когдаходишь — обувь снимать.



Леша озадачился. Про постановление он слышал первый раз. Хотя чего только не бывает... Он послушно потянулся расшнуровывать ботинки. Тина помрачнела. Марьяша заметила это и решила все выяснить:

— Так что, вы все обувь теперь снимаете?

— Да нет вроде. Никто не снимает обычно. Просто у вас вон полы мытые и вообще. А что?

— Да вот Тина тут рассказывала о милиционерах, которые босиком ходят. В смысле разобуваются. Ну, нам интересно стало.

Леша окончательно растерялся. Спрашивали вроде серьезно. Он подержал в руках снятый ботинок и аккуратно поставил у ножки стола, второй ботинок снимать на всякий случай не стал. Он быстро сел и, покраснев, сунул разутую ногу как можно глубже под стол. За кофе обувная проблема в милиции, слава богу, не обсуждалась. Марьяша стала рассказывать о предстоящей новой выставке в галерее «Борей», оживилась и, вскакивая время от времени, демонстрировала свои эскизы каталога к ней.

Леша глядел на Марьяшу, и душа его тихо ныла. Он уже было протянул руку, чтобы поправить ей выбившуюся прядь волос, но величайшим усилием воли сдержался и, бесцельно помотав над столом ладонью, зачем-то схватил яблоко и вгрызся в него. В Марьяше его умиляло абсолютно все: и как она облизывала пальцы после пирожного, и как машинальным жестом отводила прядь волос от глаз, и как серьезно округляла глаза, говоря о чем-то для нее важном. Даже то, как она вольготно,



сама того не замечая, сидела по-турецки, безмерно восхищало Лешу. В этой позе она напоминала маленькую японскую фигурку.

Лешка с тоской вспомнил университетские времена. Волосы у него были не то что сейчас — длинные, стильно выстриженные, а одно ухо он даже проткнул и носил аккуратную серебряную серьгу. Марьяна бы оценила! Однокурсницы, пока он не заявил, что пойдет работать в уголовный розыск, проходу не давали.

Тина то и дело посматривала на его ноги, мрачнела все больше, и Лешка почувствовал, что он не вовремя. Он вдруг вспомнил о совершенно неотложных делах и распрощался.

Глава 21

В Москве Семен первым делом отправился в Домодедово, в свою однокомнатную квартиру, доставшуюся от дезертировавшей в Америку первой жены. Идти не хотелось, поскольку злые кредиторы повадились появляться там без звонка и грубо угрожать. Семен доходчиво объяснял им, что денег у него именно сейчас нет, но в ближайшее время точно будут, и предлагал сделать их пайщиками шведско-российской фирмы, которую вот-вот организует.

В доказательство серьезности своих намерений он даже показывал красивые, на толстой белой бумаге, документы с раскорячившимся в верхнем уг-



лу львом и убористым шведским текстом, добросовестно разнесенным на параграфы и разделы, но кредиторы пайщиками быть не хотели и обещали Семену и его маме много плохого.

Так что идти совсем-совсем не хотелось. Но денег на новые носки тоже не было, и Семен скрепя сердце все же поехал. Кнопку лифта он нажал двумя этажами выше и долго прислушивался — все ли тихо. Все было спокойно, хотя отчетливо тянуло паленой тряпкой. Он спустился на свой этаж. Дерматин на дверях квартиры был грубо располосован чем-то острым, и подпаленные куски ватина свисали из прорех.

— Вот гоблины! — возмутился Семен и, озираясь, прошмыгнул в квартиру. — Дверь-то зачем было портить? Не, линять отсюда надо, и побыстрее!

Он быстро покидал в сумку вещи, затем залез в духовку и вынул латку. Семен совершенно не собирался готовить, просто в латке хранились кое-какие сбережения на черный день. Тайник ему очень нравился, по его теории ни один нормальный мужчина в духовку не полезет, а женщины Семена все, как одна, готовить не любили и предпочитали рестораны. Сбережений было негусто. Он охлопал себя по карманам в поисках записной книжки и расстроился еще больше.

Книжка была забыта на квартире покойной подруги, что было совершенно некстати. Во-первых, это был дивный подарок грядущей милиции, а во-вторых, такое положение дел отсекало Семена от



адресов и телефонов массы людей, у которых можно было бы перехватить денег. Набив сумку вещами и смахнув в нее содержимое ванной полки, Семен выскользнул из квартиры, а затем из подъезда.

По дороге он вспомнил Тинины рассказы про суровую соседку. Слушал он ее тогда вполуха, но что-то в памяти брезжило. «Суровых нет, есть только недогулявшие!» — подбодрил себя Семен и на выходе из метро затарился ландышами и сомнительно-армянским коньяком.

Ключ в дверях проворачивался, но дверь не открывалась. Семен нажал на кнопочку звонка и подождал. В квартире раздались шаги. Дверь приоткрылась.

Семен хотел было присвистнуть, но удержался. Соседка оказалась огромной старухой с дымящейся в углу рта папиросой. Старуха неприветливо оглядела Семена и попыталась закрыть дверь.

— Алевтины нет дома, — сообщила она, — и даже не ждите. Она уехала в Петербург.

Семен широко улыбнулся и кивнул:

— Знаю-знаю. Не далее как вчера вечером видел ее. И именно в Петербурге. Передавала вам огромный привет. Умоляла забрать кое-что.

В подтверждение Семен потряс перед носом старухи ключами, которые отдала ему Тина, и всунул носок ботинка поглубже в дверную щель.

Старуха по-прежнему, через цепочку, разглядывала Семена. Надо было что-то предпринимать.

— И знаете что? Ведь не хотел сюда из-за дамских капризов ехать, совершенно времени нет, но



безумно мечтал вас повидать. Старая гвардия, белая кость. Алевтина о вас просто захлеб рассказывала!

— Балабол, — покачала головой соседка и сняла цепочку. — Как есть балабол!

— Ну почему сразу балабол? — начал закреплять успех Семен. — Вот ведь не знаете совершенно, а сразу норовите обидеть! Я ведь от смущения так много говорю. А познакомиться вправду хотел. С самыми серьезными намерениями! («Господи, что я несу? — пронеслось у него в голове. — Какие серьезные намерения? Впрочем, когда-то же она была женщиной? Главное — чтоб переночевать разрешила!»)

— Я вот вам цветы купил! «Белого ландыша гроздь душистые — первого мая привет!»

— «Белой акации», молодой человек! — уточнила старуха. — Классику могли бы и помнить.

— Забыл! — закручинился Семен. — Не у всех же такая феноменальная память!

— Я этот романс всегда «на бис» исполняла, — пояснила старуха. — Офицеры плакали... Чаю хотите?

«Ага! — подумал Семен. — Романсы, офицеры... Все с вами понятно!»

Но вслух этого, конечно, не сказал.

— Изумительный романс! — принялся он обхаживать соседку. — Как его Лановой в фильме пел! Просто удивительно!

— Во-первых, пел не сам Лановой. Ваш Лановой вообще слуха не имел! Во-вторых, это уже,



как у вас выражаются, «новодел», а я исполняла настоящий романс, как Вера Панина. Вот вы знаете, что этот романс исполнять нельзя было?

— Почему?

— О, это замечательная история! — Похоже, соседка истосковалась по собеседникам, и Семен возликовал. Он уже давно понял, что внимательно слушать — главный залог успеха. В нужных местах поддакивать или недоверчиво-изумленно переспрашивать Семен умел в совершенстве.

— Сначала красные переделали на мотив марша, потом белые тоже стали петь, но на другие слова. Это было так же, как и знаменитая частушка: одни обещали «рыбку кормить» коммунистами, а другие — добровольцами. И в результате после революции его вообще петь запретили.

— За это просто обязательно надо выпить! По чуть-чуть. — Семен водрузил на стол коньяк и умильно уставился на хозяйку.

Через час изрядно початая бутылка перекочевала в комнату старухи, а сама Анна Николаевна расчехлила аккордеон и запела. Семен, нещадно перевирая слова, подтягивал ей. Устав играть, старуха поведала Семену длинную и не совсем внятную историю об одном лейтенанте, который из любви к ней, молодой Анечке, вызвался лично сходить за линию фронта за языком и вернулся живой и здоровый, не только с языком, но и с патефоном. Причем лейтенант был вылитый Семен, такой же балабол и негодник.

Семен, задремывая, со всем соглашался.



Глава 22

Утром он не сразу сообразил, где находится. В окно светило солнце, постельное белье слабо пахло Тиниными духами, и хотелось лежать так долго-долго. Полежав еще полчаса, Семен подсел к компьютеру и включил его. «Введите пароль», — написал компьютер.

— Ну, совсем у девки паранойя! — возмутился Семен. — Можно подумать, у нее тут посторонние толпами ходят!

На всякий случай он ввел сначала «Семен», потом «Тина», «Алевтина» и зачем-то «Маргарита» — имя покойной подруги. Ни один пароль компьютер не принял, и он разочарованно выключил железяку. Затем послонялся по комнате, поглядел всякие бумаги, подошел к окну. Во дворе стоял молодой человек и, задрав голову, пристально глядел на Тинино окно. Семен от греха подальше спрятался за занавеску. В коридоре лязгнула дверь.

— Здравствуйте, Анна Николаевна! — высунул он голову в коридор. — Откуда так рано?

Соседка, ничего не ответив, сняла ботинки и кофту, затем поманила пальцем. Заинтригованный, Семен устремился за ней на кухню.

— Сёма! — проникновенно сообщила Анна Николаевна. — За вами следят!

Семен не поверил.

— Они подходили ко мне сейчас во дворе, и вчера я их тоже видела. Мы, говорят, все знаем и кара-



улить будем сколько надо. Сказали, что, если вы по-хорошему им все отдадите, они уйдут.

Семен закручинился. Надежда на то, что здесь он будет в безопасности, оказалась напрасной. Каким-то, не совсем ему понятным образом кредиторы выследили его.

— А черный ход у вас есть? — с надеждой спросил он соседку. Та отрицательно покачала головой.

Семен вернулся в комнату и выглянул из-за занавески. К молодому присоединился седеющий, но крепкий мужичок в издавшей виды кожаной куртке, и оба лениво курили, изредка поглядывая вверх. Особо грозными они не выглядели, и Семен начал лихорадочно просчитывать варианты. Черный ход и пожарная лестница отменялись, романтическому побегу по веревке из Тининых простыней мешала высота и то, что все до единого окна выходило во двор. Оставалось одно — уболтать пасущих до легкого помрачения ума и исчезнуть.

Но сначала Семен вернулся в кухню и не спеша выпил кофе. Затем, расцеловав морщинистые лапки Анны Николаевны и наговорив ей кучу комплиментов, распрощался с милейшей женщиной, сделал решительное, но доброжелательное лицо и вышел во двор.

Разговор получился долгим и тяжелым. Молодой молчал, лишь иногда с ненавистью поглядывая на Семена и сплевывая, а пожилой нудно и однообразно требовал «отдать по-хорошему».

— Ну нету у меня сейчас, мужики! — уговаривал их Семен. — Если б было, сразу бы отдал!



Все в Питере крутится. Через месяц верну, слово даю!

Молодой даже поперхнулся:

— Ты слышал, Петрович? Петросян, мля! Через месяц он отдаст!

— Через месяц нам не надо, — гундосил Петрович, — нам вчера надо. С нас за каждый день шкуру дерут.

— Ну, хорошо! — сдался Семен. — Но только в Питер надо ехать. Сегодня же поеду и заберу, завтра уже вернусь. Лады?

— Лады! — легко согласился пожилой. — Только вместе поедem. Нам тебя терять никак нельзя теперь.

Семен прикинул, что оторваться от «хвостов» будет не слишком сложно: или в Бологом вылезти и пригородными электричками доехать до Питера, или в самом Питере уйти проходными дворами, главное сейчас было, что бить его не собирались. Занавеска в окне слабо колыхнулась, и Семен, расправив плечи и приосанившись, послал воздушный поцелуй.

— Это кто там у тебя? — подозрительно поинтересовался мужичок в кожанке.

— Дивная женщина! — доверительно сообщил Семен. — Всю ночь спать не давала.

В этот момент Анна Николаевна высунулась в окно и, принципиально не обращая внимания на молодого и его напарника, сообщила:

— Сенечка! Я этих товарищей замечательно запомнила, если с тобой что-нибудь случится — я тут же иду в милицию! Так им и скажи!



— Вот эта спать не давала? — Мужичок со странным выражением на лице оглядел Семена. — Ну ты силен, брат!

«Хвосты», впрочем, оказались не дураками: в такси уместились плотно, втроем на заднем сиденье, крепко зажав Семена посередине. На вокзале тоже не отходили ни на шаг, более того, билет взяли в купе, и молодой, стащив матрас с верхней полки, постелил его под дверью и там уселся.

— Переживает, — пояснил старший, — хозяин с него шкуру снимет, когда вернемся. Денег ему не хватило, вишь. А часы проводнице загнать не мог?

— Так дорогие же! — занял молодой. — Мне такие не купить потом.

— А своя шкура, значит, не дорогая? Ну-ну! — хмыкнул старший и отвернулся к окну.

Семен понял, что незаметно вылезти в Бологом вряд ли получится, надо бы заранее уточнить, хорошо ли мужики знают Питер. Заодно припомнить, у кого есть квартиры с действующим черным выходом. Оставить топтунов под парадной дверью и бежать...

Тут Семен затосковал. А куда бежать-то? В Москве обложили, в Питере милиция и психованный убийца. Можно, конечно, попроситься к шведам, вроде как продолжить переговоры, но загранпаспорт просрочен.

Уехать в Ялту? Так опять же — денег хватит только на дорогу туда. А рестораны? А приличная гостиница? А шоколад и цветы дамам?



Семен не был альфонсом, тратить деньги на дам он умел и любил, беда была только в том, что денег всегда катастрофически не хватало даже на себя, любимого. Особенно в последнее время. Очередной московский гешефт неожиданно лопнул, одарив головной болью и весьма нервными кредиторами.

История была совершенно идиотская: Семен, который в те поры почему-то сильно полюбил ресторан «Гаянэ», познакомился там с двумя братьями — Тофиком и Рафиком. Братья гуляли в «Гаянэ» сурово, с выкатыванием огромной стеклянной бутылки с чачей, причем чача была пугающе сиреневого цвета, домашней выделки, градусов под шестьдесят. Под чачу выносился шашлык, лаваш и горы зелени. Вилки и ложки на столе не было. Братья ели руками и хищно оглядывали зал: Семен, сидевший неподалеку с двумя студентками медучилища, тут же был замечен, официант понесся к его столику с подносом...

На следующее утро дети гор заявили к Семену на дом в восемь утра с новой бутылкой чачи. Оказывается, вчера они договорились, что Семен помогает им вложить деньги в легальный бизнес. Причем не в какой-нибудь, а в создание пилотного выпуска сериала про доблестных работников рынка и их близких. В главных ролях обещана была одна весьма известная актриса завораживающе пышных форм, сами же дети гор после долгих их просьб утверждены на роли второго плана, но в ипостасях крайне героических.



В подтверждение братья совали обалдевшему Семену его же визитку, приблизительную смету фильма и загадочную расписку на ресторанной салфетке. Отказываться от денег было выше сил. Семен взял. Знакомые телевизионщики Семена выслушали, не дрогнув, что-то такое даже начало образовываться, но деньги кончились неожиданно быстро.

Семен зевнул, потом покосился на дверь купе. Молодой ехидно ухмыльнулся. Семен решил действовать через второго.

— А вот странно, — как бы в никуда сказал он, — я думал, там чужих не пускают, все одной крови в деле участвуют.

— О чем это ты? — насторожился пожилой.

— Ну как же! Тофик и Рафик — они кто? А ты им прислуживаешь. Нехорошо, мужик! Не по-христиански.

— Это он о чем? — встрял с пола молодой.

— Чудит, — успокаивающе пробасил пожилой, — «Рафики» какие-то вспомнил. Хозяин ниже «мерса» отродясь ни на чем не ездил. Я тебе что, автомеханик, что ли?

Семен потихоньку начал прозревать.

— Так ты чего, мужик, от меня хочешь? Тебя кто послал-то? Ты не от этих, получается?

— От этих, не от этих, тебе без разницы. Мы как пришли — так и уйдем, нам бы только посылочку забрать. Ты нам козла очкастого с бабой предъяви, а дальше мы сами разберемся. Вещь у него чужая образовалась, велено вернуть.



Семен внутренне возликовал. Вот оно как! Эти двое вообще не имеют к нему никакого отношения, их интересует Михайло Иванович и его, Семена, бывшая благоверная. И пусть она теперь попробует хоть раз вякнуть про сомнительные знакомства! Этот ее кролик, оказывается, не так прост, раз за ним отряжают погоню по всей России. Ай да тихоня!

А вот интересно, что ж это такое у него может быть ценное? В уме Семен тут же прокрутил новый сценарий: услать Тину с ее хахалем куда-нибудь под благовидным предлогом и посмотреть в вещах Михаила Ивановича.

— А хозяин у вас серьезный?

— Серьезней некуда, — отозвался старший, — треть города под собой держит. Может и в мэры пойти, если захочет. Вот только баба у него дурная. Ну, это уж не наше дело.

Семена залихорадило. Услать Тину и Михаила Ивановича, найти «посылочку», но этим не отдавать. Выяснить, откуда Михаил Иванович заявился и отвезти посылку самому, отдать в руки хозяину. А потом так ненавязчиво, между делом, за продать ему шведов под хорошие проценты, дело там верное, мужик должен клюнуть. Капризы их Семена уже сильно утомили, но совсем от дела отказываться было обидно. Будущий мэр шведов точно устроит, а Семе хватит его скромного процента. Тогда можно будет и от детей гор откупиться. Он удовлетворенно вздохнул и прикрыл глаза. Сюжет вырисовывался дивный.



Глава 23

«— А что еще она сказала?

— Она сказала, что орхидеи еще не зацвели.

— Так и сказала?!

— Да! Орхидеи еще не зацвели...»

Идиотский диалог Холмса и Ватсона из фильма все утро звучал у Лешки в голове. Слова повторялись, как музыка шарманки, и вызывали блаженную улыбку.

«Замечательная какая девушка! И друзья у нее славные. Митька и эта, светленькая. Тина, кажется? Как трогательно она хотела посоветоваться со мной. По юридическому вопросу. А то все: мент, мент. Однокурсники и те совсем достали... Правда, странный какой-то «юридический вопрос». Что делать, если кто-нибудь труп найдет? Трупы не грибы в лесу, под каждым кустом не найдешь. Убедиться, что признаков жизни не подает и звонить в милицию. Я так и сказал. Она, наверное, нарочно спросила, чтобы со мной разговор поддержать. Можно подумать, я других тем... А Марьяша смешная. «Снимают ли сотрудники милиции обувь, когда заходят в квартиру?» Надо же такое придумать. Все-таки творческие люди — они не от мира сего!»

С таким, близким тихому помешательству, лицом и застал его Крушинин, ворвавшись утром в кабинет.

— Так, Татаринов. Без году неделя в отделе и уже «сходки» прогуливаем? — грозно рявкнул он и бросил Лешке на стол пачку компьютерных распечаток. — Быстро ознакомься, и поехали.



Лешка вынырнул из романтики йоркширских болот и ужаснулся. Оказывается, придя на работу за полчаса до начала и размечтавшись, вспоминая выходные, славный народ из мансарды и Мару — Марьяшу! Марочку! — он абсолютно забыл об утреннем совещании у начальника, именуемом «сходкой».

Начальник попался на редкость нормальный — опытный, спокойный, лет десять отработавший в районе, как говорили в отделе, «на земле». Лацкан хорошо пошитого пиджака украшал ромбик милицейской академии. Но... не без слабостей.

Главной слабостью шефа были «сходки», они же — совещания с личным составом. Дважды в день. Утром — в 9.30. И вечером — в 18.15, если не случалось ЧП и народ в отделе был. Смысл этих революционно-воровских по названию ритуалов Алексей не совсем понимал, но помалкивал. Наблюдать было интересно.

Утром мрачный личный состав нехотя сбредался в кабинет шефа. С ежедневниками. Ежедневники полагалось иметь одинаковые. Выдавались они в начале года девицами из канцелярии «для ведения записей». Кроме них у каждого сотрудника еще были огромные пронумерованные «Рабочие тетради» для всяких секретных записей и «Спецблокноты» — для суперсекретных.

Выйдя в свой первый рабочий день из канцелярии, нагруженный всевозможными тетрадками и книжками, Лешка почувствовал себя богатым Буратино. Даже попытался сострить, спросив у Кру-



шинина, нельзя ли все это счастье сменять на курточку папе Карло или на дополнительный ствол? В ответ получил суровый взгляд и очередное: «Ну, ну, салага. Посмотрим, что ты запоешь на итоговом совещании, когда долги зачитывать будут...»

Почему у честного по жизни Леши к концу года должны появиться долги, он тогда спросить не решился, отложил это на будущее.

Отчего-то почти сразу же полученные ежедневники одновременно всеми утрачивались. Но держать в руках то, на чем можно писать, было первым и незыблемым правилом совещаний.

Без этого вход был строго воспрещен и наказуем. Таскать огромные «секретные» тетради было лениво. Поэтому личный состав держал в руках что попало: блокноты с обнаженными поп-дивами на обложках, толстые пожелтевшие остатки «Журналов дежурной части», непонятно как попавших в отдел из дежурки, богатые, в свиных тисненых переплетах, еженедельники, изъятые у задержанных злодеев...

Словом, годился любой заменитель.

Вначале шеф зачитывал сводку по тяжким преступлениям в районе и городе за сутки и выслушивал подробности от дежурного опера.

Потом начиналась первая часть «марлезонского балета». Все присутствующие, по очереди, должны были поделиться своими творческими планами на предстоящий день. Тут вступало в действие второе незыблемое правило. Главное — не молчать, а коротко и убедительно сообщить товарищам по оружию: что, где и с кем намечено.



Особый восторг у Татарина вызывали двое со-служивцев: Петя Маньшин и Славка Веселов. Первый, как только заходил в кабинет к шефу и садился на стул, мгновенно засыпал. Но не падал, держался ровно, только глаза прикрывал. Когда до него доходила очередь и отпрапоровавший сосед тыкал Петьку локтем в бок, тот, еще не раскрыв глаза, бойко, с пол-оборота, начинал тараторить:

— Значит, так, с утра в прокуратуру за разрешением к следователю, потом в тюрьму, потом обратно в прокуратуру, потом забрать бумаги для конвойного, потом... — Обычно на этом месте удовлетворенный начальник прерывал Маньшина и переходил к следующей жертве.

Славка Веселов, напротив, был меланхоличен и загадочно-обстоятелен. Глядя на девственно-чистый лист своего блокнота, он сначала выдерживал паузу, как бы обдумывая прочитанное, и не торопясь заводил:

— ...в десять пятнадцать необходимо встретиться и переговорить с Семеновым. Ну, вы помните, Григорий Павлович, это по тому делу... мы с вами обсуждали... там еще сложности с адресом возникли...

Шеф напрочь ничего подобного не только не помнил, но в силу полного Славкиного экспромта не знал никакого ни Семенова, ни собственно дела. Однако вкрадчиво-доверительная манера Веселова преподносить любую муть, тем более ссылаясь на какие-то тайные обсуждения с шефом, была без промаха. К тому же мудрый Веселов всег-



да вставлял в свое «лечиво» один, но реальный факт. Например, сообщал:

— ...и самое главное, Григорий Павлович, надо бы подготовиться к предстоящему во вторник заслушиванию дела Прохорова в городской прокуратуре. Я к вам, Григорий Павлович, потом, после сходки, подойду, чтобы обсудить...

Старое, навязшее у всех в зубах дело Прохорова, по которому прокуратура все никак не могла принять решения, знал каждый. Кроме стойкого отвращения, упоминание о нем ничего не вызывало. Что и требовалось Веселову. Шеф мгновенно прерывал его, и слово предоставлялось очередному мученику.

Косноязычные, без артистических навыков сотрудники в розыске не задерживались. Как учил Лешу Крушинин: «Опер должен уметь общаться и разговаривать на любые темы, с любой особой, включая бродячих собак...»

Начинающему сотруднику Татаринovu до подобного профессионализма было еще как до Луны. Вот и Маре вчера не сумел понравиться, слушал только весь вечер и краснел, как дурак...

Лешка уткнулся в распечатки, принесенные Крушининым. Первой шла сводка за прошедшие сутки по городу и области. Как учили, начал читать с убийств.

По городу сегодня убийств было два. Одно — типичная бытовуха: «В 23.30 в квартире... по адресу... после совместного распития спиртных напитков... в результате внезапно возникших личных неприяз-



ненных отношений и драки... гр-н К. ударил молотком по голове гр-на М... Последний скончался на месте происшествия. К. задержан. Дело расследуется...»

— Бывают же на свете такие места, куда как попадешь, так возникают «резко неприязненные отношения». Причем ко всем сразу. Особенно почему-то в области, — вспомнил Лешка предыдущую сводку. Праздники и выходные дни область постоянно встречала бесчисленными бытовыми разборками «в процессе и после распития» и была после них, как выражался коллега Маньшин, «по колено в крови».

— Болота, что ли, влияют? Хотя и у нас в центре таких «неприязненных» мест полно. Одна квартира Петуховых чего стоит! Там просто всех с порога поубивать хочется, — хмыкнул Лешка.

Сообщение о втором убийстве было отчеркнуто красным маркером. Каллиграфическим почерком шефа на полях значилось: «Тов. Крушинин И. П. Выясните и доложите. Подключите т. Татарина А. Л.».

Приосанившийся от вида своей фамилии, Татарин А. Л. прочитал лаконичную распечатку телеайпа:

«...мая 200... года около 15 часов сотрудниками МЧС при вскрытии входной двери в квартире № 9 дома № 6 по ул. Кати Португаловой был обнаружен труп зарегистрированной в адресе гр-ки Агашиной М. Н., 19... года рождения, с огнестрельным ранением в области головы. Подробности происшествия уточняются. По данному факту возбуждено уголовное дело...»



«Оно, Дело Века!» — бабахнуло в голове у Лехи.

— Но почему мы? Кати Португаловой — это же не у нас, а в Районе? — спросил он у Крушинина.

— Эта сволочь уже не первый труп по городу преподносит. Только районы разные. В прошлом году у нас два аналогичных были. На Печорской и Второй Верейской. «Глухарями» зависли, — мрачно уточнил он. — Поэтому собирайся, поедем. Осмотр там формально составляли, тело долго на жаре лежало, в квартире без противогаза было не продохнуть. Я с местными операми договорился, что подключимся, за нами с тобой поквартирный обход, а они остальное.

— Игорь, думаешь, один и тот же совершает? — спросил Лешка, от волнения запихивая в дежурную папку все, что оказалось под рукой, даже степлер и ножницы.

Крушинин не ответил, отобрал и вернул на стол ножницы, потом, уже в машине отдела, глянув на взъерощенного Лешку, нехотя, через паузы, выдал:

— Эксперты по пулям дают, что все убиты из одного ствола. Но ствола нет, а гильзы он забирает. Серия это. Но пока нет пистолета и гильз, по глухарям прокуратура ни за что серию не признает, и дела в районах останутся. Понимаешь?

— Почему?

— Потому! Долго рассказывать.

Крушинин замолчал, но, увидев обиженное Лешкино лицо, все же просветил коллегу:

— Были у нас на территории квартирные разбои. Глухие. Ну, разбои и разбои — сам знаешь,



сколько их каждый день по сводке. Сначала вариант казался стандартным — мужик нападает в квартирах на женщин и грабит. Я на пару таких по дежурству выезжал и потерпевших опрашивал. И оба раза женщины мне одно и то же рассказали. Утром звонок по телефону, а потом в дверь. Стоит такой нормальный вежливый милиционер в форме на пороге, показывает ксиву, представляется, как положено. Особо недоверчивым номер и адрес своего отдела без запинки называет. Расспрашивает минут пятнадцать о соседях: кто, что, не замечали ли чего подозрительного? Объясняет, что заявление проверяет насчет употребления соседями наркотиков. Ну а когда расслабит их разговорами — ствол к голове, наручниками к батарее в ванной и грабит квартиру. — Крушинин затянулся сигаретой и замолчал. Сегодня он был совсем мрачный.

— Ну и что, а в чем необычность-то? — не выдержал Лешка.

Игорь, обернувшись с переднего сиденья, внимательно посмотрел на Татарина и нехотя продолжил:

— Необычность? Да уж не в том, что ментом представляется, конечно. Такого добра хватает. Тут другое меня зацепило. Слишком нагло и одинаково парень работал. Всегда долго и со вкусом представления свои с расспросами перед потерпевшими разыгрывал. Нетипично это для разбойника, для них главное — быстрее в квартиру попасть. Дальше не особо кто церемонится: по башке дали, связали, рот скотчем залепили — и все кино. А тут прямо Роман



«уазик» местного отдела милиции. Лешка и Крушинин скрылись в подъезде.

Глава 24

Во всей квартире свет был погашен, входная дверь настежь распахнута на лестницу. Длинный сидел перед слабо мерцающим монитором компьютера и напряженно смотрел в окно.

— Ну, Рыба, пададь, доиграешься! — шипел он. — Свалить решил? Ну-ну. Все равно придешь. Наркота и бухало закончатся, и приползешь, мимо меня тебе не просочиться.

Рыба, вместе с отцом и младшим братом, жил двумя этажами выше. Все трое мрачно и запойно пили. Рыба к тому же дважды за последний год побывал в туберкулезной больнице и плотно подсел на наркотики. В диспансере делали курсы обезболивающих уколов, и он, уловив, что от инъекции кайф покруче, чем от водки, стал все деньги спускать на героин.

Пока мать жила с ними, Рыба занимал деньги у соседей под ее зарплату. Мать потом надрывалась на халтурах, возвращая долги, — мыла окна, убирала заплеванные парадные за дворников, подвизалась санитаркой в том же тубдиспансере. Все имущество из дома давно было продано и пропито.

Неожиданно бессловесная женщина в один день все бросила и ушла от них к знакомому по работе на фабрике, в его крохотное, но отдельное жилье.



Ей не повезло, последняя попытка вырваться оказалась негодной. Мужик страдал давней и тяжелой травмой головы. Пить нельзя было ни грамма. От спиртного он зверел и переставал соображать. Пару раз в таком состоянии страшно ее бил. Но она решила терпеть, отлежалась. Все лучше, чем дома. Утешала себя — не запойный же, может, остепенится.

Однажды, когда к ним заявился младший брат Рыбы, ее любимчик, Пашка (за деньгами, конечно, но так хотелось верить, что в гости!), сожитель вынул всего две рюмки. Потом вышел в коридор, взял топор, вернулся и молча с размаха ударил ее по голове. Хорошо, что младший и прибежавший на крик Рыба, маявшийся в ожидании денег под окном, оттащили. Иначе бы зарубил. В больнице с трудом откачали. Врачи удивлялись, говорили, повезло — такая рана, а жива, и мозг не задет. Только безобразный шрам остался поперек лба. Мать стеснялась, старалась прикрыть отметину редкими седыми волосами, но багровый рубец все равно назойливо лез в глаза.

После этого сожитель два года как пить совсем перестал. В тюрьму его не посадили — диагноз по справке был окончательным и категоричным — инвалид первой группы по психзаболеванию. Рыба злился и никак не мог понять, почему мать не вернулась. Осталась с «психом».

«Только бы в квартиру попасть незаметно. Одну ночь перекантоваться да бабки припрятанные взять! — мечтал он, осторожно пробираясь вдоль



«уазик» местного отдела милиции. Лешка и Крушинин скрылись в подъезде.

Глава 24

Во всей квартире свет был погашен, входная дверь настежь распахнута на лестницу. Длинный сидел перед слабо мерцающим монитором компьютера и напряженно смотрел в окно.

— Ну, Рыба, пададь, доиграешься! — шипел он. — Свалить решил? Ну-ну. Все равно придешь. Наркота и бухало закончатся, и приползешь, мимо меня тебе не просочиться.

Рыба, вместе с отцом и младшим братом, жил двумя этажами выше. Все трое мрачно и запойно пили. Рыба к тому же дважды за последний год побывал в туберкулезной больнице и плотно подсел на наркотики. В диспансере делали курсы обезболивающих уколов, и он, уловив, что от инъекции кайф покруче, чем от водки, стал все деньги спускать на героин.

Пока мать жила с ними, Рыба занимал деньги у соседей под ее зарплату. Мать потом надрывалась на халтурах, возвращая долги, — мыла окна, убирала заплеванные парадные за дворников, подвизалась санитаркой в том же тубдиспансере. Все имущество из дома давно было продано и пропито.

Неожиданно бессловесная женщина в один день все бросила и ушла от них к знакомому по работе на фабрике, в его крохотное, но отдельное жилье.



Ей не повезло, последняя попытка вырваться оказалась негодной. Мужик страдал давней и тяжелой травмой головы. Пить нельзя было ни грамма. От спиртного он зверел и переставал соображать. Пару раз в таком состоянии страшно ее бил. Но она решила терпеть, отлежалась. Все лучше, чем дома. Утешала себя — не запойный же, может, остепенится.

Однажды, когда к ним появился младший брат Рыбы, ее любимчик, Пашка (за деньгами, конечно, но так хотелось верить, что в гости!), сожитель вынул всего две рюмки. Потом вышел в коридор, взял топор, вернулся и молча с размаха ударил ее по голове. Хорошо, что младший и прибежавший на крик Рыба, маявшийся в ожидании денег под окном, оттащили. Иначе бы зарубил. В больнице с трудом откачали. Врачи удивлялись, говорили, повезло — такая рана, а жива, и мозг не задет. Только безобразный шрам остался поперек лба. Мать стеснялась, старалась прикрыть отметину редкими седыми волосами, но багровый рубец все равно назойливо лез в глаза.

После этого сожитель два года как пить совсем перестал. В тюрьму его не посадили — диагноз по справке был окончательным и категоричным — инвалид первой группы по психзаболеванию. Рыба злился и никак не мог понять, почему мать не вернулась. Осталась с «психом».

«Только бы в квартиру попасть незаметно. Одну ночь перекантоваться да бабки припрятанные взять! — мечтал он, осторожно пробираясь вдоль



стены по двору. — Хрена он меня потом найдет! К отцу на новую хату свалю! Думает, умный, все знает, Рыба у него на приколе! Как же...» Услышав шорох, Рыба вжался в стену и замер...

После бегства матери Рыба и брат остались с отцом. Глядя на отца, внешне законченного алкоголика, трудно было предположить неподвластную алкоголю звериную хитрость и изворотливость. В свое время, еще не вылетев с теплого места — районного милицейского вытрезвителя, он подсутился. В деталях разузнав, что кому положено, метнулся в хозяйственную часть и вытребовал себе полные комплекты форменной одежды вплоть до запаса лычек и эмблем на три года вперед.

Потом, как «кормилец» двоих малолетних пацанов, встал на квартирную очередь на службе и в исполкоме. Когда пересажали весь вытрезвитель, умудрился выскочить сухим из воды. Свидетели пожимали плечами — этот? Ну, этот тихий был, пьяница, нажрется на дежурстве и спит. Ничего не видит. Ничего не слышит. Так что от судимости отвертелся. Пристроился сторожем на склад.

Служебная очередь на жилье пропала, но районная шла себе и шла. Отец пороги кабинетов не околачивал, пил себе запойно, но прошло двадцать лет, и вот она — подошла-таки очередь!

Не важно, что жена не выдержала и ушла, а сыновья — алкоголики и наркоманы. Зато все числятся прописанными в коммуналке. Квартира в результате досталась аж трехкомнатная. Мать, как только получили ордер и ключи, заставили выпи-



саться к «психу». Мол, платить им за лишнего человека коммунальные услуги нечем.

Перевозить на новое жилье, кроме изрезанного кухонного стола и продавленного дивана, было нечего. Дружно радовались району — пусть у черта на рогах, зато никто никого не знает, участковый плешь не будет проедать проверками — пей, колись, гуляй, рванина...

Прилипший к стене Рыба злорадно оскалился: — Вот тебе, Длинный! Адресок-то ты не знаешь. И в компьютере твоём его нет! Ищи другого идиота!

Два года назад, по пьяни, хвастаясь перед новым жильцом дома, он сам притащил Длинному остатки отцовского милицейского обмундирования. А потом еще и младший, козел, ему ксиву ментовскую за две бутылки продал. Так все и началось. Теперь вот ползи от страха по стенке, пробираясь в родной дом.

Вчера повезло. Приехав на улицу Чайковского, Рыба сразу увидел у дома Тину. Точнее, девку с фотографии. Волосы она обрезала, и лицо изменилось, совсем неулыбчивое стало. Но узнать можно. Рыба сразу узнал.

Прошмыгнув за девушкой в парадное, он проследил, в какую квартиру поднялась. Оказалось, в ту самую — из записки Длинного. Метнувшись к двери, подслушал начало разговора с парнями-квартирантами. Оттуда уже довёл Тину до мансарды. Вернее, до подъезда. На лестнице девка зацепилась языком с каким-то расхристанным парнем и очкастым мужиком. Идти следом за ними он побоялся, вернулся во двор. Когда мужики отбыли,



поднялся наверх и удовлетворенно хмыкнул. Чего-чего, а черных лестниц он в своей жизни успел насмотреться. Квартирка-то жилая на ней одна!

«Притон, что ли? — мелькнуло в голове Рыбы. — Нет, вряд ли, больно пристойно. Да и девка на проשמандовку не тянет».

Нацарапав на той же бумажке адрес мансарды, он направился с докладом к подельнику.

Он не знал, что Длинный до него уже побывал на Чайковского и выяснил, что квартиру хозяйка сдает, а сама появляется только за деньгами, редко и нерегулярно. Посмотрев на фотографию, которую Длинный подсунул квартиросъемщикам, оба «чукчи» (как он их про себя окрестил) долго цокали языками, потом перекинулись парой фраз на своем тарабарском языке, и один из них отрицательно покачал головой:

— Нет, однако. Наша другая. Умная.

Длинный ушел, но уже дома, собираясь поставить аккуратную галочку напротив проверенного адреса, вдруг передумал вычеркивать. Что-то не давало покоя, и его звериное чутье ныло.

Ничего не сказав подельнику, он снова загнал Рыбу на Чайковского и велел следить за квартирой, для чего снабдил его фотографией «Тины» из записной книжки сбежавшего мужика.

Рыбу вдруг будто жаром окатило: а дальше-то что? Длинный — он окончательно съехавший с катушек, девку кончит, как только он, Рыба, ему адрес отдаст. Тут еще ломка стала подступать... Рыба,



нащупав в кармане заныканные сто финских марок, скрипнул зубами и решил: «А-а! Будь что будет! Ширнусь, поторчу где-нибудь сутки, а потом к отцу в новостройки свалю. Он завтра как раз переезжает. Надо с этой темы соскакивать. Иначе следующим после девки я у Длинного буду!»

Дозу купил без проблем: зашел к Кольке-«шинковщику» в общагу. Там же провел ночь. Но к вечеру следующего дня Колька выгнал. Растолкал, глаза выпучил: «Вставай, Рыба! Тут участковый шарится, всех подряд проверяет!» Пришлось валить. Промыкавшись до ночи, Рыба подумал: «Поздно, ночь глухая, Длинный, наверное, спит уже. Попроюсь к себе, заберу заначку, а завтра...»

Додумать он не успел. Кто-то, схватив сзади за шиворот, с силой ткнул лицом в стенку...

Глава 25

Сообщение Дмитрия, что ночевать пойдут «к цирковым, в гостиницу», заинтриговало Михаила Ивановича. Зациклившись на последнем слове «гостиница», он живо представил себе семантический ряд: ресторан, девочки, номера, клофелин и мордовороты. Ассоциации были пижонские и литературные, по правде, должны были бы представиться стирка носков в раковине и трусливо прикрытый круг на полировке от контрабандной плитки, но Михаила Ивановича это миновало, ибо редкие командировки он всегда пытался обставить



максимально по-домашнему, по знакомым местам, у родственников либо у друзей своих друзей.

Нет, был как-то вариант. Некий украинский областной вуз сильно возжелал занять Михаила Ивановича для прочтения архинеобходимых для заведения лекций. Михаил Иванович долго кочевряжился, набивая цену, но, подумав о теплом весеннем сезоне, о том, что рядом будет Днепр, припаковал к багажу плавки и согласился. Естественно, выкрутив себе самые комфортные условия.

Белогорский «Интурист», мимо которого троллейбусом проезжал он каждый день на работу, подсказал и место. Размещения он потребовал только в подобном заведении, на что приглашающая сторона неожиданно легко согласилась.

Времена царили смешные, середина девяностых. Немногочисленные командировочные российские рубли Михаил Иванович по приезде в город на Днепре тут же поменял на громадную кучу купонов и почувствовал себя таким состоятельным иностранцем со всем отсюда вытекающим.

Подстегивало, что преподавательницы местного «педагогического» института, оценив холостого, малопьющего Михаила Ивановича, водили вокруг хороводы, студенточки-хохлушки смотрели в рот, аспирантки таяли...

Вузов в городе было целых три. Престижные — «педагогический» и «медицинский» — почти на сто процентов были укомплектованы слабым полом. Причина банальна: шансов выйти замуж не за шелупонь с завода, а за приличного «хлопца» у студенток боль-



ше. Ну и вообще. Чтобы «як у людын». Самым необременительным по обучению для барышни считался «педагогичный», куда и был командирован Михаил Иванович.

Когда-то этот некрупный, но очень промышленный облцентр занимал не последнее место в стране и славился производством дешевой марки автомобилей, химическими комбинатами и высокими заработками населения. Ну и, конечно, природа, Днепр, погода... Было лепо. После развала Союза как-то вмиг лепота полиняла: скукожились и химическое, и автомобильное производство, купоны заменили рубли, заработки упали, даже погода, со слов старожилов, стала совсем не та. Но «педогохичный» вуз, плотно набитый местными девицами, и «Хотел Интурист» — выстояли.

«Хотел», куда поселили Михаила Ивановича, возвышался на главном проспекте, само собой, имени Ленина. Название не меняли. Перед гостиницей простиралась вымощенная белесыми плитками площадь с самым настоящим фонтаном посередине. Фонтан был щемяще ностальгический: круглый, с какой-то несуразной женской статуей по центру, мелкой мутной водой и снулыми рыбками. Для пущего великолепия рыбок дополняли черепашки.

Кто кого там ел, Михаил Иванович вникать не стал, возможно, все они дружно питались лузгой, плотно залеплявшей воду. Не суть. Главное, что фонтан был «музыкальный» — ровно в двадцать ноль-ноль по местному начинала играть музыка, а из-



вергаемые струи и брызги подсвечивались прожектором.

«Небось в Сочи тогдашний мэр гулял, и хорошо гулял, похоже. Эк его растащило на культуру...» — прикинул Михаил Иванович.

Фонтан поразительно напоминал аналогичное великолепие из «любимой всесоюзной здравницы», вплоть до живности. И хотя фонтанный прожектор оснащался тусклым трехцветным фильтром, а музыка крутилась на заезженном магнитофоне — зрелище по местным масштабам было феерическое. Поэтому с двадцати ноль-ноль вся светская жизнь города концентрировалась исключительно там.

Областные обитатели, заслышав хриплые звуки с проспекта Ленина, удовлетворенно смотрели на часы: «Це музыкальный фонтан заработав, значит, вже восемь годин».

Девушки заранее занимали престижные места на парапете. Местные парубки и заезжие мужчины (в основном кавказцы с рынка и командированные из «Хотеля») чинно, группами и парами, ходили вокруг. Все оживленно и нервно лузгали семечки, выплевывая шелуху на белые плитки. Словесное общение между полами исключалось, магнитофон орал невнятно, но во всю силу, заглушая шум проезжающих с химкомбината грузовиков. Зато совершенствовался и цвел язык взглядов, мимики, жестов...

Номер Михаилу Ивановичу достался отличный — второй этаж, с балкончиком, с видом на фонтан. Можно было, не затрудняя себя, прямо оттуда наблюдать весь местный бомонд и рассмат-



ривать девиц. В трехкольном мерцании фонтана все они казались красавицами. К тому же у Михаила Ивановича намечалось некое подобие романа с юной аспиранткой первого года Снежаной.

Увидев Снежану на кафедре, Михаил Иванович был сражен в самое сердце — огромные очи-вишни на белом фарфоровом личике, пухлые нежные губки и иссиня-черные ресницы, длинные и загнутые так... Словом, смесь панночки с Оксаной и вообще прообраз всех красавиц ведьм, когда-либо описанных Николаем Васильевичем.

Прелестная два дня молча ходила за Михаилом Ивановичем и взирала снизу вверх так преданно, что он не на шутку обеспокоился. «Женись! — взывал ее взор. — Или хотя бы пригласи на чашечку кофе!» Загипнотизированный Михаил Иванович на чашечку пригласил. И быть бы ему мужем прелестной ведьмочки, вести жизнь званскую и тетешкать чернобровых отпрысков, не открой она рот.

Аспирантка кафедры русского языка и литературы отделения лингвистики заговорила и... сердечная рана в пронзенной душе командированного зарубцевалась мгновенно, в лучших традициях фантастических лент «Colambia Pictures».

Опираясь пухлым локотком о перила, она отпила, манерно топыря розовый мизинец, глоток кофе, глянула вниз и выдала на дичайшем суржике:

— От-то понапэрло сказанных, с самой Шепетовки, мабуть. За хлопцами нашими. Сапали б бураки лучше у ставок.



Далее Снежана за тридцать минут в той же лексике разъяснила Михаилу Ивановичу свою жизненную программу на ближайшие годы. Из разъяснений (в переводе с суржика) следовало, что папа, местная «шишка», сумел сунуть дитя в институт и аспирантуру, но дальнейшая судьба панночки целиком зависит от завкафедрой и удачного замужества. О шефине Снежана говорила с придыханием, закатывая очи:

— О то така женщина... Така вумна... Докторску пишет.

Узнав тему докторской диссертации — «Словарь прилагательных в двух частях», — Михаил Иванович, еще надеясь спасти ситуацию, пошутил, предложив аспирантке написать в свою очередь кандидатскую — «Словарь местоимений». Или междометий. Получив презрительный волоокый взгляд и лаконичное «тю!», окончательно сник, скомкал неудавшееся свидание и пошел в ресторан «отеля».

Там он впервые в жизни надрался. До лоскутов. Гадкой приторно-сладкой наливкой «Спотыкач» местного разлива. В какой-то светлый из лоскутных моментов к нему примкнули аспирантки третьего года обучения из Владивостока — Нелли и Фаина. Как занесло веселых дальневосточных девиц в степи Украины и было ли у них до аспирантуры вообще образование, Михаила Ивановича уже не волновало.

Но еще очень долго после возвращения в родные места при случайном упоминании портового города Владивостока или звучных имен Нелли — Фаина по спине и рукам Михаила Ивановича на-



чинали бегать мурашки, а глаза заволакивал туман. Сквозь туман лукаво улыбался лысый дядька с длинным чубом, лихо отплясывающий на этикетке «Спотыкача» и почему-то напевающий, картавя: «В бананово-лимонном Сингапуре...»

— И-ва-ныч! И-ва-ныч! — Михаил Иванович очнулся от воспоминаний. Они с Митькой стояли на каком-то красивом мостике с чугунными перилами.

— Ты что, Иваныч, — Митька потряс его за плечо, — спишь, что ли, на ходу? Ты это брось, пришли почти.

— Нет, нет, Дмитрий, что вы. Просто я на город засмотрелся...

— Это правильно. Город у нас — лучший в мире! Кстати, профессор, забыл тебя предупредить. Мы с тобой не просто в гости идем, а к артистам. У них сегодня праздник. Сотое представление отработали. Или трехсотое? — Митька задумался. — Короче, неудобно с пустыми руками. Артисты все-таки. Работа тяжелая. Нервная...

— Конечно-конечно, как я сам не подумал, — засуетился Михаил Иванович.

— Ничего, сейчас исправим, — удовлетворенно хмыкнул художник и ткнул в светящуюся на фасаде дома надпись: «24 часа».

«Хорошо, что я заначку еще дома догадался сделать», — вздохнул про себя Михаил Иванович и полез в потайной кармашек куртки. Бодрым шагом они направились в подвальный магазинчик...



Глава 26

Рядом с громоздкой обшарпанной дверью висела аккуратная строгая табличка «Общежитие работников цирка».

— Общежитие... — разочарованно зафиксировал Михаил Иванович, прижимая к себе бутылки.

— Ну, добрались! — радостно выдохнул Митька и ногой открыл дверь. Руки у него тоже были заняты посудой.

В лицо Михаилу Ивановичу немедленно ударила волна теплого воздуха, гомона, смеха и громкой музыки. Музыка была какая-то не такая. Странная. Играло несколько инструментов, но различить Михаил Иванович смог только гармошку. Еще нечто гулко и яростно отбивало ритм, а какой-то неизвестный духовой инструмент дополнял мелодию мощными глухими вздохами.

— Сильны братки! Только что пятисотое представление отработали, а гуляют в полный рост! — уважительно прокомментировал Митька.

— Вы же говорили трехсотое? — попытался уточнить Михаил Иванович.

— Не мелочись, профессура! Это ж, елы-палы, наездники, джигиты. У них одно за два идет, как черти работают! — взмахнул бутылками Северьянцев.

Они стояли в просторном фойе. Слева в застекленной будочке, не обращая никакого внимания на шум, музыку и непонятные крики сверху, вязала на спицах что-то пестренькое пожилая женщина в очках.



— Привет, Васильевна! — радостно заорал Митька.

Глянув поверх очков, женщина обреченно вздохнула и, пробормотав: «Только тебя и не хватало. Теперь точно до утра не угомонятся», продолжала вязать.

Неожиданно из коридора, ведущего вглубь фойе, почти под ноги приятелям с грохотом выкатился непонятный клубок визжащих тел. Михаил Иванович испуганно отпрянул и замер у стены. Тела расцепились и оказались двумя маленькими, в половину Михаила Ивановича, человечками. Красные, в разодранной одежде, они, тяжело сопя, уставились друг на друга.

Михаил Иванович открыл рот спросить, что происходит, но тут «мальчуганы» хором разразились таким витиеватым матом, что Михаил Иванович, лязгнув от неожиданности зубами, прикусил язык. Прокричав детскими, звенящими голосками кошмарные выражения, они опять вцепились друг в друга и укатились в обратном направлении.

— Что лилипуты не поделили, Васильевна? — полюбопытствовал Митька.

— Да пьяные! Как напьются, злые как черти становятся. А еще «маленькие»! — с осуждением покачала головой вахтерша, не прекращая шевелить спицами.

— Пойдем, профессор, а то до утра тут стоять будем. — Митька повел Михаила Ивановича вверх по лестнице.



Далеко уйти не удалось — оба тут же были сметены ссыпавшимся сверху огромным, звенящим, рыже-зеленым. Падая со ступенек, Михаил Иванович выронил бутылки и зажмурился, ткнувшись головой в перила, в ожидании грохота разбивающейся посуды.

Открыв глаза, он обнаружил, что посреди холла стоит, пошатываясь, высокая пестрая фигура и держит в широко раскинутых в стороны руках обе бутылки водки.

— Алле-оп! — выкрикнула фигура, сделала кувырок через голову вместе с бутылками и, приземлившись перед Митькой, элегантно вручила спиртное художнику.

— Ты, Максим, когда-нибудь точно шею себе свернешь, если так по лестницам спускаться будешь! — покачал головой Митька, принимая драгоценный груз. — Знакомься, Иваныч! Мировая знаменитость, лучший коверный нашего времени Максим Максимов!

Клоун, одетый в широченный клетчатый рыже-зеленый комбинезон, обшитый бубенчиками, с красной каучуковой нашлепкой на носу и широко подведенными белым и черным глазами, хотел поклониться, но, пошатнувшись, с размаху плашмя упал на пол.

— Этот еще пьянее «маленьких», — недовольно отметила вахтерша из будки. — А ведь только гипс сняли. Он, паразит, после своего юбилея с третьего этажа наперегонки с попугаем летал, ногу сломал... И опять...



Клоун быстро очнулся, оттолкнулся ногой от стены и проехался на коленях по гладкому линолеуму прямо к вахте. Не поднимаясь, он воздел кверху длинные руки, зазвенел бубенчиками и надрывно со слезой в голосе завопил:

— Васильевна!! Мать!! Люблю!! Дай тыщу в долг! Братья мои меньшие погибают!

В ответ закаленная в общении с местными обитателями Васильевна молча, в долю секунды, захлопнула стеклянное окошечко вахты и защелкнула изнутри задвижку.

— Дмитрий, у него что, братья больны? — тихонько поинтересовался Михаил Иванович.

— Я тебя умоляю! Скажет на собачек, он их братьями называет, а сам тут же пропьет. Слышь, Макс, давай с нами к джигитам! — обратился Митька к коверному, эффектно заламывающему руки перед будкой Васильевны.

— Не, я там уж-ж-е был.

— Ну и ладно, пошли, Иваныч.

— Митя, а почему собачки? — не успокаивался Михаил Иванович.

— Да его же собачки, из номера. Он на них с фокусником в карты играет и регулярно проигрывает. А потом у всех денег стреляет, якобы чтоб выкупить. Но никто давно не верит. Собачки эти на хрен фокуснику не нужны, просто так забирает, из вредности. Потом сами обратно прибегают. Кто их, кроме Макса и Васильевны, кормить-то будет? — просветил Митька, поднимаясь по лестнице.



На втором этаже они двинулись по длинному коридору в глубину на звуки музыки. Несмотря на ночь, жизнь кипела: бегали с визгом дети, за ними собачки, кошки и даже маленькая обезьянка в описанных штанишках. Пару раз, чуть не разбив Михаилу Ивановичу очки, на бреющем полете пронесся огромный всклокоченный попугай.

Проходя мимо кухни, Михаил Иванович увидел подле одной из бесчисленных газовых плит плачущую навзрыд красивую тоненькую девушку в розовом халатике. Девушка мешала в огромной кастрюле деревянной поварешкой, а слезы потоком лились из глаз, падали на халатик и в кастрюлю. Из кастрюли невероятно, одуряюще вкусно пахло чем-то мясным, со специями. Михаил Иванович, толком не евший почти сутки, судорожно сглотнул слюну и галантно спросил:

— Девушка, могу я вам чем-то помочь?

В ответ красавица только всхлипнула и обреченно махнула поварешкой куда-то в сторону.

— Почему она плачет? — обратился за разъяснениями к художнику Михаил Иванович.

— Жрать хочет, — последовал лаконичный ответ.

— Как? — растерялся Михаил Иванович. — Кастрюля такая большая, там ведь много...

— Нельзя. В кастрюле — для «нижних». — Митяка взял Михаила Ивановича за рукав и быстро потащил по коридору, объясняя на ходу: — Это Диана, воздушная гимнастка. Ей много есть нельзя, там все до грамма учтено. Если потолстеет, может номер сорвать и сама разбиться. Поэтому питается только



травой и иногда кашкой. А сама все время стряпает всякие вкусности мужу с братьями, они силовые гимнасты, муж — нижний. Им питаться надо по полной программе — много и хорошо.

— Но зачем тогда плакать? — так и не понял Михаил Иванович.

— Да ты попробуй, чудак, варить такое, а самому даже ложку не съесть. Знаешь, как муж за ней смотрит! Даже побить может, хотя для нее и старается. Все, пришли уже! — Митька весело распахнул дверь в одну из комнат и заорал: — Привет работникам народного искусства!

В комнате дым стоял коромыслом. За большим столом сидел ярко и нарядно разодетый народ. Над столом с бокалом в руке возвышался черноусый и черноглазый красавец с такой осанкой и выправкой, что вечно сутулящийся Михаил Иванович тихо позавидовал. Пара таких же осанистых и черноусых лихо и яростно играли на гармошке и на чем-то похожем на старинную трубу. Еще один бил ладонями в инкрустированный серебром барабан, зажав его между ног, а перед ним, на перевернутой тарелке, вытянувшись в струнку на цыпочках, наярывал лезгинку мальчик-подросток.

Стол ломился от бутылок и, что очень порадовало Михаила Ивановича, всяческих мясных продуктов.

Блаженно улыбнувшись, Михаил Иванович сел с краешка стола и расслабился.

«Черт с ней, с Публичной библиотекой. Завтра схожу», — успокоил он сам себя.



Глава 27

«Абонемент, зараза, надо покупать. На поезд Москва—Петербург. Скоро меня всякая собака будет знать на этих перегонах, катаюсь туда-сюда, как шулер сочинский. Вот жизнь какая пошла, а? Раньше с бабами и гитарой выходил, а теперь топтунов вожу...»

Семен ловко лавировал среди перронной толпы, хвосты как приклеенные топали за ним. Из не совсем понятных соображений Семен повез их к мансарде кругом, на двух транспортах. Молодой с интересом крутил головой, пожилой ненавязчиво блокировал двери. Наконец высадились, и Семен повлек их дворами, по пути инструктируя:

— Приехали рано, так что все еще спят. Я зайду, то-се, посмотрю, какой там расклад, а потом выйду сообщу. Главное — за мной не ходить и на лестнице не торчать, к ним мент часто ходит, вам светиться лишнее. Все нормально будет.

— Посмотрим... — неопределенно подытожил пожилой. — Только учти, если сбежишь — без паспорта останешься. Ты, конечно, хитрован, но и мы не пальцем деланные.

Семен соорудил скорбное лицо и кивнул. Паспорт он мужикам отдал заграничный, к тому же просроченный, невелика потеря. Но разочаровывать их, естественно, не стал. Родной, общегражданский, был месяц назад по нетрезвому делу забыт у матушки. Вот и скажи после этого, что от употребления алкоголя один вред...



Окна мансарды были темны. Семен стрелой взлетел по лестнице, нажал кнопочку звонка. В квартире ничто не отозвалось. Он бухнул ногой в дверь. Потом еще раз. Еще. Минут через десять Семен понял, что мансарда или пуста, или (тут ему явственно вспомнилась мертвая Ритка с темным пятном крови под головой) обитатели ее мертвы. Надо было что-то предпринимать.

Он с независимым видом вышел во двор. В полутьме соседнего парадного тут же появились две фигуры. Семен двинулся к выходу со двора.

— Куда пошел?

Семен, не отвечая, прошел дворы, уселся на скамеечку в скверике, хвосты плотно обсели его по бокам:

— Ну?

— Отсядьте, мужики. Во-первых, разит от вас после поезда, во-вторых, мы как на троих соображаем. Еще мелочь считать начните. Не комильфо.

— Ты не выеживайся, ты по делу говори. Там он?

Семен выдержал паузу и отрицательно покачал головой. Молодой злобно сжал кулаки, пожилой насупился:

— Кинуть решил, да?

— Спокойно, партнеры! Видите вон там, напротив, магазин?

— Компьютерный, что ли?

— И не только. Через полчаса откроется, проплачу мобилу и можем девушке позвонить, узнать, где они. Цивилизованно искать будем.

Оставшиеся полчаса до открытия магазина Семен, здраво оценив представления мужиков о высо-



ких технологиях, посвятил тому, чтобы убедить пожилого заплатить за его, Семена, мобильник. Как за производственную необходимость. Потому что лично ему мобильник и не очень нужен, он уже неделю без него живет и даже начал находить в этом привлекательность, к тому же сумма невелика, но именно сейчас свободных денег у него нет. Пожилой предложил подключить свой мобильник и позвонить с него. Семен искренне изумился. А записная книжка в мобильнике? Лично его аппарат записную книжку выдает только в подключенном виде. Модель такая особенная. Все, зараза, хранит в Интернете. Вообще обидно наблюдать, как из-за каких-то жалких трехсот рублей рушится дружба.

— Какая дружба? — опешил молодой.

— Наша, — уточнил Семен и еще полчаса развивал теорию, что видов отношений меж людьми наблюдается только три: дружба, вражда и индифферентность. Ну, и плотское влечение. Последнее молодой отмел сразу.

В магазин в результате попали с заминкой, но зато очумевший пожилой оплатил оба телефона — свой и Семена. Семен был доволен. Деньги у него, собственно, были, но привычка «вешать лапшу» работала сама собой. Позвонили Тине. Связь была отвратительная, только и удалось понять, что все живы и дома объявятся ближе к двум. Молодого снабдили телефоном, бутылкой колы и шавермой, а пожилого Семен, планируя расспросить о таинственном заказе, затащил в ближайшее кафе с круглосуточной подачей алкоголя. Узнать удалось не так уж много.



К двум вернулись в скверик. Молодой, стеснительно дыша в сторону, отрапортовал, что с соответствующими приметам объектов не было, что глаз не спускал и с лавочки не вставал.

— А пиво прямо сюда принесли? — поинтересовался пожилой.

— Петрович, мля буду! Не вставал. За пивом пацанчик бегал! — скороговоркой сообщил молодой и рванул куда-то во дворы, на ходу нащупывая брючную пуговицу.

Именно в этот момент появились Тина и Марьяша. Семен толкнул пожилого в бок локтем:

— Вот та, светленькая?

— Я почему знаю? — обозлился пожилой. — Я только очкастого видел, а эту он уже без меня подцепил. Где этот придурок? Нашел время по кустам бегать! Эх, неужели опять упустили?

— Спокойно. Я тоже их вместе видел, так что все правильно. Сейчас все узнаю.

Семен догнал барышень и сзади ущипнул Тину. Та резко обернулась:

— Это ты? Могла бы и не оборачиваться. Такого идиотизма ни от кого больше не дождешься.

— Я любя, Тинуша! Как-то само получилось. Вот, ключи привез. Спасибо тебе.

Тина выхватила ключи и сунула в рюкзачок. Семен придержал ее за локоть:

— А кофею мужа напоить?

— В кафе иди. В «Синюю чашку». Пять минут отсюда.



— Вот! Вот она как встречает мужа! Довольная, красивая, ночевавши не дома! Ну жалко вам кофе, тогда хоть зубы почистить пустите. И паспорт я где-то потерял. Выронил нечаянно, лежит теперь за тахтой, наверное. Поискать надо.

— Паспорта твоего за моей тахтой точно нет. Муж ты бывший. А зубы чистить к маме иди; она, кстати, тебя ищет, — ответила за Тину Марьяша, — а ко мне сейчас нельзя, у меня заказчики вот-вот придут.

Семен, чувствуя, что его категорически не хотят пускать в квартиру, на ходу перестроился:

— Значит, рылом не вышел, да? Как заказчики пошли, так все, гуляй, Сема! Небось Тинкиного бойфренда испугать боитесь. Что, Тина, на пугливых провинциалов перешла? На ранимых интеллектуалов с тонкой душевной организацией? Не дай бог, узнает про бурную биографию своей избранницы?

— Не хами, Сема, — отрешенно сообщила Марьяша, — действительно, люди по делу прийти должны, нечего тебе там отсвечивать. Вечером заходи. А провинциал, кстати, не такой уж пугливый. Третий день с Митькой в цирке гудит.

Видя, что в квартиру сейчас все равно не попасть, Семен пообещал появиться вечером и направился прочь. Хвосты нетерпеливо привстали со скамейки:

— Ну что?

— А ничего. Кадр ваш в цирке сейчас, скоро подойдет. Вам нужно — вы и ждите. Я вечером вернусь, дела у меня. Паспорт не потеряйте!



Семен независимо развернулся и пошел к остановке. Пожилой привстал было со скамейки, потом обреченно махнул рукой и сел обратно. Ждать неувидимого Михаила Ивановича.

Глава 28

По лестнице долго и звонко громыхало, все ближе и ближе. Затем раздался звонок в дверь. Митька и Михаил Иванович ввалились в мастерскую, с грохотом бросив кусок жести у порога:

— Пошли крышу чинить, хозяйка!

— Я тебя убью, Митька! — взвилась Марьяша. — Ты когда обещал прийти?!

— Ну, не срослось, — невозмутимо парировал Митька, — загудели немножко. Сейчас починим.

— Вот сейчас и не починим. Сейчас ко мне заказчики придут. Так что на ближайшие четыре часа освобождайте помещение, а то спугнете. Знаю я вас.

— Иваныч, нас гонят! Нас, не дав даже глотка воды, выставляют за дверь как свидетелей Иеговы или коммивояжера! Да что я говорю! Свидетелей и то вежливее выставляют!

— Хватит придуриваться. Говорю же — на три-четыре часа исчезните, а потом милости прошу.

Михаил Иванович туманно осмотрел мастерскую и веско сообщил:

— Я в библиотеку пойду. И в Дом книги.

— А я крышу гляну и домой зайду. Жди, подруга!



Приятели вывалились за дверь, а Марьяша последний раз критически оглядела помещение. Куклы были вывешены вдоль стены, барахло из кресел унесено в дальнюю комнату, елка наконец-то выслена на помойку. Впрочем, елочную гирлянду Марьяша убирать пожалела, теперь лампочки обвивали трубу под потолком.

— А кто будет-то? — поинтересовалась Тина. — Я так и не поняла.

— Я сама не очень поняла. Помнишь Гришу с Катей? Кукольников?

— Смутно.

— Ну, не важно. Дело в том, что я им трех марионеток сделала. Двух стриптизерш и негра, они теперь по ночным клубам с номером катают. С девками намучилась не передать как. Надо же, чтоб не просто так лифчик падал, а в нужное время. Пришлось специальные зажимы изобретать и трость дополнительную делать. Ладно, справилась. И вот какой-то из посетителей захотел такую же. Ну, ребята мой адрес дали, сейчас клиент явится. Ребята говорят, дурной и с пальцами враслопырку, но деньги есть. А что делать?

— А делать нечего, — подтвердила Тина. — У хороших людей откуда деньги?

Глава 29

Михаил Иванович, выйдя из парадного, потянулся и огляделся. Вообще-то город ему уже на-



чал нравиться. Люди душевные, погода терпимая. А уж впечатлений... Он скользнул взглядом по нахальному черному джипу, возле которого стоял бритоголовый молодец с цепким прищуром, и внутренне подивился: к кому этакое могло приехать? Город контрастов, однако. Двор страшный, замусоренный, а вон какие тачки наезжают. Может, притон тут какой-нибудь тайный? Или бандитская сходка в ЖЭКе?

Мысли Михаила Ивановича были игривы и несколько туманны, после вчерашнего хотелось не в библиотеку, а пива. Он посоветовался сам с собой и решил все же в библиотеку. Разумное, доброе, вечное выдавали именно там. Он тихо посетовал, что студенты все равно его рвения не оценят, да и коллеги вряд ли, но — долг. Другой бы погряз в этих веселых безобразиях, но он не такой. Лично для него дело превыше всего! Примерно так подбодрив себя, Михаил Иванович поправил очки и решительно прошагал мимо джипа и лысого в темную арку, выводящую в следующий двор. Дверца джипа хлопнула, но он принципиально не оглянулся.

— Попался, гад!

Голос был хриплый и неприятный, однако после светлого двора разглядеть произнесшего это не представлялось возможным. Михаил Иванович дернулся, но держали крепко.

— Добегался, — с удовлетворением констатировал все тот же голос, — доездили, мля.

После вчерашнего Михаила Ивановича слегка отрывало от реальности, и он почему-то представил



себе не дворового хулигана, что было бы вполне логично, но какого-то темного со смутно прорисованными крыльями, вроде глашатая судьбы или черного ангела. Он еще успел подумать, что посланец рока мог бы изъясняться более литературно, но тут его уткнули носом в сырую штукатурку и начали охлопывать карманы.

Приходилось признать, что ничего судьбоносного не случилось, налицо банальный грабеж. Грабители, впрочем, повели себя нестандартно. Один, придерживая Михаила Ивановича за вывернутый локоть, затих, а второй куда-то убежал. Затем вернулся и скомандовал:

— На хату води!

— Туда нельзя сейчас, — попытался объяснить Михаил Иванович, — просили не приходить.

В ответ он получил болезненный тычок в спину и пару нелестных высказываний.

Глава 30

Телохранители внимательно оглядели комнату, один встал у двери, второй молча протопал через всю квартиру и, вернувшись, скупно кивнул напарнику. Хозяин без приглашения уселся в кресло и поманил пальцем Тину:

— Присаживайся. И подруга пусть присядет. Не люблю, когда стоят. Зачем я тут — знаешь?

— Это не ко мне. — Тина уселась в кресло, поправила юбку. — Хозяйка она. Ее куклы.



— Эта? — главный ткнул пальцем в Марьяшу. — Тогда тоже пусть не отсвечивает.

— А кукол посмотреть не хотите? — Марьяша откленилась от стенки и присела рядом с Тиной.

— А чего их смотреть? — искренне удивился распальцованный. — Я уже видел. Я бы у этих купил, но они говорят — ты еще лучше можешь. По фотке. В натуре, можешь мне рожу сделать? И чтоб грудь.

— Могу, — угрюмо согласилась Марьяша, — но дороже.

— Не вопрос, — отмахнулся тот. — Димон, фотку дай!

Телохранитель полез в карман и достал фотографию. Отдал шефу, а тот уже протянул Марьяше:

— Вот эту сделай, в желтом которая.

Марьяша и Тина склонились над фотографией. Снимок соответствовал всем неписаным канонам братковской классики. На фоне черного умытого «мерседеса» стоял сам хозяин, обильно позолоченный и явно нетрезвый. Справа к нему приникала пышных форм блондинка с хищным лицом и богатой бижутерией, слева жались два ее подобия. Тоже блондинки, но золота поменьше и формы поскромнее. Владелец «мерса» по-хозяйски обнимал ближних дам за талии и мутно смотрел в объектив.

— Мелко очень, — заартачилась Марьяша, — сходство трудно будет сделать. Надо крупную фотографию и еще одну в профиль.

— Не вопрос. — Хозяин вытащил мобильник и набрал номер. — Алё? Серый? Че-т там у тебя шумно так? А. Тогда ладно. Ты вот что. Ты это



бросай и едь мою кобру фотографировать. Чтоб крупно, полная рожа и в профиль, но незаметно. На поляроид делай. Потом быстро сюда, по адресу. Адрес какой? — спросил он почему-то у телохранителя. Тот принял из хозяйских рук трубку и пробормотал адрес. Тина и Марьяша переглянулись.

— Ништяк, — довольно сообщил хозяин, — через полчаса привезут, я тебе конкретно по фоте все расскажу.

Он поплотнее уселся в кресле и огляделся.

— Бедно живешь, подруга. И лифта нету. А куклы у тебя конкретные, я понял. Я своей на день рождения подарю. Вместо брюликов. Во народ приколется: рожа ее и стриптиз делает. Она ж у меня из стриптизерок, я ее из «Хали-Гали» вынул. Шест терла. А вы чего, как вороны, сидите? Ща выпьем за знакомство. Димон, давай-ка в магазин, пока я тут сижу. Всякого там купи, девчонки вон какие худые. Тортик в натуре там еще возьми и хавки какой.

Димон послушно направился к двери. В этот момент раздался звонок. Марьяша, пообещав кому-то «дать чертей», пошла отпирать дверь. Телохранители насторожились и встали по углам. Через минуту в комнату влетел красный и взъерошенный Михаил Иванович, следом за ним вдвинулись двое с неуловимо похожим выражением на физиономиях. Телохранители, будто по неслышной команде, достали пистолеты. Михаил Иванович затравленно огляделся и приник к стенке. На физиономиях его конвоиров последовательно сме-



нилась целая гамма выражений: от злобного торжества до полной растерянности.

Клиент Марьяши, все так же вальяжно лежа в кресле, с удовольствием оглядел мизансцену. Затем ткнул толстым пальцем в сторону Михаила Ивановича:

— Кто такой?

— Друг. Мой. Наш.

Марьяша почему-то тоже перешла на рубленный слог.

— Ага. Понял. А эти откуда?

— Из Белогорска! — заявил молодой, за что сразу же получил хмурый взгляд от пожилого.

Димон охлопал молодого, потом пожилого и выгрузил на столик перед хозяином газовый пистолет и мобильник. Хозяин побагровел лицом:

— Из Белого-орска?! Че-т я не понял, что тут белогорские делают! Димон, ты понял?

— Крысятничают.

— Дело у нас, — встрял пожилой, — нам вот этого надо. Он тоже белогорский.

— Вот в Белогорске и разбирайтесь. Димон, объясни им.

Димон взял за шкурку молодого и молча вынес на лестничную площадку. Пожилой вышел сам, но сначала попытался отбить вещи:

— Слышь, ты имущество-то отдай. Мне ж нужно. Хоть мобилу верни.

— Иди-иди, — отмахнулся от него клиент. — Или у вас в Белогорске такая нищета, что на новую не хватит? И чтоб я вас тут не видел больше. Лично проверю.



Пожилой вышел. Второй телохранитель сгреб со стола пистолет. Клиент покрутил в руках мобильник и отложил в сторону:

— Я думал, таких и не делают больше. Белого-орские, мля. Не трусьте, девчонки. Белогорские пусть в Белогорске трут. А чего хотели-то?

— Не знаю я! — сорвался на фальцет Михаил Иванович. — Я в библиотеку шел. А эти во дворе схватили и сюда потащили.

— Ты это, Димон. Ты этого в библиотеку отвези, чтоб не отсвечивал, а ты, Кокос, в магазин давай. И чтоб быстро. Я тут посижу. Интересно у вас, девчонки. Я думал, только у нас такие заморочки.

Собственно, клиент оказался не так уж плох. Даже имя человеческое — Виталий. Сидел он долго, уже после того, как подручный привез фотографии пышной блондинки и все обсудили. Марьяша умудрилась найти общую тему: Виталий косноязычно описывал, как понравился ему номер с марионетками, потом совсем размяк и вспомнил покойную бабу, которая когда-то водила его в кукольный театр на «Трех поросят».

Тина, поняв природу клиента, выторговала еще две сотни — на запредельного качества ткани для кукольного костюма, натуральные перья и прочее по мелочи. Виталий безропотно доплатил, дал Марьяше и Тине по визитке и отбыл.

Девицы оглядели почти нетронутый стол, Марьяша решительно плеснула себе и Тине коньяка, оставшееся унесла за очаг прятать.



Выпили. Без интереса покопались в рыбном ассорти. Помолчали. Тина несколько раз открывала рот, но тут же захлопывала. Наконец не выдержала:

— Нет, ну что же это такое, а? За что, главное?

— Сама сказала! Я молчу, заметь. Умеешь ты, подруга, жизнь закручивать. Ты уверена, что Михайло Иванович твой в вузе преподает?

— Ох, я теперь уже ни в чем не уверена. Куда ты коньяк унесла? Напьюсь сейчас, честное слово!

— Во-первых, ты уже хороша, а во-вторых, надо на нормальную голову разбираться. Тебе не кажется, что вокруг нас кольцо сжимается? Сначала Семен, теперь вон педагог твой...

— Еще мент к квартирантам приходил, который босиком.

— Во! Еще мент. Ты как знаешь, а я думаю, надо что-то делать. Давай на и-цзине погадаю?

— Ага. И снова будем голову ломать. Выйдет опять: «Веселый старец у переправы предлагает тебе свою чернильницу».

— Какую чернильницу?

— Вот и я об этом. А какой старец? Ни фига в твоём гадании не понять.

— Нет, ты не права. По «Книге перемен» не одну тысячу лет гадают, значит, не просто так все. У меня сколько раз знаешь как точно совпадало? Ты пойми, когда потребность человека реальна, сила в нём самом или связанная с ним способна символами передать важную информацию и указания к действию. Главное — правильно вопрос сформулировать!



Тина поняла, что, если Марьяшу срочно не отвлечь, последует длинная лекция: у подружки уже загорелись глаза и воинственно затрепетали крылья носа. В прошлый приезд это были бобы, теперь палочки, до этого почти год красивые и мрачные карты Таро. Из Таро Тине запомнилась только карта «Висельник», и то потому, что сама она любила спать в такой несуразной позе: не вверх ногами, конечно, но заложив руки за голову и подложив пятку под колено другой ноги. Практичной Тине все эти гадания казались несусветной чушью, но с подругой спорить не хотелось.

— Ладно, не важно все это, главное — мы теперь при деньгах. Завтра шопингом займусь. Уже духи себе присмотрела. Удивительный парфюм, скажу тебе. Перец, сандал, орхидеи и еще что-то, до сих пор запахах помню. Такой тревожно-провокационный. А потом в суши-бар пойдем. Надо же себя порадовать?

— Ну, хорошо. Только я руками есть буду.

— Да чем хочешь, — легкомысленно отмахнулась Тина, — хотя палочками вовсе не сложно. Где там у тебя эти гадательные палочки? Давай научу сейчас быстренько.

Глава 31

Митька явился в тот момент, когда подружки с хохотом ели виноград с помощью палочек: Тина ловко зажимала ягоду и отправляла в рот, а Марьяша, устав от бесплодных попыток удержать округлые



виноградины шашлычными палочками, просто протыкала их и подносила ко рту.

— Какой счет? — поинтересовался Митька.

— Я больше успеваю! — довольно ответила Марьяша.

Митька был непривычно трезв и серьезен. Он бесцельно побродил по комнате, поглазел в окно, нехотя пожевал кусочек сыра, думая о чем-то своем, вновь отошел к окну, да там и затих.

— Ты чего, Мить? — заволновались подруги.

— Да... достало...

— Что?

— А все достало. Разве это жизнь? Уеду я, наверное. Всю душу у меня этот город выгрыз, сопьюсь я тут.

— Да куда уедешь-то?

— Не знаю. Может, в деревню какую.

— Рехнулся! Да в деревне ты еще скорей сопьешься. Работать тебе надо, ты же лучший на курсе был, помнишь?

— Вот мне работу и предложили... — Митька махнул рукой и отошел к окну.

— Так это здорово!

— Ага, здорово... Знаете какую? Могильный памятник. Братка в полный рост с голдой и брелком от «мерседеса». В бронзе.

— Мить, ты не расстраивайся, что ж делать? Я вон тоже сегодня заказ взяла — шлюху с сиськами по фотографии изготовить, жить-то надо? Противно не противно, другой работы нет, госзаказов тоже нет. Никому мы не нужны, хорошие. Вот и приходится



ублажать того, кто приходит. Главное — в душу их не пускать. А давай я тебя к знакомому деду в Шувалово на постой определяю? У него там дом старый деревянный, ему одному тяжело. А тут ты рядом будешь. Под мастерскую место получишь. И от города полчаса езды. Ну сколько можно с Петуховыми жить? Я понимаю, ты благородный, ты жене квартиру отдал, но сколько можно нормальному человеку в таком гадюшнике обитать?! Ты посмотри, какое лето на дворе! А там знаешь, как хорошо? Все, решили, завтра же и съездим.

Марьяша принялась насильно кормить Митьку бутербродами и ласково, как ребенка, уговаривать. Керамист немного ожил. Как нельзя кстати в дверь позвонили и в комнате снова появился Михаил Иванович, теперь уже в сопровождении Леши.

Татаринов бережно прижимал к груди коробочку эклеров из «Севера» и очередной цветок, Михаил Иванович явился с пакетом книг. Книги он тут же вынул, устроился в углу и, полностью отключившись от окружающего, принялся их трепетно перелистывать. Марьяша под столом крепко наступила Тине на ногу: «Не сейчас».

Тина нахмурилась, но вдруг обратила внимание, как Михаил Иванович преобразился: лицо озаряла слабая улыбка, в тонких и чутких пальцах книги, казалось, открывались сами. Он ласково оглаживал их корешки, одну даже зачем-то поднес к лицу и понюхал. С другой, наоборот, был суров и открывал, плотно поджав губы, словно заранее был недоволен или собирался спорить.



Тина поняла, что совсем не знает его, и дала себе слово относиться к нему получше, не обращать внимания на его внешнюю несуразность. Конечно, только после того, как разъяснит это странное явление днем под конвоем двух сомнительных типов. Почему-то захотелось осени — тихой такой, без ветра и дождя. Чтобы, взяв Михаила Ивановича, поехать на Каменный остров, усыпанный разноцветными кленовыми листьями. Бродить по ним, загребая ногами, шуршать. Михаил Иванович стихи бы читал, она, кутаясь в шарф, слушала...

Тина еще раз искоса глянула на Михаила Ивановича, увлеченно шелестевшего страницами, и невольно скорректировала картинку: а потом он вдруг падает в непонятно зачем отрытую яму или из-за деревьев опять выскакивают сомнительные типы...

От сомнительных типов мысли ее плавно перетекли к Семену, и она не сразу поняла, что обращаются к ней:

— Тина! Тина! Мы завтра в Шувалово поедem, согласна?

— Можем и в Шувалово... — рассеянно отозвалась Тина.

— Слушай, давно спросить хотел, — обернулся Леша к Митьке, — а что у тебя в комнате одни белочки?

— Борюсь! — сквозь бутерброд невнятно пояснил керамист. — Изживаю в себе зверя.

— Змия, — уточнила Марьяша. — Зеленого. Митька их в запое ваяет, другие чертей гоняют, а наш непротивленец белочек лепит.



— Ну и леплю, — добродушно подтвердил Митька. — А ты хочешь, чтоб я голый в фонтан на площади лез или морды бил?

— Я хочу, чтоб не пил! — начала заводиться Марьяша.

— Так я и не запиваю давно. У меня белочки все старые, пылью уже покрылись. Подтверди, лейтенант!

Лешка про пыль подтвердил, заодно рассказал случай про одного мужика, которому после месячного запоя стали будильники мерещиться. Домерещились они до статьи 105 УК — умышленное убийство. Причем, давая показания, выглядел задержанный сначала вполне нормально, рассказывал спокойно, что жена у него стерва законченная, решила его с ума свести и квартирой завладеть. На вопрос, как она это делала, объяснил: будильники заводит на два ночи и, главное, прячет их повсюду. Хочет, чтобы он рехнулся от непрерывного звона. Леша тогда успел накатать почти три страницы протокола, прежде чем обратил внимание на состояние товарища. Марьяша согласно кивнула и погрозила Митьке кулаком. Разговор пошел своим ходом.

Глава 32

— Кто это, Танечка?

— Это Сема, — обернулась Татьяна Марковна вглубь коридора. — Сема пришел.



Послышалось шарканье тапочек. Семен с тоской подумал, что отчим дома, сейчас начнется... Нет, ну почему этот? — подивился он в очередной раз. Рожать надо было от еврея, не осчастливливать сыночка издевательским отчеством «Иванович», а уж для утех лет преклонных хоть зулуса выбирай, нынче все можно.

— Здравствуйте, Ефим Борисович! — проорал он в коридор. — Как здоровьечко?

— Отвратительно, Сема! — с каким-то даже ликованием отозвался отчим. — Совершенно все болит!

— О, черт, — застонал Семен, — зачем спросил, дурак? Ведь теперь поесть не даст!

Из кухни тянуло чем-то вкусным, Семен принюхался. Котлетки? Матушкины котлеты славились повсеместно, булка для них вымачивалась в сливках, мясо на фарш шло отборное, лука и специй было самое то. Семен вспомнил, как однажды, на гастролях, жутко гуляя всей группой, они вдруг обнаружили, что барабанщик вроде как не дышит и медленно от них уплывает.

Пока музыканты метались по этажу, разыскивая телефон или хотя бы дежурную, Семен оставался у холодеющего тела и от испуга стал трясти приятеля. Тот, мотаясь наподобие большой куклы в руках обезумевшего коллеги, вдруг коротко и страшно вздохнул, приоткрыл глаза и, с трудом сфокусировав взгляд на чем-то за правым ухом Семена, сипло сообщил: «Котлеты у него мать отпадные делает».

В группе никто Семену тогда не поверил, а матушке он эту историю по ряду причин рассказы-



вать не стал, но сам порой озадаченно думал: кому это было сказано? Ангелу-хранителю? Так их вроде такие вещи не должны интересовать. Или ничто человеческое им не чуждо?

Итак, пахло котлетами. Семен вымыл руки с мылом и небрежно обтер о джинсы, потом направился в столовую. Отчим и матушка уже были там. Матушка сняла крышку с супницы и аккуратно разлила по тарелкам свекольник. Семен щедро подсыпал себе резаной зелени, поболтал ложкой в тарелке, потом потянулся к запотевшему графинчику и налил стопку по самый край. После глотка он на некоторое время затих, ошеломленно выпучив глаза и гоняя за щекой жидкость, потом, судорожно дернув кадыком, проглотил и возопил:

— Мама! ЧТО ЭТО?

— Травяной сбор, — невозмутимо отозвалась Татьяна Марковна. — Мы с Фимой его все время теперь пьем. Очень полезно.

— И что, вы ЭТО все время пьете?

По вкусу травяной сбор напоминал залежавшуюся тряпку с подмесью полыни, послевкусие тоже было мощным: свекольник тут же потерял свой собственный аромат и с каждой новой ложкой смывал с нёба лишь малую толику этой дряни. Татьяна Марковна к графинчику не притрагивалась, а отчим, наоборот, цедил, как выдержанный коньяк, к чему-то там внутри себя прислушиваясь и сохраняя значительно-важное лицо.

— Ты, Сема, еще юн, — серьезно сообщил Ефим Борисович своему пасынку, давно уже разменявше-



му четвертый десяток. — Ты молод, Сема, и самонадеян. Ты думаешь, что будешь здоров вечно. Так нет, скоро ты поймешь, что значит быть мужчиной.

— Я вроде уже понял, — буркнул Семен под нос, за что заслужил неодобрительный взгляд матери.

— Ты, Сема, поймешь, что такое простатит, — торжественно изрек отчим, затем ткнул пальцем в Татьяну Марковну. — Вот они уже нарожали и имеют спокойную жизнь, а что имеем мы? Мы имеем кучу болячек и печальное лицо. Вот у меня хрустит в ноге. Ты думаешь, это лечат? Ха! Они говорят, что это старость и мажьте мазью. Ты знаешь, сколько стоит эта мазь? Но я мажу, потому что их учили понимать в болезнях. Мне так казалось, что учили. Теперь я уже думаю немножечко иначе, потому что хрустит по-прежнему. А мазь стоит больших денег, да. Ладно, пусть хрустит, хотя твоя мама переживает, но ты знаешь, как мне грустно ходить в туалет? Извини, Танечка. Я хожу туда, и ничего, совершенно ни-че-го. А еще почки. Лучше б я глотал алмазы, как мне предлагали в Норильске, мне бы было не обидно, но ведь я имею просто камни без ничего, а болит, как от алмазов. Ты молод, Сема, тебе этого не понять.

Свекольник окончательно утратил свой вкус, казалось, в воздухе даже начало подванивать мочой. Сема страдальчески уставился на мать.

— Фимочка, — мягко вмешалась она, — давай сменим тему. И я уже несу второе, ты готов?

Семен приободрился, ради котлет можно было многое вытерпеть. Он взял вилку на изготовку.



Татьяна Марковна торжественно внесла блюдо с котлетами и водрузила на стол. Сема поперхнулся.

— Мама, это и есть котлеты?

— Сема, это самые хорошие котлеты! — опять встрял отчим. — Это морковка и капуста, все с рынка, и стоит почти как мясо, я тебе скажу. Я лично торговал у чухонцев. Танечка раньше делала мясные, но я сказал: «Нет!» Мы будем есть полезное, а жареный лук и мясо уже кушали, спасибо большое. Теперь имеем кучу болячек и в туалет, извини, Танечка, ходим грустно. Что природа нам дала — то и будем кушать. Натуральное.

— А мясо, это не натуральное? — не выдержал Семен. Сам он всему предпочитал хороший кусок мяса, траву же любил средне и даже по названиям знал плохо. Краснокочанную капусту, например, искренне считал цветной.

— Нет! — торжественно возгласил отчим. — То-то и оно, что не натуральное. Морковка до весны живет, так?

— Наверное, — с сомнением подтвердил Семен.

— Вот! А теперь мясо возьми! Да положи его на пару дней в теплое место. У тебя температура тела какая? Вот, чтоб тридцать шесть и шесть было. Ну и что с ней будет-то, с котлетой твоей? То-то. И человек это мясо три дня переваривает, между прочим! Представляешь, как оно там внутри тебя бродит?

— Спасибо, мама! — с грохотом встал из-за стола Семен. — Большое тебе, мама, спасибо! И вам,



Ефим Борисович! Обед удался. Пойду я, пожалуй. Дела у меня. Уж извините.

Семен выскочил из квартиры полуголодный и взбешенный: сначала отчим оттер его от матери, подмял под себя интеллигентную дуру и прописался к ней, а теперь еще и лишил котлет! Семен выругался и припустил по лестнице вниз.

Глава 33

— Да ведь это он! Он, тварь! — Длинный замер под аркой двора.

Семен, выйдя от матери раскованно-кошачьей походкой, покорившей когда-то Тину, двигался к метро. Тина развела тогда целую теорию зависимости характера мужчин от походки, с детальной классификацией и примерами, почти как у Карла Линнея в зоологии. На эмпирической проверке этой теории с Семеном она, собственно, и погорела.

Неожиданно в спину, прямо между лопатками, будто что-то ударило и прожгло. Семен поежился, прошел по инерции еще несколько метров и оглянулся. Тело, как всегда, отреагировало быстрее мозга. Подпрыгнув, как спортсмен, начинающий разбег перед прыжком, он понесся вдоль улицы. В голове, не попадая в ритм бега, болезненной вспышкой ужаса колотилось:

— Мужик! Из Риткиной квартиры! Выследил!



Мгновенно в сознании всплыли ночная жара, удушливый сладковатый запах и рассыпавшиеся в луже крови рыжие волосы...

— Черт, зачем я по прямой бегу, идиот?! Тут же дворов и проходных парадняков до дури!

Семен, как свои пять пальцев с детства знавший все прилегающие к материнскому дому улицы, на секунду задумался, потом пулей залетел в ближайшую подворотню, пересек унылый прямоугольный двор и нырнул в невзрачную низенькую дверцу в углу дома.

После яркого дня парадное казалось дном колодца: было сыро и не по-летнему холодно. Наверх тянулась широкая лестница со стертыми каменными ступенями. Свет с трудом пробивался сквозь разбитое и грязное окно между площадками. Игнорируя лестничный марш, Семен свернул налево и очутился в узком, погруженном во мрак коридорчике. Коридор утопал в темноте и был из-за низкого потолка так похож на тоннель, что нормальному человеку в голову бы не пришло прогуляться по нему. Тем более он сразу поворачивал куда-то почти под девяносто градусов, и темнота в нем превращалась в чернильную.

Семену вспомнилось, как в юности он зимой завел сюда для отогревания поцелуями Тину, а она, оглядевшись, заявила, что в таких местах хорошо не целоваться, а убивать и грабить.

Но сейчас это мрачное и потайное место как нельзя более кстати пригодились беглецу. Тоннельчик, изломанный поворотами, на самом деле с не-



понятной целью связывал и огибал все дома двора по периметру, время от времени выходя к лестничным площадкам, и был идеален для скрытых перемещений.

Промахнув пару поворотов, Семен выбежал на одну из лестниц и, не снижая скорости, взлетел по пологим ступенькам на второй этаж. Мощный широкий коридор заканчивался огромным окном с подоконником, похожим на лежанку. Окно находилось почти над подворотней, из него отлично просматривался сам двор и даже вход в парадное, через которое попал сюда Семен.

На этаже рядом с квартирами выступали на полметра выкрашенные под цвет стен масляной синей краской высокие металлические ящики. Любопытному Семену всю жизнь хотелось узнать, что в них, но ящики наглухо хранили тайну за навесными замками устрашающих размеров.

«В случае чего спрячусь за ящик и тюкну этого гада по голове!» — храбрясь, решил он.

Идея была неплохая, правда, оставалось неясным, чем конкретно тюкать преследователя. В руках у музыканта ничего не было, а в коридоре, несмотря на запущенность, отдельных тяжелых предметов для тюканья не наблюдалось.

Замерев у одного из ящиков, Семен услышал, как где-то далеко внизу грохнула дверь парадного и донеслись смазанные расстоянием звуки шагов. Потом на некоторое время стало тихо. Он вжался щекой в металлическую поверхность ящика и превратился в слух. Опять тихое эхо шагов —



и удар дверью. Подкравшись к окну, мокрый от страха и вынужденных легкоатлетических упражнений, беглец осторожно выглянул во двор.

У входа в угловое парадное стоял мужик, испугавший Семена в Риткиной квартире в ту злополучную ночь. Мужик стоял неподвижно, будто прислушиваясь, и озирался по сторонам. Неожиданно, словно почувствовав что-то, взгляд его метнулся вверх и уперся в окно, за которым притаился Семен.

Разумом Семен понимал, что окно грязное, сам он скрыт за толстым оконным простенком и заметить его невозможно... Но колени ватно подкосились, и он больно и нелепо шмякнулся задом о каменный пол площадки. Ощувив спиной монументальную поверхность стены, а пятой точкой такой же монументальный пол, Семен пришел в себя и стал мыслить трезво: «В конце концов, не ночь же! День белый. Люди кругом. Так никто не убивает».

«А ты почему знаешь, как он убивает?» — тут же ехидно возразил внутренний голос, и в голову немедленно полезли какие-то куски триллерно-маньячной видеопродукции и заштампованные выражения телеведущих криминальных новостей: «Сегодня в парадном дома... на улице... в Санкт-Петербурге... был убит известный в широких кругах творческой интеллигенции шоумен...»

— Тьфу ты, черт, какая интеллигенция?! Какие круги?! — Семен попытался выкинуть из сознания эту чушь и встать.

И тут, как в кошмарном сне, дверь ближайшей квартиры с безобразным скрипом стала медленно



открываться. От ужаса у Семена, тупо следящего за движением неотвратно надвигающейся дерматиновой створки, стал потихоньку раскрываться рот, а глаза полезли на лоб. Не дойдя каких-нибудь сантиметров сорок до его лица, дверь остановилась. Наступила мертвая тишина...

Семену захотелось тихонько завывать на одной высокой ноте. Но он не успел.

Из-за полуоткрытой двери величественно и бесшумно выплыл огромный рыжий котяра. Подождав, пока с тем же отвратительным скрипом дверь за ним закроется, животное медленно и лениво повертило морду в сторону Семена и брезгливо-вопрошающе уставилось ярко-зелеными глазами на музыканта под дверью.

— Ма-ау? — басом снисходительно удивилось животное.

— Бляха-муха... — только и смог выдавить из себя в ответ Семен.

Но то ли от наглости животного, а может, от ощущения родственной души, музыкант вдруг почувствовал себя слегка уязвленным. Он решительно встал и почти спокойно посмотрел в окно. Двор был пуст. И тут огромный пузырь страха, забравший в себя все силы и мысли, лопнул у него внутри. Вымотанный как после качественного ночного сейшена, Семен выдохнул и, обращаясь к коту, заявил:

— Все. Хватит. Хорошего понемножку. Срочно к Сергею в дурку. Там и думать будем.

Кот сверкнул глазами, но промолчал...



Глава 34

Лешка открыл настежь окно, чтобы выветрить из крохотного кабинета клубы табачного дыма, и вышел в коридор.

«Хорошо бы кофе раздобыть. А то голова совсем не соображает». Он побрел по отделу в надежде отыскать вожаденный напиток у коллег.

За окном весело светило солнце, и если бы не часы на руке, настырно показывающие 22.30, можно было бы подумать, что рабочий день еще не начинался. Белые ночи. Правда, усталость давала понять, что на самом деле день давно закончился и все нормальные люди ушли домой. Отдыхать. «Нормальных» в Лешкином отделе не было, но сегодняшняя жара коровьим языком слизала обычно допоздна колготящихся по кабинетам оперов.

Дежурившего по отделу Пети Маньшина на месте не оказалось. Вызвали разбираться с соседями из смежного района. Туда еще днем забрел какой-то бедолага в одних подштанниках и с заявлением, что его обобрали и побили в трех шагах от милиции. Мудрые сыщики, уловив запах спиртного, тут же учинили детальный перекрестный опрос о приметах преступников и обстоятельствах ограбления.

Через час «беседы» заявитель так запутался в подробностях, что на предложение показать место злодеяния согласно запрыгал от радости.

Обряженный в умопомрачительные по размеру и фасону шмотки, из жалости одолженные дежуркой, потерпевший бодро кинулся показывать.



Ему казалось, что вот оно — место преступления, прямо за углом...

Водили его по району основательно и серьезно, хотя в первой же подворотне он обрадованно вскинулся:

— Вот! Тут меня грабили!

Опера не торопясь закурили и задумались. Потом один из них строго, но с участливой укоризной переспросил:

— Точно здесь? Вы, мужчина, не торопитесь, подумайте хорошенько. Сами взгляните повнимательней — подворотня маленькая, грабить очень неудобно.

— Ну, в одиночку еще кое-как можно. Ограбить, — вступил в обсуждение недостатков подворотни второй опер. — А вот втроем, как вы утверждаете, — даже не знаю! Вряд ли. Вы, гражданин, не волнуйтесь — ну, нажра... простите, выпили, потом морально и физически пострадали, по голове вас били? Вот видите — били... Тут кто хочешь перепутает. Давайте еще пройдемся, посмотрим!

Так, с перекурами и разговорами «за жизнь» от арки к арке уводили несчастного все дальше от родного райотдела. Наконец, не пойми в каком уже по счету дворе, мужик не выдержал и сломался:

— Все. Здесь это было. Я точно вспомнил. Особенно арку. Она! Дальше не пойду, не могу, мужики!!!

— Йессс! — знаками семафорили друг другу сотрудники.

Эта арка была хорошая и по всем параметрам подходящая. Главное — правильная. Именно с нее



начинался соседний район. И все преступления тоже начинали считаться «соседскими».

Так что пришлось Маньшину ехать разбираться с наглецами, ибо за месяц это был уже третий случай «подкидышей» в проклятом «пограничном» дворе.

Кофе хотелось смертельно. Лешка грустно остановился у очередного закрытого кабинета. Дальше, в тупичке, сидели только компьютерщики. Или, как торжественно выражался шеф, «аналитическое подразделение». Себя аналитики называли более скромно: «Ум отдела».

«Умом» работали двое — молодой парень и барышня Женя. Парня личный состав дружно считал и называл Обмороком. Он проводил за монитором все двадцать четыре часа, разговаривал на непонятном языке и печатал, в отличие от большинства оперов, как слепой заяц на барабане, — с безумной скоростью, не глядя в экран. И совсем не пил, что настораживало.

Барышню Женю Алексей уважал, но побаивался за острый язык и дар давать меткие клички любому, независимо от возраста и должностного положения. Кличка припечатывалась сразу и насмерть. А вообще Женя была веселая и умная. Сочетание славное, но, как правило, с трудом воспринимаемое противоположным полом. Поэтому и жила вдвоем с маленькой дочкой, такой же веселой и умненькой.

— Что ты, Лешечка, не весел? Что головушку повесил? — улыбнулась она, увидев в дверях Татаринова.



— Евгения, если можно, дайте мне, пожалуйста, немного кофе в долг. Я вам завтра верну.

Женька подперла кулаком подбородок, завела к потолку глаза и восхищенно протянула:

— Батюшки! Вот оно! Дожила-таки! «Евгения... Кофе в долг... Пожалуйста...» Сразу видно — университет заканчивал! А то в нашей трудновоспитуемой казарме с ума сойти можно. Кофе и то не попросят по-человечески. Все норовят в литровые кружки молча по полбанки втихаря отсыпать, а заодно весь кипяток с сахаром зараз плюхнуть. Такими кружками не кофе пить, а клизмы для очищения организма ставить надо!

— Нет, что вы. У меня, Евгения, кружка маленькая, керамическая, из Прибалтики. Я совсем немножко возьму. А то надо бы еще поработать, а без кофе уже никак, голова не варит, — стал оправдываться опер, чем окончательно растрогал Женю. Получив милостивое разрешение брать кофе сколько угодно и обращаться в любое время за помощью, Лешка вернулся к себе.

В кабинете немного посвежело. Отхлебнув из кружки бодрящего напитка, Лешка придвинул аккуратно подшитый том с документами, пролистал несколько страниц и, найдя ориентировку, прочитал:

«В период 200... — 200... гг. на территории ряда районов города неустановленными преступниками была совершена серия разбойных нападений на женщин в квартирах, в том числе сопряженных с убийствами потерпевших с применением пистолета „ТТ“.



Проведенный анализ имеющихся уголовных и оперативно-поисковых дел показал, что во всех случаях преступник проникал в квартиры потерпевших под видом сотрудника милиции, используя для этого форму офицера милиции и поддельные удостоверения. Преступник представлялся потерпевшим участковым инспектором территориального отделения милиции либо стажером дознавателем отделения милиции.

Предлогом посещения квартир являлась проверка поступивших якобы сигналов и заявлений об изготовлении и употреблении наркотиков соседями потерпевших, проживающих этажом ниже. Во всех случаях непосредственный исполнитель, проникнув под вышеуказанным предлогом в квартиру, снимал обувь в прихожей, проходил на кухню и в течение 15—20 минут разговаривал с потерпевшими, задавая одинаковые вопросы о соседях „ниже этажом“, о наличии в квартире неприятных запахов, имитировал осмотр вентиляции и так далее.

ПРИМЕТЫ ПРЕСТУПНИКОВ:

— Мужчина в форме сотрудника милиции, худощавого телосложения, возраст 30—35 лет, рост около 180 см, сутулится, лицо европейское, удлиненное, узкие губы, при волнении поджимает нижнюю, на скулах выступают желваки, лицо нечистое, на щеках следы прыщей, очки прямоугольные в темной оправе или типа хамелеон, тонкие пальцы, глаза темные.



— Приметы второго преступника устанавливаются.

Преступники могут быть вооружены ножом и огнестрельным оружием (пистолет „ТТ“), при задержании соблюдать предельную осторожность».

Лешка нахмурился, отодвинул дело и, порывшись в бумагах, вытащил написанную Крушининым последнюю, еще не подшитую обзорную справку:

«Проведенным расследованием установлено, что смерть Агашиной М. Н., 198... г. р. в квартире по адресу: ул. Кати Португаловой, д. 6, кв. 9, наступила в результате огнестрельного пулевого сквозного ранения в затылочной области слева. С места происшествия изъята пуля калибра 7,62 мм. По заключению баллистической экспертизы данная пуля была выстрелена из пистолета „ТТ“ иностранного производства.

Сравнительное исследование показало, что указанная пуля идентична пулям, изъятым с мест убийств: гр-ки Винниковой (уголовное дело № 70142) и гр-ки Москалевой (уголовное дело № 3107). Все они были, вероятно, выстрелены из одного канала ствола оружия.

В беседе с экспертом, проводившим экспертизу, мною выяснено, что вероятный вывод сделан потому, что по всем трем убийствам преступник забрал гильзы, а представленные пули деформированы. При этом все имеющиеся пули являются частью пистолетного патрона 7,62 мм Токарева, польского производства и, по мнению экспер-



та, на 90% выстрелены из одного оружия, имеющего существенный износ канала ствола. В случае обнаружения и изъятия самого оружия возможно проведение дополнительной баллистической экспертизы и получение категорических выводов при сравнении».

«Да, задачка. Гильзы подбирает, пальцев не оставляет, обувь снимает. Обувь снимает... Стоп, откуда это „милиционеры снимают обувь“? — напрыгся он. — Ага! Вспомнил! Это вчера Марьяша с Тиной спрашивали про обувь и милицию. Еще какие-то странные загадки загадывали с абстрактным трупом в абстрактной квартире... Срочно к ним! Вдруг что-то узнали случайно и по неопытности полезут выяснять», — забеспокоился «опытный» Лешка.

Он торопливо смахнул в сейф бумаги со стола, крикнул в пространство коридора: «Евгения, до свидания!» — и полетел в мансарду.

Между прочим, по делу, а вовсе не потому, что целый день не видел Марьяшу...

Глава 35

Пожилой подошел к лавочке, где обреченно сидел напарник, и присел рядом. Помолчали. Молодой вздохнул. Пожилой тут же обозлился:

— Что ты дышишь, как баба? В поезд надо было лезть и там шмонать его, пожадился часы про-



дать, теперь вот кукуем. Сколько клиентов было, а такой первый раз, ей-бо! Непруха на непрухе. Возрожит ему кто-то, не иначе. Главное, ведь почти поймали его, кто знал, что квартира такая стремная, с нашим газовым там делать нечего. И мобилу тот крутой козел забрал. Я, кстати, новую купил, шестьдесят баксов отдал. С тебя половина.

— Чего-то больно дешево для новой, Петрович?

— Нормально. Я старую купил, без наворотов. Главное, чтоб звонила.

— Я не понял, — почесал нос молодой, — так ты старую купил или новую?

— Объясняю как идиоту: старую у нас забрал этот козел. Я купил новую. Но подержанную. Понял?

— Теперь понял.

Пожилой посмотрел на напарника с отвращением. Раздражал он его с каждым днем все сильнее, но другого не было, а одному пасти этого шустрого очкастого непосильно. И ведь не учится напарничек ничему. Шестерка — она и есть шестерка. Тьфу! Однако и ссориться было не с руки, за молодым кто-то стоял, и кого там шеф в результате послушает — неизвестно. Надо было его припугнуть на всякий случай, поэтому пожилой веско сообщил:

— А не слабо тебе будет, брат. По самые гланды будет, думаю, когда хозяин все узнает. Дурканулся ты, говорю, не слабо, да. Считай, в самом начале дело завалил.

— Петрович! — заерзал молодой на скамейке. — А ты не говори, а? Ну, лопухнулся малость, с кем



не бывает. А я мобилу оплачу. Полностью. И это... Проставлюсь дома, все как положено.

Пожилой решил дожать щенка:

— Вообще-то обязан рассказать. Оно, конечно, по молодости все ошибаются, но ведь надо же объяснить будет, почему так долго возились.

— Дык, клиент такой, Петрович, утекает все время. Ща вон вообще с легавым на квартиру пошел. А чумовая у них квартира, да? Я таких не видел раньше.

Пожилой забеспокоился:

— Почему думаешь, что с ментом?

— Гы! Нюх у меня на них, сразу чую. А главное, я по стеночке за ними шел. Этот, который мент, так открытым текстом гнал, мол, из отделения иду, кое-что без протокола хочу выяснить. А сам цветы и хавчик несет. Без протокола, как же! Баба у него там. Как думаешь: на чернявую запал или на эту, серенькую? Чувырлы обе, мне такие не нравятся.

Пожилой чуть было не настучал идиоту по голове телефонной трубкой: пока его там, как цуцика, делали — молодой разглядывал баб!

— А вот скажи мне, голубь, замки там какие? А планировка какая? Сумка очкастого на виду или спрятана? Народу там сколько обитает? Ты дело делать должен, понял? А баб на пляже оглядывай, дома.

— Ну чего ты, Петрович, я же так просто сказал, а сумки вроде не было, — заюлил молодой. — Она ему, кстати, не сумку давала, а пакетик такой полиэтиленовый. Вроде птички там какие-то нарисованы, вспомнил!



— Угу. И будет он с пакетиком в зубах ходить, да? Пакетик-то в сумке наверняка, сумку и надо отбирать. Ладно, я пошел на вокзал, надо нам у бабки угол снять переночевать, в гостинице дорого. Вечером тебя заберу, а завтра очкастого возьмем за жабры, а то засиделись мы тут.

— А мент?

— Мент там ночевать не будет, раз с цветами и пирожными ходит, значит, ничего еще нет у них. И в квартиру не полезем, на улице будем брать.

— Так это, Петрович, может, вместе на вокзал пойдем, все равно сегодня пролетели?

— Ну уж нет, сиди, — злорадно припечатал дернувшегося молодого Петрович, — мало ли какой у них там расклад будет? Может, он в Магадан вечером сбежит.

— Правда, что ли? — испугался молодой.

— А кто его знает, крученный крендель попался. Хотя вряд ли, похоже, что прилип он тут. Так что сиди, отслеживай.

Пожилой бодро потрусил к остановке, молодой зевнул и с завистью посмотрел ему вслед.

Минут через пять он понял, что от скуки сейчас рехнется, но тут на скамейку рядом с ним плюхнулся Семен.

— Привет работникам невидимого фронта! — бодро провозгласил он. — Что пьем в отсутствие начальства? Как самочувствие? Какие творческие планы? Паспорт мой не потеряли, кстати? Вещь бесценная для трепетной души музыканта, на последней странице автограф Ростроповича.



Молодой неожиданно для себя обрадовался. Этот, который музыкант, был хотя и гад, но веселый, тарахтел как «УЗИ», слова из него так и сыпались.

— Петрович по делам ушел, — миролюбиво ответил он.

— По каким делам? — фальшиво удивился Семен. — Ваше дело вон оно где. На пятом этаже. Или опять упустили?

— По каким надо, — насупился молодой, — и не ча изгаляться. Там они все сидят.

— Ну, тогда и я пойду, — легко поднялся с лавочки Семен, — проведу наших птах сизокрылых. Скучают, небось, там без меня.

— Это вряд ли, — злорадно сообщил ему в спину молодой, — у них там мужиков и без тебя хватает!

— Это не мужики, это недоразумения, как железнодорожник железнодорожнику тебе говорю! — весело отмахнулся Семен и бодро скрылся в арке двора.

Глава 36

Марьяша покрутила в руках оставленную незнакомцами трубку. Зачем-то потрясла ее.

— Имеем мобильную связь, — пробормотала она в пространство.

— Ну-ка дай! — заинтересовалась Тина. — Что это за старье нам обломилось? А помнишь, раньше какие трубки были? Полкило весили, эта еще не самая старая.



Она быстро потыкала в кнопки, высветила телефонную книжку:

— Иногородные. Номера пятизначные. А вот и GSM, вроде питерский, знакомый больно. У кого же я такой видела? Нет, не вспомнить сейчас. Ну, владей.

Марьяша засомневалась:

— Нехорошо, Тин. Вещь чужая, отдать бы надо.

— Да кому? Думаешь, они опять к нам явятся?

Марьяша только молча замахала руками.

После дневной сумятицы, устроенной клиентом не без помощи Михаила Ивановича и странных мужиков, вечер в мансарде выдался на удивление спокойный. Компания разбрелась по углам. Грустный Митька сиротствовал за Марьяшиным мольбертом. Развернув его задником ко всем, он что-то редко чиркал карандашом и надолго замирал. Тина вполголоса разговаривала с Михаилом Ивановичем. Один Лешка вел себя странно — все время вставал и бесцельно болтался по мастерской. То пытался смотреть кукол и картины, то выглядывал в окно. Казалось, он хочет о чем-то спросить Марьяшу, но не решается. Наконец, сев напротив нее за стол, он сказал:

— Марьяна, хотел уточнить, вот вы в воскресенье про какое-то постановление о разувании сотрудников милиции в квартирах говорили. Я узнавал — такого нет. А если не секрет, откуда эта тема вообще появилась?

Марьяша дернулась и обернулась к Тине. Та, увлеченно обсуждая с Михаилом Ивановичем один



из его книжных трофеев, не замечала призывных сигналов. Отчаявшись, Марьяша попыталась незаметно, вытянув ногу, тихонько пнуть приятельницу, но та как назло закинула ногу на ногу. Маневр не удался. Пауза нехорошо затягивалась.

— Да это так, глупость какая-то была! — неловко попыталась Марьяша замять тему. — А давай, Алексей, я из тебя куклу сделаю!

Лешка в изумлении затих, зато у мольберта ожил Митька:

— Ты, Марьяна, что-то совсем. Того. Как сказали бы твои новые клиенты, «базар не фильтруешь». Ты бы еще чучело сделать из Лешки предложила. А кстати, это тема! Давай наделаем чучела белок, мою керамику фоном пустим и перформанс устроим. У входа рисуем жирную стрелку и название: «От стрелки до белки». Или незатейливо как-нибудь: «Алкоголь — общий враг людей и зверей!»

Марьяша принялась смущенно оправдываться, переходя то на «вы», то на «ты»:

— Вы, Леша, не подумайте, я имела в виду не из вас, а просто куклу похожую сделать. У тебя такие выразительные глаза и лицо благородное, бледное — как у Пьеро!

— Так, теперь любимый Буратино в ход пошел. Да еще и не главный герой, а какой-то второстепенный с сомнительной ориентацией предлагается! — съехидничал Митька.

Марьяша погрозила Митьке кулаком.

— Нет, Марьяна, вспомните, вы еще тогда что-то про труп хотели узнать. Вроде бы Тина интересова-



лась, что делать, когда обнаружишь? — проигнорировав «сомнительную ориентацию», Лешка упрямо пытался вернуть девушку к волновавшей его теме.

При упоминании трупа Тина наконец очнулась и быстро вклинилась в беседу:

— Между прочим, если кто-то куда-то завтра собирается, надо спать ложиться, а не белочек заглаженных и мертвецов на ночь глядя вспоминать. Дедушка в Шувалово, если кто не знает, рано встает. Может и убрести куда-нибудь. Так что спать — и немедленно.

Поняв, что ситуация выходит из-под контроля, Тина занервничала. Молодой милиционер явно наводил на разговор, который лучше забыть как страшный сон. Вмешивать милицию не хотелось категорически, после этого хода назад уже не будет, придется сдавать Семена, терпеть его попреки и, не дай бог, разбираться с Татьяной Марковной.

«А главное, — думала Тина, — Сенька опять как-нибудь вывернется, а я с краю окажусь. Нет уж, никакого официоза. Сами разберемся. Или вообще рассосется как-нибудь...»

— Вы, Алексей, тоже можете завтра с утра с нами поехать, — подсластила Тина пилюлю, — хотя вы, наверное, работать будете? Не сможете?

«Ага, тут совсем что-то не так. Ничего, милые барышни, может, я с виду и Пьеро, но характер имею настырный и вредный. Все равно узнаю, в чем дело», — решил Лешка.

Неопределенно пообещав подумать насчет Шувалово, «если позволят сложные оперативные де-



ла», он гордо удалился, чем до предела расстроил Марьяну.

Она пошла проводить опера до лестницы, чтобы еще раз объяснить по-человечески свое предложение про куклу, но у самой двери была сметена ворвавшимся, будто за ним гнались сразу все кредиторы, Семеном.

Лешка вопросительно кивнул в сторону смерча:

— Проблем не будет?

Марьяша обреченно махнула рукой:

— Наверняка будут. Но у Тины. Это наш Семен. Тинин крест. В отличие от Хоботова — принудительный и вечный.

Лешка попрощался, предложил звонить в любое время, если будут сложности с нервным гостем, и ушел.

Глава 37

Вернувшись к народу, Марьяша обнаружила Семена, нарезающего по комнате немыслимые по траектории петли. За спиной у Тины Семен останавливался, но спокойно на месте устоять не мог, а приплясывал и громко, демонстративно вздыхал.

Игнорировать такое шоу было трудно, но Тина, отвернувшись, вплотную придвинулась к Михаилу Ивановичу и упрямо делала вид, что ничего не происходит. Она эмоционально выкладывала ошалевшему собеседнику все подряд: о книгах, авторах, литературе и модных питерских новинках.



Страстный монолог сопровождался бурной жестикуляцией. Что она несет, Тина не вполне ясно себе представляла, потому что в голове у нее вертелось совсем иное: «А вот фигурки тебе, Сенечка! Не вижу, не слышу! Не хочу, не буду, не хочу с тобой разговаривать!! Зря, что ли, я столько лет твои представления терпела. Да я с тобой, гадом, всю систему Станиславского на практике прошла. Вхождение в образ, сквозное действие, публичное одиночество! Вот и торчи себе сам в одиночестве этом. Сквозном! Достал. Опять сейчас грузить начнет: трупы, любовницы, проблемы, деньги, ключи. Не хочу! Не хочу!»

Пробежав сотый круг и вновь оказавшись у Тины за спиной, Семен вдруг замер и перестал надрывно вздыхать. Дождавшись Тинино го размахистого жеста, он поймал ее ладонь обеими руками, нежно сжал, медленно поднес к губам и поцеловал. Но не отпустил, а прижал к щеке и закрыл глаза. На его лице заблестели слезы, а вся фигура как-то неувовимо трагически и беззащитно поникла.

— Тина, родная, помоги, пожалуйста. Меня милиционер убить хочет, — проникновенно прошептал он.

Реакция «зала», а именно его мужской половины, превзошла все ожидания. Душевно тонкий Михаил Иванович покрылся красными пятнами и принялся нервно потирать вмиг похолодевшие ладони. Митька насупился, заерзал на стуле и стал бурчать, что нельзя так с человеком, что Сенька, конечно, сволочь, но человек наш, хороший и т. д.



Одна Марьяша, с нехарактерным для нее мудрым цинизмом, подумала: «Браво, Сеня! Опять Тинку сделал. Пять балов. Если бы орать и скандалить начал — ничего бы не вышло. Или канючить. Тоже бы пролетел. А тут просто и гениально. Теперь всем придется отдуваться. Зря мы Леше не рассказали. Ой зря! Чует мое сердце, серьезно все это».

Марьяша угадала. Полночи компания, рассеявшись вокруг стола, обсуждала, что теперь делать. Семен в подробностях описал все, начиная с кошмарной ночи и заканчивая гонкой по парадным. Особенное уныние вызвало сообщение, что сегодня предполагаемый убийца был в форме милиционера. Марьяна и Тина отказывались в это верить. Тина горячилась:

— Ты, Сенька, угомонись! Не может такого быть! Если тебя прижучило и помощь нужна, то все уже, все согласны помогать! Все прониклись, только тобой теперь будем заниматься! Но не ври ты, ради бога! А то опять в роль страдальца вошел, и понеслось: мент в форме, органы преследуют несчастного музыканта! Ты почему мне в воскресенье про форму ничегошеньки не сказал?

— Потому, что тогда, ночью, у Ритки, он был без формы!

— Врешь! Чего это он у тебя то в форме, то без формы?

— У меня? У меня?! — взвился Семен. — Ты подумай, зачем, ну зачем мне врать? Я-то откуда знаю, почему он именно сегодня был в форме?!



— Простите, что вмешиваюсь, Тина, — вступил Михаил Иванович, — но мне кажется, Семен вряд ли лжет. В прессе был ряд публикаций о сотрудниках органов, организовавших банды. Кажется, в Ростовской или в Пензенской области. Журналисты их «оборотнями в погонах» называли.

При упоминании оборотней Семен побледнел и рухнул на стул, обхватив голову руками.

— Ладно вам, человеку и так хреново, — сказал Митька. — Слушай, Сень, а как он хоть выглядел, а? И что за форма?

Семен поднял голову, задумался и медленно стал перечислять:

— Ну, примерно нашего возраста, лет тридцать—тридцать пять. Худой, сутулый. Я, правда, недолго его рассматривал, но глаза и взгляд запомнил. Зверушка есть какая-то с такими точно глазами, не из любимых. Зверюга, короче. Противная. А вообще-то профессор прав: в голливудских киношках такие глаза у людей становятся как раз перед превращением в оборотней.

— Приплыли! — взвилась Тина. — Вовремя ты, Михаил, про оборотней ляпнул! Теперь его совсем заклинит. Началось уже: зверушки, оборотни. Еще белок Митькиных вспомни!

— Нет, — твердо заявил Семен, — у Митькиных белок глаза светлые и абстрактно безумные, по-доброму. А у этого — маленькие, черные и злые. И буравят тебя. Как бормашина.

— Ладно, черт с ними, глазами, а что за форма? — сдалась Тина.



— Серая. С блестящими муляжами, ну, что там висит у них на погонах, на лацканах?

— Семен, а вы не могли перепутать? Может, сегодня за вами не тот бежал? — снова робко встрял Михаил Иванович.

— А какой же, если не тот? Зачем не тому за мной гоняться?! — возмутился музыкант.

— Может, понравился ты ему, вот и побежал, с целью познакомиться и заинтересовать. Ты же у нас вона какой фактурный мен! — съязвила Марьяша, которой страсти вокруг бывшего мужа Тины стали порядком надоедать и захотелось спать. — И вообще, что мы тут мусолим? Надо пойти в милицию и все рассказать. Там разберутся, почему за тобой милиционеры бегают. А если тебе лень в милицию идти, давайте Алексею все расскажем. Он нормальный парень, и ходить тебе никуда не придется.

— Ни за что! Даже не думай об этом! — рявкнул Семен. — Ты этого Алексея сколько знаешь? Дня два, не больше? А если у них там одна шайка? Чего он вообще сюда ходит, а?

— Все. Хватит! — Тина встала из-за стола. — Ты, Семен, вали в свою лечебницу и сиди пока там. Мы завтра с утра — в Шувалово. Город большой, в мансарду он не доберется, адреса не знает. Завтра подумаем, что делать. А лейтенанту этому я бы тоже пока ничего не стала рассказывать. Может, все само собой успокоится, зачем раньше времени себе лишние проблемы устраивать. Ты только одно скажи: уверен, что он за тобой сюда не шел?



— Сто процентов. Я же не сразу к вам, я к Сережке в лечебницу заскочил, договорился, что он меня прямо сегодня на свое отделение положит. Якобы по «скорой», — заверил друзей Семен.

— Вот и хорошо. Иди оформляйся. Мы тебя навещать будем.

— Ага, и передачи носить, чтобы не заподозрили, — тут же воспользовался ситуацией воспрявший музыкант.

— Сейчас!! — Тина наградила его таким взглядом, что Семен мгновенно оказался за дверью и побрел сдаваться эскулапам.

Глава 38

Далекая от страшного и тягостного мира Длинного, мансардная компания сильно ошибалась в своих наивных расчетах.

Упустив Семена, Длинный огорчился недолго, наоборот: единственного свидетеля, который мог привязать его к трупам и навести ментов, он почти нашел. Нашел! В миллионном городе! Его распирало от гордости.

«Ну-ну. Значит, мамашу мужик навещал. Теперь все сходится: девица с фотографии — это Алевтина с улицы Чайковского. А мамашка его непростая, грузить меня вздумала: где сынок, не знает, где его бывшая жена живет — без понятия... Но все равно проболталась, имя невестки назвала — Алевтина».



Все вставало на места и избавляло от лишней работы. Вовремя он Рыбу второй раз на Чайковского наладил! Не обманули его предчувствия с этим адресом. Рыба оттуда эту Тину-Алевтину прямо до мастерской довел, где она, видно, постоянно тусуется, так что мотаться по другим адресам больше не придется. Теперь мужика беглого найти — нет проблем. Скорее всего к ней побежит.

Длинный самодовольно усмехнулся, вспомнив паническое бегство Семена: «Как от страха чесанул, гаденыш! Значит, в ментовку не обращался и ничего никому не сказал. Отлично. Можно не спеша проследить за этой мастерской и решить, что с ним дальше делать. Хотя, что делать, однозначно: мочить. Вопрос — где и когда».

Жаль, что и вчера и сегодня он зря только в форме по квартирам светился. В поисках сбежавшего субъекта пришлось проверять всех подряд текток на букву «Т» из записной книжки. Педантичный Длинный сгруппировал объекты по районам и для начала выбрал всех живущих рядом с мамашей сбежавшего мужика. Таких оказалось четверо. Длинный удивился такой кучности.

Он не знал, что в то время Семен, поссорившись с Тиной из-за своей сложной и крайне запутанной личной жизни, передислоцировался от нее к матери. Пребывая в подавленном настроении, по инерции и чтобы «не утратить навыков», он завел сразу несколько подруг, не сходя с места.

В квартиры Длинный попал с ходу и овец «развел» на Семена в пять секунд. Все женщины немед-



ленно вспомнили его. Особенно бесило Длинного, что ни злости, ни желания отомстить мужику никто не испытывал. Приветы через него пытались передать, дуры! Хотя по всему видно было, что прохиндей этот полтора раза их имел, а потом, не прощаясь, свалил.

Длинный таким завидовал. Ему никогда не удавалось легко заводить знакомства. В школе и училище он чувствовал себя чужим и лишним. Обижался, злился и все больше замыкался. В результате пришли другие мысли. Не хотят общаться — и не надо. Пускай тогда завидуют и боятся. Когда тебя боятся, не нужно уметь красиво и интересно говорить, да и внешность не важна.

Эта идея так захватила его, что он в конце концов додумался, как ее осуществить, не прилагая особых усилий: надо стать кем-то, чья власть для окружающих безусловна в большом городе. Для его уровня развития это могла быть только милиция. Форма, ксива — вот они наглядные атрибуты, которым подчиняются все. Оружие легально. К любому на улице можно подойти и заставить. Что? Да что угодно: карманы вывернуть, документы показать, в квартиру пустить. Можно вызвать повесткой и поиздеваться всласть, а потом выгнать, ничего не объяснив. Власть до объяснений и извинений не опускается!

Сразу после армии Длинный пошел поступать в милицию. Попасть туда, как он считал, элементарно, было бы желание да здоровье. Перед армией в военкомате постоянно кадровики милицейские околачивались. Уговаривали после службы к ним идти, вся-



кие льготы сулили. Правда, на некоторые должности требовалось образование. Следователем, опером или дознавателем с улицы не брали.

Ему казалось, он бы и без образования смог — разве для умного, как он, человека это работа? Тем более если тебе сразу дают и ксиву, и оружие с формой. Вон в кино показывают: сидят себе в отдельных кабинетах, бамбук курят или по городу на машинах разъезжают. Сунут ксиву в нос и вопросы задают. Еще и деньги за это получают. Ладно, подождет образование, главное — попасть в систему, для начала кем угодно.

Попытка провалилась. Когда армейская служба ему прискучила, единственный в части приятель-чеченец научил, как закосить «под дурака» оставшийся срок. Гарнизон разваливался вместе с Союзом, ко всему относились абы как, поэтому афера прокатилась, демобилизовался намного раньше положенного. Одного не знал: направили бумагу и поставили на учет в психдиспансере по месту жительства в Питере.

На приглашение в милицейские кадры, куда после комиссования отнес заявление, шел уверенный — вызвали только затем, чтобы вручить долгожданные атрибуты власти.

Но замотанный делами кадровик просто сунул ему пакет с документами и сказал коротко: «Извини, друг, но ты нам не подходишь».

Облом был неожиданный и болезненный. Длинный растерялся — образования и специальности нет, друзей и знакомых тоже. Из родных старая зануда



мать да тетка. Но переживал недолго. Затаив обиду, решил, что все равно своего добьется. Только уже безо всяких там властей и силовых структур. Он сам станет и властью, и структурой.

Для начала заставил мать разменять квартиру, сослав ее вместе с теткой в пригород. Наконец у него появилось отдельное жилье, а заодно избавился от недоступного старого города.

Потом, когда деньги от полученной доплаты кончились, а отвращение к любой работе не позволяло жить, как хотелось, его изворотливый ум придумал ИГРУ. Игру в себя ДРУГОГО, настоящего. Вопрос о победителе не стоял изначально. Для других участников ИГРЫ ходы и правила были непредсказуемые, но с единственно возможным исходом.

Режиссером, ведущим и главным героем действия был только он. Тщательно готовился и продумывал все до мелочей: участников, место, время, тактику. Потом, правда, пришлось «играть» вместе с напарником, слишком сложные ходы он выстраивал. Но напарник был скорее безмолвной массовой и техническим персоналом в одном лице. Рыба подошел для этой роли идеально. Игра оказалась азартной, и Длинному долго везло...

Глава 39

Сергея Коптева, доктора, все в мансарде прекрасно знали. Привел его в компанию Митька. Давным-давно, в год окончания «Мухи», керамист, хо-



рошо оттянувшись на вечеринке в честь защиты дипломных работ, летней ночью шагал по Литейному мосту.

Полное отсутствие денег никак не отражалось на отличном настроении и Митькиной любви ко всему человечеству. В процессе празднования одну работу умудрились, не сходя с места, продать какому-то богатому московскому толстосуму, невесть как попавшему на мухинский праздник жизни. Несмотря на количество выпитого, дядька-бизнесмен сразу оценил красоту и талантливость дипломных работ бывших студиязусов. Переживал только, что денег с собой мало взял. Из-за этого купил только одну, Митькину, работу. Но за триста баксов.

Для художников в то время это были немисли-мые деньги. Посему гуляли, не покидая здания, три дня и три ночи практически всем учебным заведе-нием. Лишь изредка гоняя на «поверхность» млад-шекурсников за новыми порциями спиртного, еды и сигарет.

С вечеринки Митька шел окрыленный успе-хом, исполненный самых невероятных творческих планов с двумя бутылками импортного пива, вы-данными в дорогу как особо отличившемуся ав-тору. Единственное, что омрачало путь, — это от-сутствие сигарет и возможности общения с какой-нибудь человеческой особью.

Как известно, сильные и четко сформулиро-ванные мыслеформы имеют обыкновение немед-ленно материализовываться. Митька даже не уди-вился, обнаружив впереди фигуру человека. До-



гнав парня, художник весело хлопнул его по плечу и попросил закурить, щедро предложив взамен цельную бутылку пива. Парень был молодым врачом, бредущим домой после дежурства в клинике нервных и каких-то там сопутствующих заболеваний. Митька восхитился:

— Ну надо же, прет-то как! Во всем везет! И диплом, и спонсор, и ночью на мосту не кого попало, а целителя душ человеческих встретил!

Новые знакомые уселись на парапете, неспешно потягивая пиво и болтая обо всем, что придет в голову. Митька доктора просто потряс, ибо крепкая психика и непрошибаемый оптимизм художника оказались истинным подарком для измученного пациентами эскулапа. Но главное — с ним можно было поговорить о Босхе! Босха доктор любил пламенно и как величайшую драгоценность хранил альбом, выпущенный в незапамятные времена издательством «Изобразительное искусство». Но робкие попытки молодого врача порассуждать о символике этого гения с коллегами по клинике приводили только к обидным встречным предложениям недельку полежать в любой на выбор палате.

— Иеронима, значит, уважаешь? Ну, до вершин осознания подлинной гениальности ты, конечно, не дорос, но говорить с тобой уже можно. А насчет Босха не переживай, познакомишься! — нахально пообещал Митька, вспомнив, что богатый голландский альбом с репродукциями его картин недавно видел у Марьяши.



Доктор Сергей был приведен в мастерскую и быстро подружился со всеми, включая Семена. Практичный Сеня потом пару раз укладывал ма-тушкиных приятельниц в Сережину клинику. В городе тогда среди определенной части интеллигенции считалось высшим шиком немного подлечить нервы в красивом старинном здании на Васильевском, в компании себе подобных (то есть абсолютно здоровых), под присмотром ласковых докторов, главной задачей которых было говорить с пациентом о нем самом, любимом.

Сбежав от убийцы, Семен помчался к Коптеву, посчитав, что уж там-то его вряд ли кто найдет. Заодно появится возможность все спокойно обдумать.

Ему, как всегда, везло: Сергей дежурил. Музыкант с ходу придумал и изобразил в лицах такой жуткий триллер, что Сергей, палата, отделение и клиника были взяты сразу и без боя. Единственное, о чем попросил врач, — в случае профессорского обхода убедительно рассказать о стойком депрессивном состоянии и постоянных мыслях о лишении себя жизни. На всякий случай он предложил Лерману записать необходимый набор медицинских терминов.

— Понимаешь, наша заведующая чуть ли не прямой потомок то ли Кащенко, то ли Скворцова-Степанова. Она мои палаты ведет. И руководитель по диссертации. С барышнями-пациентками у меня проблем нет, а вот мужской контингент подкачал. Или «выюноши», закосившие армию, или творческие алкоголики. Первых она с наслаждением тут же разоблачает, невзирая ни на какие связи, а со вто-



рыми хуже. Сначала медикаментозно и психологически изгаляется, а потом с треском выгоняет в наркологию.

— Девуца, что ли? — деловито уточнил Семен.

— Как бы не так! Четыре мужа, двое у нас лежали, вся в бриллиантах. Почти семьдесят лет, но сильна, чертовка! Нам бы так в ее годы. Самая что ни на есть махровая феминистка.

— А как же четыре мужа? — не понял Семен.

— Это она так эмпирически к идее феминизма приходила. Тренировалась.

Семен нужные слова писать не стал:

— Ты, доктор, за меня не бойся. Меня в свое время без экзаменов с первого тура в театральный брали. Плюс гены. А с «бриллиантовым потомком» я разберусь.

— А при чем здесь гены? — удивился Сергей, но, вспомнив бывших пациенток — Сенину мамушку с подругами, вопросов больше не задавал. Договорились, что Семен смотается за паспортом и вернется до конца дежурства. Мнимый больной отправился в мансарду обеспечивать тылы, а через несколько часов вернулся «укладываться в дурку», по выражению Митьки.

Глава 40

Над Белогорском сияло рыжее оглушающее солнце, жара одолевала всю Россию. В доме Григория Романовича царило хрупкое перемирие. Сек-



ретарь каждый день докладывал шефу, как идут дела, подозрительный пакет все дальше и дальше уплывал из Белогорска. Григорий Романович ярился, но ничего не мог поделать. На всякий случай он помирился с женой. Галочка, не понимая причины этого, своего все же не упустила, кредитная карточка Григория Романовича прокочевала по всем дорогим магазинам Белогорска. Куплено было изрядно: белье от «Cacharel» трех размеров: себе, любимой, тунику на косточках, потом — остро-модный корсет на крючках, а еще — два розовых комплекта на перепродажу экзотических размеров 70Д и 90А, взятых с громадной скидкой и посему вдвойне приятных. Приобретен был и брючный костюм с натуральным меховым воротником, два шелковых шарфа с вычурными итальянскими подписями по кайме и ручной обметкой, которая приличную вещь отличает от китайской фигни, как объяснили Галочке знающие продавщицы. В ди-орно-шанельном парфюмерном Галочка затоварилась тенями всех цветов радуги и компактной пудрой. С помадами не связывалась — хранятся плохо.

Покупалось все дорогое и впрок. Так, в пакетах с ценниками и чеком, и укладывалось на полки, с тайной мыслью продать, если что. Заодно Галочка задействовала визажиста, косметолога и прочих с упрямой надеждой переплюнуть соперницу. После безобразно дорогостоящего и высокотехнологичного пилинга лицо заметно посвежело и порозовело, бралось румянцем на раз, хоть на ветру и больно пощипывало. Галочка просматривала трехстра-



ничный перечень дальнейших возможных процедур и прикидывала, стоит ли овчинка выделки.

На радикальные меры, вроде окраски волос в черный цвет, она не решилась, но макияж поменяла. Та, другая, красилась мало и тона выбирала какие-то блеклые. Галочка, глядя на себя в зеркало у визажиста, испереживалась: «Поганка бледная какая-то».

— А поярче никак? — поинтересовалась она у девушки-мастера.

— Почему никак? Можем и поярче. — Привыкшая ко всему, визажист не раздражалась, лишь деловито осмотрела свой арсенал и принялась снимать только что наложенный макияж. — Можем под Мэрилин Монро, можем вариант Монро под Мадонну. Под Бритни Спирс можем, под Агилеру, хотя и по глазам бьет... под Дженнифер Лопес можем.

Последнее визажист произнесла с некоторым сомнением. Галочка серьезно задумалась.

— Мне бы такое... типа умная, но чтоб сексуально... на презентации ходить.

Теперь задумалась визажист.

— Может, вам оправу приобрести.

— Чего «оправу»?

— Очки.

— А-а, так бы и сказала. Так я нормально вижу, я ж не училка какая — в очках ходить. Мымру-то из меня зачем делать?

Галочка выпятила губу и исподлобья оглядела себя в зеркале. Очки еще зачем-то! Ей сразу пред-



ставилась какая-то неопределенного возраста тет-ка, в вытянутой на попе юбке, разношенных туф-лях и с потертой сумкой из кожаменителя. А по-перек стеклышек очков полосочки от туши. Брр!

— Ну, не обязательно плохо видеть. — Визажист увидела, как клиентка мрачнеет, и профессиональ-но-весело защебетала: — Оправы разные бывают. Кто разбирается, сразу оценит. Это теперь деловой имидж называется. У компьютера вроде как много времени проводите. Вставьте простые линзы, мож-но с тонирувочкой типа хамелеон, для загадочнос-ти. На свету темнеют, в помещении светлеют. Вам пойдет, я думаю.

— Дорогие?

— Долларов триста примерно.

— А подороже есть?

— Ну, если оправа этого года да фирма извест-ная, типа Gucci или Armani...

— У меня сумочка ихняя вроде есть.

Визажист закивала:

— Вот и замечательно, будет у вас комплект: очки и сумочка. Очень стильно получится. Сразу станет видно: свой вкус у вас, не все подряд по-купаете. Вот у меня и визитка как раз есть салона оптики, позвонить, чтобы вас ждали? Вы там ска-жите, что я направила...

Визажист, заискивающе улыбаясь, заглянула в лицо Галочке. Галочка буркнула: «Да», кинула на подзеркальный столик деньги, выпорхнула из крес-ла и пошла к выходу, вызываясь покачивая бед-рами. Визажист мельком бросила взгляд на чае-



вые. Потом с улыбкой уставилась в спину клиентки: вдруг обернется.

Галочка не обернулась, уже забыв про нее и напряженно размышляя. Солнечные очки у Галочки были, две штуки, но дарил их муж, и стоимостью она не интересовалась. Если простые стекляшки столько стоят — может, их две пары купить? Потом, если что, за полцены перепродать. Наташка купит, да и Светка наверняка. Просто так деньги было с карточки не слить, эта стерва домоправительница расходы отслеживала и чуть что — доносила самому. Покупать нужно что-то дорогое и реализуемое среди своих. Меха нет смысла, лето на дворе, а черт его знает, что на следующую зиму носить будут, да и продать сложно. Может, обувь? Галочка прокрутила в голове разговор с визажистом. Интересно, очки тоже из моды выходят? Наверняка ведь. Нет, обойдемся одной парой, лучше в «Золотой шар» зайти, золото всегда в цене. И хранить удобно, и продать просто. И брюлики... Надо скорее в Москву выбираться, но пока никак не выходит, Гришу одного оставлять боязно. Помириться бы с ним, но как?

Совсем уж душой Галочка не была, ум у нее был цепкий и конкретный. Разговор о разводе она не забыла, наоборот, именно жизнью после возможного развода и была озабочена. Она с запоздалым сожалением подумала, что надо было все-таки родить ему ребенка, пожалела тогда фигуру, теперь вот расплачивайся. Забеременеть сейчас? Но Гриша уже неделю в кабинете ночует, не в духе силь-



но, кредитку дал, а в постель ни-ни. Попробовать, конечно, можно и нужно, но вдруг не получится ничего? И еще хуже: она залетит, а Гриша ее с ребеночком бросит?

Так где же взять денег, если Григорий Романович вывернется и оставит ее ни с чем? Белогорск, к сожалению, был невелик, дорогих магазинов в нем было немного, и все там Галочку знали, так что купить по кредитке вещь, а потом сдать ее обратно за наличные не представлялось возможным.

Она вспомнила историю, которую рассказывала ее приятельница. Причем клялась, что это правда и произошло лично с ее знакомой. Комбинация выглядела восхитительно просто. Идешь с мужем в дорогой магазин и покупаешь там, к примеру, платье. Потом в этот же магазин, но с любовником и покупаешь точно такое же платье. Через день приходишь одна, и дубликат сдаешь обратно. Муж тебя видит в платье, которое он купил, любовник тебя видит в платье, которое он купил, все довольны, а ты при наличных. Галочка прикинула ситуацию на себя. Вырисовывалось два «но». Во-первых, город был действительно маленький, история расползется сразу, а во-вторых, нужен богатый любовник. Любовник был, но подарками Галочку не радовал, наоборот, норовил получить с нее, а что до города...

«В Москву!» — окончательно решила Галочка и воспряла духом. Конечно, в Москву. Город большой, магазинов до черта, знакомых минимум и золотая «виза» при ней. Решено!



Как только клиентка скрылась за матовым зеркалом дверей, улыбка с лица визажиста стремительно исчезла, она нахмурилась и посмотрела на себя в зеркало:

«Нет, ну чем она лучше-то? Очки ей, ха! Деловой имидж ей! Известно, какие у таких дела. И за что дурам такое счастье? Ведь по ней же видно, что все есть и про завтра думать не надо, за каким чертом ей морду поменять приспичило, а? С жиру бесится! Эх, мне бы на ее место, вот хоть сейчас бы с ней местами поменялась!»

Глава 41

Рано утром Марьяша пошла по квартире, трезвоня в колокольчик:

— Подъем! Подъем! Едем в Шувалово!

Никто не отозвался. Марьяша подошла к продавленному дивану, на котором, свернувшись калачиком, спал Митька, и стала трезвонить у него над ухом.

— Уже встал! — бодро отрапортовал керамист и натянул одеяло на голову.

Марьяша затрясла колокольчиком еще яростнее.

— Садистка ты, Марьяшка! — забурчал Митька. — Тебе бы в пионерлагере работать. Или контролером в автобусе. Я, может, с подсознанием работаю, до смысла сна докопаться хочу, мог бы таблицу элементов на-гора выдать или «Реквием». Сон всей жизни, можно сказать, видел,



уже вспомнил почти, а тут ты со своим треньканьем.

— Трепло ты, Митька, — потащила Марьяша с него одеяло, — жуткое просто трепло, во сне и то греплешься. А таблицы нам не надо, уже Менделееву приснилась. Вставай давай, повезем тебя новое местожительство смотреть.

— Гонишь, да? Избавиться хочешь. Друга и товарища по этапу, к медведям и дачникам... эх ты!

Марьяша, не отвечая, отошла от дивана и решительно направилась к Михаилу Ивановичу. Тот спал на каком-то патентованном, самонадуваемом матрасе, в свое время забытом экзальтированной американкой Джудит. То ли матрас был хорош, то ли кочевая жизнь так подействовала, но спал на нем Михаил Иванович дивно, без всяких сновидений, так, как давно уже не спал дома, в своей холостяцкой берлоге.

Вообще ему неожиданно понравилась эта жизнь. После привычной рутины университетского кружка, бородатых шуток коллег и размеренного существования здешняя безалаберная и беззлобная жизнь действовала живительно-омолаживающе. Он каждый день давал себе слово завтра же откланяться, и домой, но... каждое «завтра» откладывал еще на день.

Колокольчик надоедливо затренькал у него над головой. Михаил Иванович сонно помахал рукой и продекламировал любимого Державина:

Пчелка золотая!
Что ты жужжишь?
Все вокруг летая,
Прочь не летишь?



Митька захохотал. Марьяша опешила и с подозрением посмотрела на Михаила Ивановича, но его лицо было благодушным и, без привычных очков, незащитно-открытым. Она на всякий случай еще раз тряхнула колокольчиком и отправилась к плите, где Тина уже колдовала над кофейником.

Позавтракали быстро и легко, но потом долго препирались у окна, обсуждая погоду. Небо было безоблачно-синим, но Митька отчего-то пророчил дождь. Девицы спорили с ним до хрипоты, но Митька упорствовал и дошел до того, что по каким-то невидимым остальным приметам предрек грозу и немыслимой крупности град. Наконец Марьяша не выдержала:

— Ты, Мить, просто ехать не хочешь. Можно подумать, мы в трехдневный поход на байдарках собираемся. Дождь так дождь, крышу мы починили, бояться нечего. А там найдем где отсидеться.

Во дворе их ожидал Лешка. Все, кроме Марьяши, очень удивились, а она только пожала плечами: мол, ничего особенного, вчера ведь договаривались. Потянулись со двора. Михаил Иванович шагал налегке, довольный и свободный, веселый, как птичка. Вчера его долго пытали, что за сомнительные типы вломились с ним днем в квартиру, но Михаил Иванович искренне недоумевал и на вопрос, есть ли у него враги, вспомнил только профессора Хоупа из Мичигана, слависта. Сам он этого Хоупа никогда не видел, но решительно пообещал набить ему морду при встрече за безответственные и спекулятивные статьи. Он так искренне го-



рячился и порывался рассказать, чем насолил ему славист, что девицы поняли — лучше без подробностей. Митька то и дело отставал и пытался сделать небольшой крюк, чтобы купить пива, но его дружно запихали в маршрутку и отбыли.

Молодой человек, с утра сидевший на скамеечке, бросился следом, но притормозил. После вчерашнего в ту же маршрутку лезть было опасно, очкастый или девки наверняка опознают, к тому же в руках у клиента однозначно ничего не было. Значит, в квартире все осталось. Вот и хорошо! Молодой довольно улыбнулся, взял в ближайшем ларьке банку джина и вольготно уселся обратно на лавочку. Ждать Петровича.

Глава 42

...Вернувшись домой, Длинный снял форму, аккуратно сложил и спрятал в чемодан на шкафу. Открыл записную книжку Семена. Он надеялся найти телефон мансарды. С телефоном было проще выманить бабу и узнать, где прячется ее бывший муж. По адресу он прикинул первые три цифры возможного номера, но ничего похожего в книжке не нашлось. Вытащил фотографию и долго рассматривал, что-то прикидывая в уме. Удовлетворенно хмыкнув, поднялся, взял из холодильника бутылку пива и пошел этажом выше, к Рыбе.

Рыбина коммуналка, как всегда, была нараспашку. Пройдя пустой коридор, Длинный брезгли-



во, ногой, пнул замызганную дверь и зашел в комнату. У окна на засаленном диване валялся избитый им накануне Рыба. Увидев Длинного, он испуганно вжался в стену.

«Боятся, урод, что опять бить буду, — подумал Длинный. — Так ему, гаду, и надо, не будет больше бегать от меня».

— Ну что? Отлежался, приятель? — притворно-ласково спросил он. — Поднимайся давай. Некогда лежать. На, опохмелись, я сегодня добрый.

Рыба дрожащей рукой принял бутылку, сдернул пробку о подоконник и сделал несколько жадных глотков из горлышка.

— Значит, так. Долг твой теперь штуку бакинских тянет. — И, не обращая внимания на протестующий жест Рыбы, продолжал: — Пора отрабатывать. Пойдешь завтра в мансарду, найдешь там эту Тину с фотографии. Смотри, бабу не перепутай! Скажешь, что нашел записную книжку и паспорт клиента на помойке. Хочешь вернуть хозяину, но за бабки. С собой, скажешь, документов у тебя этих нету: мол, боишься, что в ментовку сдадут, не поверят, что нашел. Назначишь ей встречу на субботу, утром, у дома, где мы бабу завалили, на Португаловой. Скажешь, чтобы приходила одна, иначе ничего не отдашь.

Заплывшие под синяками глаза Рыбы от ужаса почти раскрылись.

— Ты что, Длинный, рехнулся?! Там же, наверное, ментов шоркается, как грязи. Загребут сразу!

— Слушай, придурок, и молчи! Если б не я, давно бы спился или сторчался, так что молиться



на меня должен. Никаких ментов там не будет. Они только первые дни там ошивались, когда труп нашли. А теперь что им там делать? Свидетелей нет, труп увезли. Побегали и отвалили. Я все рассчитал — в четверг у них, как всегда по двадцатым числам, зарплата, значит, напьются. В пятницу будут похмеляться, да и выходные на носу. Не до работы будет. Плюс жара нам на руку — все из города свалят по дачам и загородам.

— А зачем во дворе ее встречать, потом-то куда?

Длинный самодовольно глянул на Рыбу и вынул из кармана брюк связку ключей:

— А это видел? Ключи от хаты я с собой прихватил. Как чувствовал, что еще понадобятся! Квартира пустая стоит. Никому в голову не придет, что мы опять появимся, понял? Вот там мы спокойненько с «овцой» и разберемся, выясним, где ее урод гасится.

Рыба с содроганием представил заполненную приторным запахом квартиру, черный от крови пол и судорожно сглотнул. Глядя на расхаживающего по комнате Длинного, он тоскливо думал: «Все. Ха-на мне. Если менты там не повяжут, Длинный замочит. Сам сказал, что свидетелей не оставляет».

Рыба вспомнил, как Длинный месяц назад заставил выстрелить в женщину. Она, съездившись, сидела на табуретке в кухне и умоляюще смотрела на них снизу вверх. Руки у Рыбы ходили ходуном, и хотя он втихаря ширнулся в парадняке перед входом, но то ли кайф еще не дошел, то ли сам он боялся больше женщины, во всяком случае, стоя в паре метров от нее, выстрелить не смог.



Женщина в последний момент вскочила и бросилась к окну, беспомощно закрывая лицо рукой, словно рука могла защитить от пули. Длинный вырвал у него ствол и с ходу выстрелил ей в затылок. Потом долго матерился и заставил Рыбу ползать по окровавленной кухне, искать гильзы...

— Короче, все понял? — прорезался в голове голос Длинного. — Чтобы завтра с утра греб в мансарду. Имей в виду, я рядом буду, чтобы без фокусов.

Не глядя на Рыбу, вцепившегося побелевшими пальцами в полупустую бутылку, Длинный вышел.

Глава 43

В палате, куда отвел его Сергей, Семен сразу рухнул на свободную койку. От усталости он толком не смог рассмотреть помещение и пребывающих там личностей. В предутреннем сумраке при плотно задвинутых шторах видны были только смутные очертания тел под нагромождением одеял и подушек. Немного смутил тяжелый душный запах и странное мерцание на тумбочке в дальнем углу.

«Кусачих бы только не оказалось, терпеть этого не могу! Хотя... Помнится, как-то на гастролях в Таганроге... в подтанцовке... была парочка таких заек зубастень...» — додумать до конца Семен не успел, провалившись в густую сладость спасительного сна.

Проснулся Семен далеко за полдень. Собственно, он бы еще спал и спал, но противный запах усилился и настырно лез в нос. К запаху присо-



единился странный монотонный звук. Семен разлепил глаза, повернул голову и замер.

На кровати у окна, скрестив тощие ножки и раскинув в стороны ручки-грабельки ладонями вверх, с закрытыми глазами сидел старичок. Одет он был в застиранную, казенного вида пижамку, проштампованную под грудью и над правой коленкой смазанной лиловой печатью с надписью «Роддом № 12». Рядом, на прикроватной тумбочке, горели, потрескивая, расставленные по кругу огарки свечей и дымилась бело-желтым в латунной площадке какая-то гадость, невыносимо воняя. Выражение лица у старичка было самое благодатное, а пушок вокруг розовой лысинки напоминал созревший одуванчик. Не открывая глаз, старичок тоненько, монотонно бормотал, постепенно усиливая и стереофонируя издаваемые сигналы.

«Слава богу, у двери лежу! — пронеслось в голове у шоумена. — Хотя старичок вроде хилый, да и зубов, поди, не осталось».

Будто подслушав его мысли, хилый старичок немедленно оскалился в улыбке мощной, роскошной челюстью, которой позавидовала бы любая голливудская кинодива.

От немедленного бегства Сему удержал приятный мужской голос:

— Добрый день, наконец-то вы проснулись, а то мы стали волноваться, завтрак и обед вы уже пропустили!

Обернувшись, Сеня увидел в дверях палаты приветливо улыбающегося мужчину средних лет в оч-



ках. Обликом и манерами этот новый персонаж вроде бы не вызывал опасений. Правда, слегка смущала огромная вязаная женская шаль, манерно наброшенная на плечи. Шаль была рыже-бурой и состояла больше из дыр, чем из шерсти.

— Разрешите представиться, Эдуард Михайлович Топилин. Театральный критик и в некотором роде драматург, — пропел мужчина, — а вы, очевидно, наш новенький, ночью поступили, да?

— Семен Иванович Лерман, музыкант, шоумен, — не менее галантно расшаркался Семен, — прибыл ночью.

Затем, покосившись на продолжающего завывать старичка, дернул в его сторону подбородком:

— Не опасен?

— Что вы! Викентий Львович — милейший человек! В третий раз здесь, явные улучшения, мухи не обидит.

— А что так надрывается?

— Видите ли, Семен, в жизни каждого мужчины бывают критические периоды. У Викентия Львовича как раз такой. А его жесткосердная супруга категорически отказывается это понимать. Например, запрещает ему уходить в астрал.

— Куда?!

— Викентий Львович последнее время увлекся энергетическими практиками. Особенно методикой выхода в астрал по профессору Памирову. Ну, вы должны были слышать, года два назад вся интеллигенция бурлила! Впрочем, не важно. В конце концов из-за безобразных скандалов и угроз супруги,



дважды срывавшей сей процесс, он вынужден периодически ложиться в клинику, дабы достичь желаемого эффекта.

Сеня с недоверием покосился на старичка и свечи:

— А сгореть вы тут не боитесь?

— Ни в коей мере! Просто в момент вашего прибытия я несколько переусердствовал со снотворными препаратами. Тоже, знаете ли, временно пребываю в кризисе, но творческого порядка, хотел попробовать себя в режиссуре, но — театр, козни завистников... Вы не волнуйтесь, обычно все под контролем. Я тут переговорил с приятелями по театру, они прониклись. Обещали достать у пожарного лист нескораемого материала.

Семен перевел взгляд на другую койку, где неподвижно, лицом к стене, громоздилось тело, очертанием соответствующее крупному мужчине, с головой замотанному в серое казенное одеяло. Кровать была маловата, поэтому он по-детски подогнул коленки к груди и вжал в них голову, отчего его фигура приобрела вид гигантского зародыша. В отличие от астрального дедушки, его тумбочка была распахнута и нищенски пуста. Только сверху в деревянной рамочке стояла фотография какой-то девицы.

Уловив направление Сениного взгляда, Эдуард Михайлович, вздохнув, прокомментировал:

— Увы, Николай у нас действительно сложный пациент. Трагедия в личной жизни. Вы случайно Олегом Митяевым не увлекаетесь?



— Ни-ни! Убежденный натурал! — враз настояжился Семен.

— Не в этом смысле! — поморщился Эдуард Михайлович. — Я об известном барде. Может, слышали его шлягер: «Она была актриса, а он простой полярник»? Ну, где вначале неземная любовь, разрыв полярника с семьей, а затем коварная измена предмета страсти?

— Митяев... Митяев... а, было что-то такое — «вечная история, банк „Империял“», да? Да неужели такие наивные особи еще бывают в природе?

— Как видите. Для Николая все было более чем серьезно. Узнав об адюльтере возлюбленной, переживал невероятно, предпринял суицид. Поэтому здесь, в клинике.

— Он правда полярник? — с любопытством осмотрел закутанного Семен.

— Не буквально, но парень сугубо мужской профессии. Романтизм и наивность как у ребенка. Это и подвело, — вздохнул Эдуард Михайлович. — В принципе, он среди нас единственный соответствующий профилю заведения.

— А ничего, что мы при нем разговариваем? — забеспокоился «непрофильный» шоумен.

— Увы, он нас не слышит. Врачи уже неделю держат Колю на капельницах с успокоительным, но бедняге никак из депрессии не выйти. Совсем стимул к существованию потерял.

— Ну, это мы поправим, — уверил его Семен. — Не хватает еще, чтобы из-за какой-то легковесной



женщины наш брат, почти полярник, вот так неэстетично пропал.

Он взял с тумбочки фотографию улыбающейся остроносой девицы с мышиного цвета волосами и монгольским разрезом крошечных глаз, повертел ее в руках и, недоуменно пожав плечами, поставил обратно.

— Да, Эдик, а что тут с репертуаром в нашем заведении? В смысле распорядка и контингента?

Эдуард Михайлович оживился:

— Все более чем достойно. На отделении еще четыре палаты, из них три женские. Вы на редкость удачно к нам попали! Медперсонал — сплошные молоденькие барышни. Плюс удивительно приличное свежее поступление — две актрисы, пара кандидатов наук...

— Тем более парня на ноги поставим, — перебил Сеня. — А что тут местные гиппократы душевно страждущим прописывают? Какие принудительные экзекуции, что с обходами?

— Все исключительно по желанию: циркулярный душ, Шарко, обертывания разные. У дам крайне популярны сеансы гипноза. Проводит новый доктор, восходящее светило. Сочетает свои манипуляции с индивидуальной аромо-музыкальной сенсорной терапией.

— Круто! — восхитился Семен. — Надо будет глянуть на этого Казанову от медицины.

— Вот только сегодня несколько напряженный день. У нас по средам в семнадцать часов обход заведующей — Дианы Викентьевны. Вам, как но-



венькому, придется первым пройти оное испытание.

— Не пугайте, — отмахнулся Семен, — про «потомка Кащенко» я уже в курсе.

— Ну-ну, — загадочно блеснул очками Эдуард Михайлович. — Да, и еще. Хочу вас предупредить, молодой человек. Здесь, как свежеприбывшего, вас может удивить одна пикантная особенность... — Критик замялся.

— Пикантная? Не томите, Станиславский, я ужасно люблю все пикантное! Что тут у вас? Диана Викентьевна практикует хатха-йогу и проводит лечение групповым сексом?

— Вы с ума сошли! — зарделся критик. — Просто место общего пользования, оно же туалет, на отделении одно, общее, без учета половой принадлежности, так сказать. Правда, кабинок две, но без задвижек. Вероятно, чтобы исключить возможные эксцессы со стороны некоторых реальных пациентов.

— Это, конечно, не комильфо, но, в принципе, и хуже условия бывали, — бодро отмахнулся Семен. — Ну, Мейерхольд, а теперь пошли знакомиться с коллективом!

Глава 44

Шувалово было местом загадочным, всеми трепетно любимым. Когда-то огромное поместье графа Шувалова, в советское время поделенное на приусадебные шестисотки и заросшее деревянными до-



миками трудящихся, ныне почти вросло в город и было облюбовано новой буржуазией и братками средней руки.

В восьмидесятых годах Академия Художеств подсуетилась и выдала в аренду художникам и скульпторам пару десятков старых деревянных домов под мастерские, в результате чего к началу двадцать первого века поселок выглядел вообще ни на что не похожим.

Красного кирпича особняки и совершенно не российского вида коттеджи мирно соседствовали с почерневшими домишками и вылизанными грядками особо упорных пенсионеров. Тут же, из-за редких оград напротив, выглядывали неудачные или непродажные детища скульпторов, изваянные в камне и в дереве. Где-то прямо на стене дома натягивалась простыня и крутилось неформальное кино. Или весь участок заполняли причудливые формы абстрактного искусства: на старых деревьях висели огромные металлические гусеницы и стрекозы, в кустах у ограды можно было наткнуться на стилизованное надгробье Буратино с чемоданом для пожертвований на папу Карло, а сам дом, из которого доносилась странная, но завораживающая музыка, требовал для осмотра не меньше суток.

Дачники соседей-художников не очень любили, но привыкли, а новорусы, поудивлявшись, начинали с гордостью, как местную достопримечательность, показывать друзьям.

Глядя в окно маршрутки на ровные ряды коттеджей, Митька откровенно затосковал и порывался



пару раз вылезти: якобы забыл что-то важное и неотложное. Марьяша и Тина решительно пресекали эти попытки, а Михаил Иванович и Алексей понимающе поглядывали на керамиста. Наконец прибыли. Марьяша ухватила Митьку за руку и повела, по дороге втолковывая:

— Ты, Мить, пойми, я ж тебя не чеченам в рабство продавать веду, я просто хочу, чтоб ты немного по-человечески пожил. Да и не факт, что срастется у вас. Петр Капитонович старичок нравный, из военных, может, ему грива твоя не глянется или еще что.

Митька застонал и слабо дернулся:

— Еще и Капитонович! Как я к нему обращаться буду, мне и трезвому такое выговорить трудно!

— Может, не надо его туда? — попытался вмешаться Леша. — Ведь не хочет человек?

Марьяша стремительно развернулась к Леше, да так, что Митька, которого она крепко держала за руку, крутанулся вместе с ней.

— А что ему надо, ты знаешь? В курятнике этом жить, с петуховской шайкой, или у меня на диванчике как казанская сирота ютиться? Ты что думаешь, он мне мешает? Да по мне, пусть всю жизнь живет, но ведь это не жизнь, и я там не навек поселилась, сменится начальство в ЖЭКе или новорусу какому-нибудь в голову взбредет пентхауз там сделать — и все, прощай, мансарда! Ты посмотри на этого дурака! Нормальный ведь человек, руки золотые, голова ясная, добрый, как... как Чебурашка, вот! И гнобит себя не пойми зачем!



— Да я так просто сказал, — пошел на попятную Лешка. — Вижу, мучится человек, не хочет, наверное.

Марьяша взъярилась еще больше и остановилась прямо посреди дорожки:

— Мучится? Не хочет? Боится он просто! Всю жизнь другие за него решали, один раз только духу хватило на решительный поступок — и то зря, как оказалось. Из-за стервы этой с родителями разругался, из дома ушел, а она через год с ним развелась и квартиру оттяпала. Ты видел его комнату? Это благоверная Митенькина подсуетилась, за питерскую прописку отблагодарила. Квартиру отобрала, а его самого к Петуховым засунула. К родителям пойти помириться, сказать, что дурак был, у него духу не хватает, у отца инфаркт, между прочим, из-за этого был, а мать теперь тайком на Митеньку смотреть бегают, жив ли сыночек, здоров ли? Ты хоть знаешь, кто у него предки?

— Кончай, Маруська! — решительно прервал ее Митька. — Пошли меня сватать лучше.

Марьяша запнулась и устало потерла лоб:

— Извини, Митя. Занесло. Веришь ведь, что для тебя стараюсь?

— Верю, подруга. — Митька приобнял ее за плечи и ласково взлохматил волосы:

Татаринов отчаянно позавидовал Митьке, в этот миг он готов был сам вселиться к Петуховым и иметь в прошлом жену-стерву, только чтобы вот так же, как Митька, привычно и нежно прижать ее к себе, коснуться волос. Компания молча от-



правилась дальше; Леша, чуть приотстав, разглядывал Марьяшу.

Она как будто летела, не касаясь земли, худенькая, невесомая. Каштановые, пушистые волосы блестели на солнце, широкая длинная юбка плескала у ног, иногда ветерок чуть взметал ее, и Леша видел тонкую смуглую лодыжку с позвякивающим крохотными бубенчиками браслетом.

Он перевел взгляд на Тину и молча подивился, до чего разные были подруги. Тина шла решительно, широким шагом, иногда притормаживая, чтобы подождать остальных, наряд ее был обманчиво прост и незатейлив: линялые до голубизны джинсы и черная футболка, никаких украшений, только на запястье небольшие почти квадратные часы. Рюкзачка сегодня не было, его заменял поясной ремень мягкой замши с пятью накладными карманами.

От нечего делать Лешка стал прикидывать, что в них может быть. Один — для телефона, это по форме понятно, второй для солнечных очков, третий для ключей или кошелек. А еще два для чего? Отгадать не успел, компания остановилась у двухэтажного деревянного дома с резными наличниками. Дом выглядел грустно: краска сползала с его стен лентами, наличники висели криво, сквозь густую траву к дому вилась узенькая тропка. Марьяша оглядела разношерстную компанию и сказала:

— Все. Пришли. Объясняю ситуацию. Петр Капитонович — вдовец. Дом этот они купили с женой, всю жизнь на него копили, а она через полгода взя-



ла и умерла. Но он теперь никуда отсюда ехать не хочет, говорит, что ее душа сюда приходит. Старик он хороший, я с его женой дружила еще в Академии, преподавала она у нас. Странности у него есть, не без этого, но вообще человек наш. Все понятно?

— А ничего, что мы толпой такой? — спросил Михаил Иванович. — Может, нам неподалеку пока подождать?

— Не дергайся, — отозвалась Марьяша, — он компании любит, ему одному знаешь как тошно целые дни сидеть?

Она открыла калитку и закричала:

— Петр Капитонович! Ау!

— Может, он не слышит? Старый все-таки. Давайте к дому подойдем?

— Нет, вот к дому как раз и не надо, — остановила Лешку Марьяша. — Тут ловушки могут быть.

Все в изумлении уставились на Марьяшу.

— Ну что вы на меня смотрите? Говорю же, человек старый, одинокий, пионеры местные забодали совсем, вот он ловушек и наделал.

В это время показался хозяин дома, хрупкий беловолосый старичок, он двигался зигзагами через густую траву, совершенно игнорируя тропинку, и приветственно махал рукой:

— Здравствуй, Марьянушка, здравствуй, красавица, порадовала старика, приехала все-таки. И не одна. А у меня, как на грех, ничего к чаю нет, сушки вот разве. Сушки хорошие, я их в чае размачиваю. Ну, гости дорогие, прошу в дом. Вот как я иду, так следом и ступайте.



Он тем же зигзагом направился к дому, компания гуськом пошла за ним. Старичок довел их до дома без происшествий, началась обычная суэта. На стол, глубоко вросший ножками в землю, выгрузили припасы, Марьяша выволокла из дома большой самовар, потом вместе с Тиной принесла разномастные стулья. Митьке выдали топор и несколько полешек — щипать лучину, Михаил Иванович тихо ретировался под куст сирени с неизменной книжкой, а Лешка, не в силах сдержать любопытство, пристал к хозяину с расспросами:

— Правда, что у вас, Петр Капитонович, ловушки там?

— А ты проверь, — усмехнулся хозяин, — по тропочке пройди и узнаешь.

— Так ведь разве можно? — огорчился опер. — Подсудное же дело, Петр Капитонович!

Старичок глянул неожиданно цепко и не улыбочиво, Лешка с изумлением обнаружил, что глаза у того не выцветшего старческого цвета, но яркой и чистой голубизны.

— Из органов, сынок?

— Милиция. Райотдел, — машинально отрапортовал Лешка, — лейтенант Татаринов.

— Вольно, — махнул на привставшего Татаринова хозяин, — какие в мои годы чины. А ловушки у меня ненаказуемые, просто природе малость помог. У меня года три назад, аккурат в том месте, где теперь тропинка, осы гнездо в земле устроили. Страсть как не любят, если пройти по ним. А и не ходи, если не звали, правильно я говорю? Покойница маки лю-



била, мохнатенькие какие-то сажала. Так, веришь, и загораживали, и сторожили, а вот ни разу их в цвету не увидели. Все наркоманы окрестные выкашивали. Да и прочая публика здешняя мне не по нраву, я тут за шесть лет и не познакомился толком ни с кем. Покойница-то легкий человек была, с соседями дружила, а мне они ни к чему, я все сам по себе больше.

— И не трудно одному?

— Трудно. Но я пока в силе, в магазин и за пенсией сам хожу, водопровод у меня в доме есть. Горюю только.

— А не горюйте, — Марьяша услышала последние слова Петра Капитоновича, — я вам добра молодца привела, если понравится — здесь жить станет. Самой нужен, но уж как обещала. Или передумали?

— Нет, что ты, Марьяшенька! Мое слово твердое. Вот только молодцу твоему понравится ли? Я старик скучный, капризный.

— Ну, не наговаривайте на себя, — рассмеялась девушка, — вот уж скучным сроду бы вас не назвала.

Уселись чаевничать. Митька несколько раз подносил руки к лицу и блаженно нюхал.

— Смола! — по-детски радостно сообщил он всем. — Пахнет, зараза!

Тина и Марьяша переглянулись и улыбнулись. Договорились с хозяином, что Митька начнет потихоньку переезжать, потом долго и лениво болтали ни о чем, потом засобирались в другие гости. Знакомых у Тины и Марьяши тут была тьма, хотелось повидать многих, мужчины, побурчав, согласились.



Лешка с сожалением откланялся и помчался на работу, с ужасом думая, что скажет Крушинин, но не жалея о прогулянном утре ни капли. Остальные отправились по знакомым. Многих повидать не удалось, потому что застряли в первом же доме, где хозяин как раз демонстрировал свое кино. Толпа знакомых и не очень бродила по дому и участку, часть в темной комнате смотрела фильм, на огромной кухне пьяно спорили искусствоведы. Митька налил себе стакан вина и уже поднес было ко рту, но вдруг задумался, отставил стакан и еще раз понюхал ладонь.

Тина с сожалением глянула на часы и пошла собирать народ: до последней маршрутки оставалось совсем мало времени, а идти пешком в центр не хотелось. Марьяшу она нашла в темноте импровизированного кинозала, та с интересом смотрела фильм. «Ну, эта никуда не денется», — рассудила Тина и стала искать остальных. Митька задумчиво лежал в гамаке, отмахиваясь газетой от полчищ комаров и о чем-то размышляя. Оставался Михаил Иванович. Тина дважды обошла весь дом, прежде чем обнаружила его в дальней комнате, вместе с хозяином дома. Михаил Иванович глубокомысленно кивал, а тот, обрадовавшись новому слушателю, в деталях расписывал процесс создания фильма:

— Все просто, брат. Документальную хронику берешь на Ленфильме, там ее море, все эти пионерские слеты, военные парады — все, что перед сеансом показывали, и по пленке процарапываешь или рисуешь свой фильм, получается типа такое, вне жанра, но с лицом. Понимаешь?



Тина извинилась и потянула Михаила Ивановича за рукав.

— Уходим, — сообщила она, — а то пешком придется. Такси тут не водятся.

Хозяин, прерванный на полуслове, пригорюнился, затем просиял и куда-то убежал. Компания двинулась к выходу, то и дело останавливаясь, прощально целуясь и пожимая руки. Тут из глубины дома выскочил хозяин с небольшим пакетом и сунул его Михаилу Ивановичу:

— На, владей, может, и оценят у тебя там в Белогорье. Раз телеканал свой есть, значит, и люди понимающие должны быть. Такого они там точно не видели.

— В Белогорске, — машинально поправил Михаил Иванович.

— Не важно, — отмахнулся хозяин, — главное, не видели они такого, зуб даю.

Польщенный Михаил Иванович взял пакет и послушно двинулся за всеми. На телевидении у него, собственно, знакомых не было, но поискать ведь не сложно? Милочка из ректората вроде с ними общалась.

На маршрутку, конечно, опоздали, долго какими-то путанными тропами, через кладбище, выбирались на шоссе, потом ловили машину. На сутулого и очкастого Михаила Ивановича водители реагировали однообразно, запрашивая втридорога, но все же сторговались, свистнули Митьку, задумчиво сидевшего на обочине, и отправились домой.



Глава 45

«В поисках связи я напал на еще один особенный след, по которому счел своим долгом идти, хотя и не знал, куда он ведет и вообще ведет ли он куда-либо. Петер Хандке. „Путь к горе Сент-Виктуар“».

Лешка в который раз перечитал плакатик, прилепленный к сейфу. Он, если честно, в глаза не видел ни одной книги этого Хандке, но цитата ему нравилась. К тому же плакат Татаринову вручила хорошенькая барышня при входе на модную фотовыставку, куда его затащили университетские друзья.

Вернувшись из Шувалово, Лешка, пользуясь временным затишьем на службе, вывалил на стол тома крушининских разработок. Решил перечитать первые по времени убийства.

...Обзорные справки, заключения экспертов, копии осмотров мест происшествий. Районные опера отрабатывали каждый эпизод на совесть. Даже оформлено было все на удивление грамотно и подробно. План — версии — проверка — результаты. Видимо, заело ребят. Жаль, что в итоге результатов как раз и не было, кроме пресловутого: «Принятыми мерами установить лиц, причастных к совершению преступления, в настоящий момент не представилось возможным...»

Бросалась в глаза навязчивое сходство потерпевших. Только женщины. Все из более чем обеспеченных семей. Домохозяйки. Последним событием в жизни у всех семейств было одно и то же: расселение коммуналки — покупка всей кварти-



ры — дорогой евроремонт — переезд. Почти сразу после этого — труп жены в квартире, убитой выстрелом в голову.

Свидетелей нет, пальцев при осмотрах нет, гильз нет, примет исполнителя нет. Глухо. Как в танке. Справки, справки, справки: поквартирные обходы, опросы соседей, знакомых, мужей, подруг, любовников, дворников, собачников...

В поисках убийцы наиболее дотошные проверили квартирных маклеров и все ремонтные фирмы. Каждый раз, учитывая нехилый уровень мужей убитых, отрабатывалась версия мести конкурентов по бизнесу. Ничего.

Невидимый и не оставляющий следов убийца будто растворялся в воздухе, приходилось снова и снова детально изучать каждую семью, чтобы понять — как и когда убийца мог выйти на них.

Крушинин не поленился, начертил огромную таблицу по всем возможным пересечениям семейств. В таблице маркировал редкие совпадения: один и тот же автосервис, покупка мебели в магазине фирмы «Таверна», посещения членами семьи одного бассейна. Гимназии детей, личные парикмахеры, излюбленные банки и ювелирные магазины...

Дочитав до «Палермо», Лешка вспомнил поездку в Шувалово и меланхоличное замечание Митьки при виде огромного рекламного щита по ходу маршрутки.

«Дом „Таверна“! Говно, наверно!» — с ходу отреагировал керамист. Вся компания дружно захохотала...

Вздохнув, Алексей открыл новую папку.



По отмеченным на схеме совпадениям никакого общего звена для всех пострадавших не вырисовывалось. Оставалось загадкой, по какому принципу преступник искал свои одинаковые жертвы в разных районах города и как вообще его пускали в квартиры, куда знакомые приходили только по предварительному звонку, а посторонние — никогда.

Список похищенного ничего не давал: валюта обезличена, золотые украшения можно скинуть в любой ларек. Странно, но как-то раз, проторчав по всем расчетам не менее полутора часов в квартире, убийца проигнорировал вещи, продав которые мог безбедно жить год, а взял сущую ерунду. Не заметить их мог только слепой. Или вещи при убийствах для него не главное?

Заинтригованный, Лешка закрыл прочитанный том и схватил из стопки другой, «разбойный». Крушинин говорил, что единственной ниточкой к преступнику были женщины, оставленные в живых при разбоях.

В материалах по разбоям была та же картина — сиамская похожесть квартир и потерпевших. И способ, каким преступник попадал в квартиры: форма, похожее на настоящее удостоверение и предлог — проверка информации о соседях-наркоманах. Описывая внешность и поведение разбойника, женщины в один голос твердили, что лжесотрудник был чистенький и отутюженный, к тому же аккуратно снимал обувь при входе.

«Ну если этот гад — действующий мент, то на сто процентов не наш, не из розыска, — утешали



Крушинина отдельческие опера, — нашим бы в голову такое никогда не пришло — ботинки снимать!»

Лешка увлеченно листал страницы, пытаясь понять логику событий.

Когда материалы проверок превратились в огромную гору и стало казаться, что еще чуть-чуть и дело наконец сдвинется с мертвой точки, разбои прекратились. Шли месяцы, и ничего нового. На сотрудников навалились другие дела, дежурства и задержания. Нераскрытая серия стала потихоньку отходить на второй план. Один Крушинин все выискивал — не мелькнет ли знакомый почерк лже-мента, но тот как в воду канул.

Вот тут-то и появился оперативник из Района. Лешка понял, почему Крушинин поверил ему сразу, прочитав в материалах объяснение некой Людмилы В.

Бойкая барышня была единственной дочерью генерального директора крупного холдинга. Отучившись в Англии и наболтавшись по странам и континентам, по возвращении в Питер тут же выскочила замуж. В подарок на свадьбу получила от родителя огромную квартиру в Районе, преобразованную из бывшей коммуналки. Перепланировку и ремонт жилья затеяла с размахом и всякими модными дизайнерскими вывертами. Огорчало только, что невозможно заодно переделать все парадное, дом и улицу на привычный западный манер. Родная действительность раздражала и удивляла.

Может быть, именно поэтому девицу так возмутило посещение ее квартиры милиционером. Хотя



милиционер был в форме, показал удостоверение и вежливо разговаривал, Людмиле он сразу не понравился. Во-первых, никакого сравнения с английскими policemen, а во-вторых, с утра она успела вдрызг рассориться с мужем. Окончательно же вывело из себя Люсю, когда гоший, некрасивый сотрудник снял обувь еще до входа в квартиру, на площадке.

«Урод какой! — подумала она. — Сейчас в носках своих грязных на мое белое покрытие полезет, тоже мне, японец хренов!» Недоверие и брезгливость Люся не скрывала и умудрилась еще на пороге дважды проверить у него удостоверение. Ничего так и не поняв, из вредности демонстративно оставила открытой входную дверь. Милиционер, не обращая внимания на столь недружелюбный прием, плотно расположился на кухне и завел дурацкие разговоры о соседях и каких-то наркотиках. О наркотиках продвинутая Людмила поговорить могла запросто, слава богу, в Челси всяких напробовалась, но незванный гость раздражал все сильнее, и она, презрительно оттопырив губу, на все вопросы отвечала лаконичным «нет». Неожиданно мент уставился в угол кухни и замер, а потом резко оборвал разговор и поспешно ушел. Люся опешила — она даже не успела отыгаться на нем за свое поганое настроение, скандал с мужем и вообще! Девушка придирчиво обползала и осмотрела весь угол, так странно подействовавший на посетителя, но, кроме фирменной миски на треножнике любимого ротвейлера Ромы, ничего там не обнаружила. Рому после ссоры в это утро вредный муж уволок к своим родителям.



Что-то все же заставило ее позвонить в дежурную часть милиции и пожаловаться на бесцеремонное поведение их сотрудника. Вот тут-то она и узнала, что милиционера с такими данными в отделе нет и никогда не было.

Заподозрив неладное, барышня быстренько отбросила свои европейские претензии и накатала заявление о случившемся. Скорее всего это странное заявление кануло бы в Лету, но обеспокоенный папа — генеральный директор тут же продублировал сигнал любимой дочери на самые верхи милицейской иерархии.

В результате Люсина бумага получила статус «на контроле» и с грозными резолюциями полетела с вершины Главка вниз по отделам, обрастая высосанными из пальца справками в стиле «все ноги стоптали по самое некуда, проверяя, но увы».

Последний раз заявление отфутболили аж в Районный убойный отдел. Прочитав, опер недоуменно пожал плечами, пробормотал нечто нечленораздельно-нецензурное и засунул дурацкую бумажку в сейф.

Через неделю в соседнем с Люсиным доме, в отдельной квартире, из пистолета калибра 7,62 мм в упор неизвестным была убита женщина. Во время поквартирного обхода тот же оперативник наткнулся на мальчишку, видевшего, как в парадное убитой утром заходил высокий худой милиционер. Опер задумчиво вернулся в отдел, вытащил из сейфа Люсино заявление и крушининскую ориентировку, сверил приметы и помчался к соседям.



У Игоря к тому времени было уже два глухаря по расстрелянным в квартирах женщинам и вроде бы совершенно не связанная с этим разбойная серия с фальшивым милиционером.

Связка появилась. Посидев вдвоем над собранными материалами, оперативники поняли, что и разбои, и убийства — это один человек. Точнее, «не человек», но один. Стало ясно, как он попадает при убийствах в напичканные сигнализациями, видеоглазками и тревожными кнопками квартиры жертв.

Ясно стало все, кроме одного — кто он и где искать. Агентура молчала, гора отработанных сигналов по действующим и уволенным сотрудникам милиции ничего нового не дала.

Лешка закрыл последний пухлый том оперативного дела, где, прошитые суровыми нитками в шесть дырок, рядышком мирно покоились материалы проверки ранее судимых и действующих сотрудников милиции, схожих по приметам с убийцей. На внутренней стороне обложки он нашел напечатанную на компьютере и намертво приклеенную к картонке наклейку:

«— Невозможно работать с дилетантами! Трудно понять логику непрофессионала, — сказал Мюллер.

— А может, это был хитрый профессионал? — возразил ему Гюнтер.

— Хитрый профессионал не пошел бы в приют!»

Лешка улыбнулся. Да, только ехидная Женька могла прилепить такое на казенную папку. Но в одном она, возможно, права — у него тоже после того, как начитался дела, возникла непонятная уверен-



ность, что убийца вряд ли сотрудник, да и на судимого совсем не похож. Скорее всего, несмотря на весь продуманный антураж, это дилетант, но с амбициями.

Лешку шарахнуло: а чего гадать-то? Надо самому взять да проехаться по тетенькам, что живы остались, и проверить все свои предположения. Подумаешь, целый том протоколов их допросов давно есть, может, никто толком сразу все материалы не читал? Или упустили что-то важное, когда допрашивали? Допрашивали давно, еще до убийств. Теперь-то совсем другое дело. Размечтавшийся Лешка воочию представил, как бледная красивая потерпевшая робко и доверительно вещает лично ему некую ценную деталь случившегося и выход на убийцу тут же становится очевидным.

Правда, другая назойливая, как зудящий над ухом комар, мысль портила предвкушение триумфа: «Все время это идиотское „снятие обуви“ милиционером. Может, совпадение? А, ладно! Смогаюсь прямо сейчас к потерпевшим по-быстрому, а потом вплотную займусь Тиной с Марьяной. Умру, но расколю — откуда они узнали о разубаюющемся менте и что это за найденный кем-то труп!»

Лешка выписал адреса потерпевших на отдельную бумажку и набрал первый телефонный номер.

Глава 46

Петрович угрюмо поглядывал на напарника, но молчал. Да и о чем было говорить? Очкарик опять



исчез, вместе со всеми обитателями ненормальной квартиры, а попытка вскрыть дверь провалилась, не начавшись, потому что пожилой вовремя усмотрел крохотную коробочку сигнализации и дал отбой. Сигнализации на самом деле не было, коробочка была правильная, милицейская, но без начинки. Вчера Леша собственноручно подвесил ее над входной дверью, по опыту зная, что в половине случаев достаточно самого наличия такого «чучела». Искренняя тревога и влюбленность в Марьяшу подвигли его на подобное самоуправство.

«Хуже не будет, — рассудил он, — а мне спокойнее».

Так и вышло. Петрович с напарником, покрутившись у двери, вынуждены были спуститься на улицу и осесть на все той же опостылевшей скамейке. Время близилось к полуночи, оба нервничали: из Белогорска поступило недвусмысленное указание заканчивать с этим делом, никакие отговорки и объяснения шефом в расчет не принимались. Народу вокруг хватало, белые ночи и жара выгоняли всех на улицу, скамейки заполняла молодежь.

Петрович и молодой взяли для маскировки по бутылке пива и третий час сидели на скамейке, контролируя вход во двор. Рядом затормозила машина, из которой с шумом выгрузилась знакомая компания. Напарники низко нагнули головы, пытаясь остаться неузнанными. Впрочем, компании было не до них. Михаил Иванович их даже не заметил, едва волоча ноги от усталости позади всех.



Он охлопал себя по карманам в поисках сигарет и обнаружил, что пачка почти пуста.

— Митя, я догоню вас сейчас. Сигареты куплю, — тихо сообщил он керамисту.

— Не потеряешься? — заботливо спросил тот. — Может, подождать тебя?

— Не потеряюсь, — самолюбиво отказался Михаил Иванович. — Иди. Ничего со мной не случится.

Петрович и молодой не поверили своему счастью! Очкастый, вместо того чтобы идти с прочими на квартиру, вдруг развернулся и пошел к киоскам.

— Вот оно! — жарко зашептал молодой. — Свезло нам, Петрович! Наконец-то!

— Ша! — окоротил его Петрович. — Теперь главное — не запороть все. Давай в арку, а я его с этого конца зажму.

Михаил Иванович, не подозревая о грядущих событиях, медленно выбирал сигареты, разглядывал витрину киоска, народ, подсвеченные розовым тучки на белесом небе... Хвосты злобно матерились. Наконец Михаил Иванович расплатился и сунул сигареты в пакетик, который ему вручили в Шувалово. Задумчиво и неспешно wszel под арку.

И тут он решил, что сходит с ума. В той же арке, та же отсыревшая штукатурка, в которую его резко уткнули носом, те же два толоса.

— Пакет где, сволочь?! — хрипло спросил его первый.

— Какой пакет? — слабо рыпнулся Михаил Иванович.

— Который тебе дали, гнида.



Голос погнусявее и помоложе радостно возвестил:

— А вот пакет какой-то! Может, тот?

Михайлу Ивановичу болезненно заломили руку, и хриплый голос с угрозой уточнил:

— Говори, гнида, этот пакет тебе дали? Кому отдать должен был?

— На телевидение. Все равно кому.

— А чего не отдал?

— Не успел, — честно ответил Михаил Иванович и хотел еще объяснить, что и не мог успеть, ибо получил пакет всего час назад, но тут его ощутимо ткнули под ребро и одновременно стукнули по голове. Когда он пришел в себя, под аркой было пусто.

В голове у него тихо звенело, ломило в затылке, но драгоценные очки чудом уцелели. Михаил Иванович подышал на них, протер краем футболки, поплотнее водрузил на нос и задумался. Не нравилось ему это.

За долгую свою жизнь бит он был лишь однажды, кончилось тогда все раскровавленным носом, и причина была реальной, имела имя и довольно пышный бюст. А сейчас за что? Может, спутали с кем? Или у них в Петербурге обычай такой? Иногородних бьют или тех, которые в очках, а может, каждого восьмого, кто в эту арку заходит? Так ни до чего не додумавшись, Михаил Иванович развернулся и пошел опять к киоскам — покупать новую пачку сигарет.

Петрович стоял в будочке междугородного телефона и слушал долгие гудки. Наконец на том конце провода отозвались.



— Все в порядке, — солидно произнес он, — в пакете видеокассета была, забрали. Клиент должен был ее на телевидение отдать, но не успел.

— Что на кассете? — спросил далекий голос.

— Не знаем, только что получили. Просмотреть на всякий случай?

— Нет! — отрезал голос. — И не думайте туда лезть. Узнаю — головы оторву. Немедленно домой.

— Слушаюсь.

Петрович обернулся к напарнику и показал большой палец. Тот довольно осклабился.

Уже в поезде, под стук колес, Петрович задумчиво произнес:

— Неужели все? Непокойно мне что-то.

Глава 47

Приметил ее Длинный автоматически, пока вычислял по книжке подругу Семена, а потом безуспешно бегал за самим. Вообще-то район был не его, слишком уж тесный и многолюдный, с путаницей дворов и окнами, прорубленными в глухих стенах, — неизвестно, в какой момент обнаружатся слишком внимательные глаза.

Сначала хотел перепоручить новую жертву подельнику, но Рыбе доверия не было уже никакого. Что-то стал последнее время часто врать и после каждого дела прятаться. Поэтому Длинный решил новенькую пасти сам и терпеливо высиживал на скобоченной скамейке, прицениваясь к месту и людям.



Место было довольно бойкое, по одну сторону улицы темнели арки дворов, по другую — узкий и заплеванный скверик с полудюжиной скамеек и три ларька, похожих как близнецы. Удачно, что двор, где жила «овца», был не проходным. Попастъ туда можно было двумя способами — через арку или сквозное парадное с улицы. Все это замечательно просматривалось из скверика.

Чтобы не светиться, Длинный постоял у всех трех ларьков, делая вид, что изучает ассортимент. Продавали одно и то же, цены отличались незначительно, только хозяева были разные. Длинный стоял до тех пор, пока продавщицы не начали коситься, потом купил упаковку «Орбита» и возвратился на скамейку.

На крайней лавочке дремал пенсионер в продавленной панаме, веснушчатые старческие руки покоились на набалдашнике самодельной трости. Длинный забеспокоился, но, пройдя пару раз мимо, убедился: старикан действительно дремлет. Часа через два вышла какая-то растрепанная тетка и, легонько подталкивая деда в спину, увела во двор.

Вот тут эта новенькая и нарисовалась во второй раз. Она вышла из темной арки, ведя на поводке жидконогую и лысую собаку. Собака шла неохотно, в выпученных глазах ее, как показалось Длинному, плескалось презрение ко всему окружающему — и к месту, и к людям, и особенно к встречным собакам. Она страдальчески поглядывала на хозяйку, но та, надменно скривив ярко накрашенные губы, упорно волокла ее мимо скамеек. Имен-



но у той, на которой сидел Длинный, лысая тварь остановилась и начала что-то вынюхивать.

Хозяйка, самозабвенно болтая по мобильнику, ей не препятствовала. Длинный наметанным взглядом оценил, как упакована дамочка: телефончик навороченный, туфли и сумочка тоже, в ушах и на пальцах, несмотря на полдень, мерцают и переливаются недешевые камушки. Но больше всего Длинному понравился разговор.

Дамочка с придыханием жаловалась приятельнице, что муж опять уехал, почти не звонит, она одна-одинешенька с «масиком». «Масик», как прикинул Длинный, и есть эта лысая тварь. Так и оказалось. Закончив разговор, дамочка швырнула мобильник в сумочку и запричитала: «Масик! Пусечка! Зачем ты ешь эту дрянь? Фу! Немедленно брось это!» «Это» оказалось сухой рыбьей шкуркой, которую «масик» с идиотическим усердием перетирал на клыках. Хозяйке пришлось нагнуться почти у самых колен Длинного, чтобы подхватить собачонку и отобрать у нее рыбы ошметки.

Длинный сверху заметил красноватую линию на шее, натертую тяжелой золотой цепочкой, и быстро загородился журналом, чтобы «овца» не увидела его лица. Дамочке было не до этого. Причитая и прижимая к себе собачонку, так и не расставшуюся с рыбьей шкурой, она быстро продефилировала обратно в арку. Длинный огляделся. Каким-то шестым чувством он понял — вот оно, тут на сто процентов прокатит. Повинуясь пред-



чувствию, Длинный напрягся и мгновенно вошел охотником в свою Игру, нырнув следом за женщиной в арку.

Глава 48

Невыспавшийся Татаринов подходил к метро. Вокруг на асфальте сладко спали собаки, игнорируя народ, ныряющий в дыру метрополитена. Наиболее отчаянные вольготно разлеглись прямо перед стеклянной дверью вестибюля и внутри, почти у ступенек эскалатора. Собак было много, всех расцветок и размеров. Удивительно, но хмурые, сонные пассажиры, нещадно толкаясь и давя друг друга, животных бережно огибали, боясь потревожить.

Лешка искренне завидовал братьям меньшим. Особенно по весне и летом, когда лохматые потомки волка, заняв самые солнечные места, дремали с такими сладкими выражениями на мордах, что сразу становилось ясно, кто на самом деле хозяин жизни и для чего, собственно, вся эта жизнь предназначена. В такие моменты Лешке нестерпимо хотелось плюнуть на работу, рухнуть на асфальт рядом и в такой же неге встречать новый день. Но вместо этого приходилось тащиться в прокуренный кабинет к оперативным делам, истерикам потерпевших и вранью задержанных... Работа окончательно и бесповоротно заполнила все, что раньше называлось Лешкиной жизнью.

Сегодня заснуть ему удалось только под утро. Безрезультатно намотавшись накануне по городу,



он до рассвета ворочался на диване от стыда и обиды.

Вчера, позвонив пострадавшим от разбоев женщинам, он белым лебедем разлетелся по адресам в надежде немедленно раскрыть то, с чем Крушинин бился уже второй год. Ну и получил. В первом же адресе.

Дверь Татаринovu открыл огромный, мрачный амбал — муж. Амбал, стоя в дверях, не торопясь изучал его удостоверение, словно читал по слогам или переводил с другого языка. Потом целую вечность сверял фотографию с Лешкиной физиономией. Наконец вернул документ и равнодушно изрек: «Ирины нет дома». На Лешкино недоумение — как же, ведь созванивались... — пожал плечами: ну, обещала, стало плохо, уехала к сестре. И жестко добавил: «Больше Ирину не беспокоить! Есть вопросы — сам на них отвечу. А ее тревожить не дам. Она уже все вам рассказала».

Посмотрев в глаза амбала, Лешка понял: вариантдохлый. *Этот* супруг вряд от своего решения отступится, тем более органам чем-то поспособствует. Разве что если Леха найдет убийцу, легко и беззаботно поможет его прибить на месте.

Еще надеясь на случайность первого облома, Лешка помчался дальше. Остальные потерпевшие были дома. Но оказалось, что первый вариант был далеко не худшим.

Во втором адресе женщина открыла сама, провела в холл, усадила на гнутый кожаный диван. Присела напротив. Татаринov говорил долго, эмо-



ционально, напористо. Женщина вяло отвечала, но вдруг на полуслове перестала реагировать на опера вообще. Замерла в кресле, сжавшись в комочек, и тупо, не мигая, уставилась куда-то в его переносицу. Потом заплакала. Сначала беззвучно, а затем все громче и страшнее, не отрывая взгляда от Лешкиной переносицы и раскачиваясь из стороны в сторону. Лешкины увещевания и попытки успокоить закончились ничем.

В комнате тихо появились муж и дети. Мужчина обнял ее за плечи и стал что-то шептать на ухо. Дети, присев у ног, прижались к креслу. Муж ничего не сказал Леше. Просто посмотрел, и Татаринов сразу вышел. Стоял и курил на площадке. Вскоре вышел и муж. Тщательно подбирая слова, заговорил:

— Вы извините Катю, пожалуйста. Ваши коллеги, когда все случилось, много раз приезжали, допрашивали. Понимаете, Алексей Леонидович, преступник угрожал расправой, если она заявит в милицию. Детей называл по именам. Катя сразу все, что у нас было, отдала, а он продолжал пугать. А ваши коллеги бесцеремонно предположили, что этот мерзавец — Катин любовник или близкий знакомый... Короче, пока он на свободе, она боится за жизнь детей. Я вижу, вы другой человек, хотя тоже сотрудник. Вы поймите Катю, она постоянно твердит, что он все о детях знает — даже адреса школы и садика... Простите, но она вам ничего не расскажет. Если вы найдете этого выродка, позвоните мне. Я постараюсь ее подготовить,



если получится... Она больше трех месяцев пролежала в клинике, да и сейчас еще на таблетках...

Последний адрес поставил окончательный крест на Лешкиных планах. Здесь, правда, пришлось задержаться подольше. Лешку с полчаса томили у закрытой двери, нудно и детально переспрашивая, кто, что, откуда, разными голосами. Потом через цепочку пристально изучили удостоверение и опять переспрашивали. Потом кто-то куда-то звонил и уточнял.

«Странные люди, их же по полной программе совсем недавно обобрали! Кто же снова сунется грабить, и опять под видом милиционера?» — негодовал под дверью Лешка.

Но взяв себя в руки, поразмыслил: пусть лучше по сто раз перестраховываются, прежде чем чужих в квартиры пускать, а то ему потом трупы осматривать! Одновременно стало обидно: какая-то сволочь, надев форму, совершила такое, что теперь эти люди долго, если не всегда, будут вздрагивать при виде формы и с недоверием смотреть на каждого сотрудника милиции.

Во время беседы муж ни на минуту не оставлял Лешку наедине со своей половиной и постоянно перебивал ее рассказ своими ремарками. Будто преступник грабил не жену, а его самого. Или он, муж, где-то в квартире прятался и внимательно наблюдал за процессом ограбления.

Ничего нового рассказ не дал. Кроме того, массивная энергичная жена все время всматривалась Лешке в лицо и при каждой возможности приго-



варивала, что «тот мужчина был очень, ну, очень похож на вас, молодой человек».

Лешка совсем скис от такой откровенной несправедливости: ни прыщавым, ни сутулым он сроду не был, да и глаза у него, как утверждали знакомые девушки и родная мать, большие и красивые, а не маленькие, близко посаженные к переносице. Еще она к ответу на любой вопрос исправно добавляла, что «опознать никого не сможет», а муж тут же категорическим тоном это одобрительно подтверждал.

Так, несолоно хлебавши, и закончилось Лешкино общение с жертвами. Придя на следующий день на работу, он сел за свой заваленный бумагами стол и затосковал.

— Нулевой из меня опер, даже с потерпевшими не смог контакт найти! — бормотал он, раскачиваясь на стуле в такт мрачным мыслям.

Сразу же в голову полезли всякие пакостные воспоминания начала его «милицейской карьеры».

Как-то по поручению коллеги Веселова в поисках подозреваемого в убийстве шизофреника он три дня безвылазно просидел в областном психдиспансере, перебирая амбулаторные карты больных. Поначалу его приятно обрадовало радушие молодого регистратора. Худенький, блондинистый паренек, завидев его в очереди, сразу кидался навстречу, игнорируя протесты толпящихся у окошечка регистратуры автовладельцев и подучетных психов. Он усаживал Алексея на единственный стул и мухой летел за картами больных. Лешка, решив, что выглядит крутым опером, заважничал.



Безобразная правда вскрылась на третий день, когда, ошав от диагнозов, описаний припадков и выписок из стационаров, он вышел покурить на лестницу. Регистратор тут же нарисовался рядом, долго прикуривал от его сигареты, а потом интимно зашептал, стараясь поближе придвинуться к Алексею:

— Алексей Леонидович! Вы все работаете и работаете. Себя не жалея! Больно смотреть. Вы бы пошли, прогулялись на воздухе, а к вечеру вернетесь. А я за это время сам все пересмотрю и подготовлю! Вместе в спокойной обстановке и поработаем...

Лешка удивленно посмотрел на паренька и только тут с ужасом обнаружил, что глаза у того аккуратно подведены, ресницы подкрашены, а на губах розовый помадный блеск. Пробормотав нечто невнятное и бросив недосмотренные карточки, он пулей вылетел из диспансера. Вернулся в отдел чернее тучи, подошел к Веселову и звенящим от негодования голосом заявил:

— Можете увольнять, но туда я больше не пойду!

В кабинете разом наступила тишина. Веселов недоуменно уставился на Татаринова, оглядел его с головы до ног и спросил:

— Леш, ты чего это? Заболел?

— Я здоров! Куда угодно посылайте, но туда не пойду! — еще злее и упрямее повторил Лешка.

— Та-ак! Интересно девки пляшут, — прокомментировал эскападу Крушинин и, обращаясь к Веселову, уточнил: — Славка, ты куда его посылал?



— В областной психушник. А что? — удивился Веселов.

— Понятно. Это где Жоржик трудится?

— Е-мое! — развеселился Веселов. — Про него-то я совсем забыл!

Выяснилось, что пресловутый Жоржик — регистратор был давно и хорошо известен «сексуальной группе» отдела, куда периодически сливал информацию о себе подобных и их окружении. Кличку имел Ирма. Веселов потом не раз подкалывал Лешку:

— Ну, Алексей, ты попал! Ирма на тебя конкретно запад, по-взрослому. Теперь, как офицер, обязан жениться.

Лешка краснел, бледнел, злился страшно. Веселье пресек Крушинин, пообещав Славке, что, если тот еще раз Лешку тронет, он, как старший группы, пошлет его опрашивать трех пожизненно пьяных бомжих в штатный притон на «Пионерской». Веселов сразу стих, и тема Жоржика—Ирмы больше не возникала.

— Кто у нас умер? И при чем здесь казенные стулья, которых и так в отделе не хватает? — В дверях кабинета стоял Игорь Крушинин.

Лешка нехотя поведал о своем провальном рейде. Крушинин внимательно выслушал.

— Ладно. Не отчаивайся, прорвемся. Ты, Леха, молодец, что темой проникся, но в одном не прав. Кто же так напролом к терпилам суется? Тем более женщинам. Ты читал их протоколы допроса? Читал. Там все подробно, включая приметы. И композиционники неплохие получились. Не как обыч-



но по таким делам: «не мышонок, не лягушка, а неведома зверюшка».

— Но время-то идет! Они же могут его забыть и потом не опознать, если им не напомнить! — спорил Лешка. — А еще я надеялся что-нибудь новое по делу узнать, вдруг вспомнили!

— Да успокойся ты. Ничего они не забудут. И нового тоже не скажут. Пока мы этого урода не поймаем, соваться к ним лишний раз смысла нет. Только испортишь все. Упрутся, и тогда конец. Сейчас они в самом наипоганейшем состоянии пребывают. Типичный комплекс потерпевшего.

— Это как?

— Это так: когда с ними сразу после разбоев работали, они от радости, что кошмар кончился, готовы были, чтобы выговориться, по сто раз все пересказывать. Представь: милиция приехала, муж рядом — все слушают, утешают. Им казалось, что здоровые, сильные мужики тут же помчатся и злодеев повяжут. Время идет, и начинается обратная реакция: милиционеры разъехались, муж на работу ушел. Женщина остается одна и уже в увеличенном масштабе начинает в голове снова и снова прокручивать, как все было: страх, унижение, беспомощность. А преступник на свободе по улицам ходит. Вот тут и начинается настоящий отходняк: слезы, подозрительность или того хуже — эмоциональный ступор, когда они полностью замыкаются на своих негативных переживаниях. Поэтому, пока урода этого не поймали, лишний раз их лучше не трогать. На самом деле они его на всю жизнь запо-



мнили и обязательно узнают, когда увидят. Если, конечно, мы его не через десять лет найдем, — горько уточнил Крушинин.

— Да, но почему они даже того, что в деле есть, и то мне не рассказали? Я же к ним домой приехал, не в отдел вызывал?

— Потому что ты заявился без подготовки. Они пытаются, как могут, все забыть, а ты довольно неграмотно напомнил. Небось еще и про новые трупы рассказал?

— Ну, рассказал! Я хотел, чтобы они прониклись.

— Вот и прониклись, как представили себя трупами, так и прониклись. Ладно, Алексей, завязывай свои переживания. Лучше сводку за прошедшие дни по городу внимательно просмотр. Может, снова наш клиент где всплыл. И новые сообщения по ориентировке проверь.

Крушинин давно ушел, когда Лешка, перебирая сводки, вдруг вспомнил, что собирается рассказать старшему о странных расспросах новых знакомых — Тины и Мары, но забыл. Хотя рассказывать пока было нечего, одни предположения. Игорь только посмеется. Нет уж, сам разберется. Лешка решил завтра же поговорить с Марьяшей, только на этот раз наедине и серьезно.

Глава 49

Марьяша крепко спала, не подозревая о Лешкиных серьезных планах, спали все, только Михаил



Иванович отчего-то проснулся. С завистью посмотрел на сладко сопящего Митьку, поразглядывал картины, хотел было сварить кофе, но застеснялся. Сел обратно на свой матрас и задумался. Позагигал пальцы. Суббота, воскресенье, понедельник, вторник, среда. Пять дней. Сегодня четверг, уже шестой. Шесть дней в гостях — много это или мало? Может быть, он уже всем надоел и его не гонят только из вежливости? Тина иногда очень странно смотрит.

Да нет, нормально вроде все. Марианна к нему хорошо относится, и Митя тоже. Деньги еще пока есть, в крайнем случае пришлют. Странно они живут, как птицы небесные. Какой день недели, не знают, на работу не ходят. Телевизора нет. Ни календаря у них в доме, ни телефона. Тина трубку все время отключает. Кофе утром по два часа пьют. А кофе хочется, между прочим!

Михаил Иванович встал и пошел изучать запасы на полках возле плиты. Изюм, рис, сахар, макароны. Интересно, суп они когда-нибудь варят? А кофе точно нет. Может, сходить в магазин, пока все спят? Тут живо припомнилась вчерашняя арка и два бандита. Вчера никто даже и не заметил, что он задержался. Сидели тут разинув рты, слушали Семена. Криминальный тип, аферист. А может, его в арке с этим самым Семеном спутали?

Михаил Иванович вспомнил Семена и вздохнул: «Нет, вряд ли. Таких, как Семен, в глянцевых журналах показывают, а мне самое место в университетской малотиражке, в два цвета по праздникам и с фотографиями, где человека от паровоза не отличишь.



А может, они Семена в лицо не знают? Тоже не годится, этот бывший муж... А бывший ли? Что это он все к Тине липнет? И она как-то неровно на него реагирует, кстати... Так вот, он говорил, что в лицо его узнали. Подозрительные у них тут дела творятся. Но интересно. Нет, лучше уж без кофе!»

Он рассеянно взял с полки большую керамическую белку и чудом успел придержать ее за хвост: белка легко разошлась на две половинки, и на дне ее обнаружили коричневые зерна. Михаил Иванович довольно улыбнулся и снял с подоконника кофемолку.

Через полчаса от запаха кофе проснулись и остальные, стеклись в комнату. Началось обсуждение планов.

— Мить, мне надо с куклой заказной помочь, лицо по фотографии сделать. Поможешь?

— Дык! — энергично кивнул керамист. — Отчего ж не помочь? В чем работать будем?

Марьяна задумалась:

— Кукла презентативная, не для работы, так что с папье-маше и деревом заморачиваться не будем, в гипсе сделаем.

— А руки?

— Руки в пластике, проволочный каркас у меня уже готов. Так, единым блоком, и вылепим.

— Пальцы веером?

— А посмотрим. Сейчас стол освободим и нарисуем, у предыдущих была плоская ладонь и щепоть.

Марьяша и Митька увлеченно принялись обсуждать технические тонкости; Тина некоторое вре-



мя слушала их, но не выдержала и хлопнула в ладоши:

— Стоп! С вами на сегодня все понятно. Мы сейчас испаримся, чтоб не мешать. Надолго это?

— Ну, как пойдет, — отозвалась Марьяша, — часа четыре каркас и голову делать, потом в Мюзикхолл к Варваре поеду, у них там и лоскут, и перья, и все, что хочешь, есть. Пороюсь, поболтаю, это еще часа два. Потом стразы купить надо, краску, по мелочи всякого.

— Понятно, — резюмировала Тина, — на весь день получается. Тогда я Михаила в Петергоф свожу, погода располагает.

— У-у-у, — заныл Митька, — мы с Марьяшкой тоже в Петергоф хотим, вы там меж фонтанов гулять будете, а мы стругать как папы карлы? Другое что-нибудь придумывай.

— А что? В музей по такой погоде не хочется, надо на открытом воздухе что-нибудь...

Все задумались. Вдруг Митька заухмылялся и зазвенел ложечкой о край чашки.

— Гениально, подруга! Веди Иваныча на «Литераторские мостки», ему это в тему будет. Там сейчас красиво и народу никого, а вечером еще и соловьи поют. Я там был недавно, Шемякина смотрел.

— Он разве умер? — удивилась Марьяша.

— Зачем умер? Живой он. Надгробье там его работы.

— Ага! — возмутилась Марьяша. — Значит, Шемякину надгробье делать нормально, а Северянцеву влом?



— Ну, ты сравнила, Маруська! Шемякин Маневичу делал, а я братку какому-то буду, есть разница? Ты, Иваныч, гимназисту там памятник посмотри, русский модерн, между прочим, и первая баба-скульптор. А писателей там до фига. Белинский и Добролюбов в одной оградке лежат, Писарев подле них, все по-семейному. И поэты есть. Надсону тоже ничего памятник.

— А Державин, кстати, где похоронен? — заинтересовалась Тина.

— В Хутынском монастыре, — просветил ее Михаил Иванович, — в Новгороде. Я там был.

— Кто бы сомневался, — пробормотала Тина и поднялась. — Ну, договорились. Мы на «Литераторские мостки», потом в «Литературное кафе»: тематический день будем делать. Может, еще в «Бродячую собаку» завалимся. Скоро не ждите.

Митька тут же сгрузил на поднос остатки утренней трапезы и, недолго думая, отнес его на плиту, а Марьяша так же споро расстелила лист ватмана и безжалостно прикрепила его к столешнице. Уходя, Тина и Михаил Иванович слышали, как увлеченно чиркают они карандашами по бумаге и обсуждают размеры и вес новой куклы.

Глава 50

Гулялось славно. Тина сначала хотела побродить с Михаилом Ивановичем по кладбищу, но ненароком присела на скамейку около ветхой и запу-



щенной могилки под буйно цветущим кустом жасмина. Цветы пахли так сладко и так грустно, что Тина вдруг пригорюнилась, раскисла и предоставила Михаилу Ивановичу самому бегать по «Литераторским мосткам», оглядывать могилы известных и не очень писателей.

Тишина была воистину кладбищенская, пронизанная щебетом птиц и чуть слышным стуком молотка вдали. Машин не было слышно вовсе. Тина задумчиво обозревала окрестные надгробья, тихо удивляясь. Писатель Фитофанов — кто он был такой? Разве что специалисты вспомнят теперь. Она хотела спросить у Михаила Ивановича, но тот опять исчез.

Михаил Иванович к посещению писательского кладбища отнесся ответственно, еще у входа купил букет пожухлых гвоздик и теперь бегал в поисках могилы, наиболее их достойной.

...Почему гвоздик, когда лето на дворе? И ландыши продают, и нарциссы, и сирени вокруг море... Зачем гвоздики? Да еще такие унылые? Нет, мужчин не понять. И куда он их положит, кому?

Тина заломила веточку жасмина над головой и решила, что тоже положит на могилу. Блоку. Во-первых, красивый, во-вторых, писал хорошо. И умер печально. Но где же этот сумасшедший?

«Сумасшедший» как раз в этот миг выскочил из боковой аллейки, уже без гвоздик, и возбужденно сообщил:

— Ульяновых-то сколько! Тоже мне, писатели! Кроме мемуаров, и не писали ничего, да и то, так себе мемуары. Отредактированы до безобразия.



Тина с трудом сдержала улыбку:

— Да ты садись. Цветы-то кому положил?

— Апухтину! — даже как бы обиделся Михаил Иванович. — А что?

— Да так, любопытно просто стало. А вот писателя Фитофанова ты знаешь?

— Был такой, — без интереса отозвался Михаил Иванович, — второй руки, современник Лескова. Не моя эпоха.

Тина искоса взглянула на Михаила Ивановича. Нет, говорил совершенно серьезно. Как будто у таких бывает «их» эпоха. Вечно они вне времени существуют, даже завидно иногда. Вот Семен — тот сегодня и сейчас живет, засунь его в библиотечные архивы — рехнется через неделю, а этому такая жизнь по душе. Тут Тина поняла, что опять начинает думать о проклятом муже, и затрясла головой, даже застонала тихонько.

— Что случилось? — испугался Михаил Иванович.

— Ерунда, что-то на волосы упало, думала, что паук, — соврала Тина. — Ты уже набегался? В «Литературное кафе» теперь пойдем или еще погуляем? А хочешь, в музей сновидений Фрейда? Или музей водки? Игрушки? На Пушкинскую можем зайти, к Федору.

Михаил Иванович в музей не захотел. Решили просто пройтись пешком. Прогулка получилась длинная, отшагали весь Невский по четной стороне, Михаил Иванович упорно занырявал в книжные магазины. Тина терпеливо ждала. Потом поси-



дели в кафе, послушали живую музыку. В театр уже не пошли, потому что устали. Не спеша побрели домой.

Тина, шагая рядом с Михаилом Ивановичем, незаметно поглядывала в зеркальные витрины, где дружно, не отставая, шагали их отражения:

«Тепло. Лето наконец наступило. В кои-то веки иду рядом с приличным, интеллигентным мужчиной. Ну, не красавец. Здесь, в Питере, он как-то сразу всю свою бойкость интернетовскую растерял. Ходит безропотно, куда ведут, и делает, что говорят. Как собачка на веревочке. Правда, не урод, не алкоголик, не монстр. Образование достойное. Вон, Апухтина наизусть читает. И Фитофанова знает. Внимательный, воспитанный. Не жадный. Наши все его приняли. Митька от себя не отпускает. Непонятно — столько достоинств, а тошно как-то, что ли?»

Накануне, пока Михаил Иванович ходил за сигаретами, Митька прочитал ей целую нотацию:

— Профессор — человек! Наконец-то ты, Тинка, нормального мужика к нам привела. А то все каких-то авангардных таскаешь. Тут своих таких навалом. Помнишь, я тебе, когда ты с Сенькой разбежалась, каких хошь художников и любых творческих предлагал, а ты нос воротила? Ну да, не без недостатков особи были. Да, с алкоголем иногда перебарщивали. Ну и что? Зато все самородки и талантища! И ориентации нормальной, кстати. Смотри, красавица, останешься девкой-брошенкой куковать. Профессор, он глаз с тебя не сводит, а ты все выделяешься.



Митькины кандидаты в женихи были те еще. Тина вспомнила одного такого. Она тогда гостила у Марьяши. Митька и «кандидат» ввалились уже за полночь, оба сильно подшофе. Правда, заметно это было только по Митьке, его Тина знала давно и навидалась всякого. «Кандидата» она видела впервые и не смогла с ходу определить степень алкоголизации гостя. На вид он был абсолютно трезв.

Внешностью парень обладал ангельской: огромные ярко-синие глаза, тонкие, правильные черты лица и вьющиеся золотисто-белокурые волосы. Только крыльев за спиной не хватало.

«Ангел-претендент» в немом восторге смотрел на Тину, лучился глазами и ослепительно улыбался. Митька шумно требовал, чтобы Тина немедленно сказала, согласна ли она завтра же выйти замуж за Вадика (так звали «ангела»). На вопли из каморки выглянула Марьяна. Увидев «жениха», хмыкнула и исчезла.

«Ангел» галантно поцеловал Тине руку, манерно выпил протянутый Митькой стакан сухого вина, опять поцеловал Тинину руку и... рухнул плашмя на пол, так и не проронив ни слова. «Эх, не рассчитал Вадька! — опечалился Дмитрий. — Зимнюю норму принял!»

Тина с Марьяной долго потом издевались над керамистом за неудачное сватовство. С Вадиком подружились, он оказался очень талантливым художником, застенчивым и скромным, правда, создав очередной шедевр, пил безбожно, по-черно-



му. С Тининой легкой руки его стали называть «падший ангел».

Тина вернулась мыслями к Михаилу Ивановичу:

«Все так. Митька прав: профессор — человек хороший. Почему тогда так тошно? И Семен стал постоянно в голову лезть? Дело совсем не в его нынешних проблемах. Когда их не было? Он, как черт из табакерки, всегда появлялся некстати и все портил. На его фоне самые нормальные люди кажутся пресными и унылыми. А может, дело во мне? Может, я от общения с проклятым Лерманом окончательно чокнулась и мне тоже надо пойти к Сергею Коптеву в лечебницу проситься?!»

Глава 51

— Алло, здравствуйте. Можно попросить Алексея Леонидовича? — донеслось из телефонной трубки.

Лешка замер, покраснел до ушей и совершенно по-идиотски разулыбался. Настраивающая в его компьютере адресную программу Женька с удивлением воззрилась на молодого, оперативника.

— Ну надо же, Алексис, я думала, ты все время лимоны жуешь! А ты, оказывается, так хорошо улыбаться умеешь!

Лешка замахал на нее руками и попытался вместе со стулом и зажатой в руке трубкой отвернуться



к сейфу, но, запутавшись в компьютерных проводах, чуть не своротил монитор со стола.

— Простите, алло! Это милиция? Я туда попала? Почему вы молчите? — недоумевала на том конце провода Марьяна.

— Да! Да! Она! Милиция! — опомнившись, хрипло и радостно заорал Лешка. — Я тебя слушаю, Марьяна!

Евгения от неожиданности вздрогнула и тут же захихикала:

— Батюшки, первый раз вижу, чтобы человек так своей профессиональной принадлежности радовался. — И, секунду подумав, как истинный аналитик, добавила: — А может, половой...

Лешка оторвался от трубки и непонимающе переспросил:

— Что «половой»?

— «Без комментариев» — обычно отвечают западные спецслужбы на глупые вопросы журналистов, — доверительным тоном сообщила Женька и тихонько вышла из кабинета.

— Алексей, мне очень срочно нужно с тобой встретиться! — слышалось в трубке. — Давай завтра с утра, а? Нужно будет вместе в одно место заскочить, я при встрече расскажу зачем. Ты сможешь?

Сможешь?! Да если бы в этот момент весь криминалитет города и области осаждал снаружи отдел, Татаринцов перебил бы их голыми руками, но на встречу с обожаемым эльфом прорвался. Прямо телепатия! Он сам хотел ей с утра позвонить



и встретиться, и если бы не так некстати рухнувшая адресная программа в компьютере...

— Да, конечно, без вопросов! Где и когда?

— Завтра. Часов в одиннадцать. На стрелке Васильевского. Там недалеко, по дороге все объясню, хорошо?

— Очень! Я обязательно буду, пока! — Повесив трубку, Лешка продолжал блаженно улыбаться.

— Товарищ оперативный уполномоченный! — в дверь снова заглянула Женька. — Разрешите все же доделать программу? А то на вечерней сходке шеф нас с тобой персонально придушит, а город, в силу сложной оперативной обстановки, даже не заметит потери бойцов. Спишут на естественную убыль при проведении очередной операции «Вихрь-Антитеррор». И бедная девушка Марьяна не дожидется своего героя.

— Да, Евгения, конечно, проходи. Извини, это по делу, по серии, — попытался оправдаться Алексей.

— Да-да-да, безусловно, исключительно по делу. Причем по «делу века», — ехидничала Женька. Потом грустно вздохнула и добавила: — Вот так красиво всегда начинается. А потом куда всё девается? Следует обычная песня: «Не могу, дорогая, в засаду надо. На задержания, реализации по три ночи подряд...» Ладно, Леш, ты сгоняй лучше за сигаретами, а то кончились. Все равно от тебя сейчас проку никакого.

Лешка пулей вылетел из здания и помчался к ларьку, решив на радостях разориться и купить Жене ее любимые «Голуаз».



Глава 52

Позвонив Лешке, Марьяша успокоилась. Одна голова хорошо, а две лучше, тем более Леша — профессионал, ему и карты в руки. До проблем Семена ей не было никакого дела, жалко было Тину. Когда сияющая подруга в первый раз приволокла к ней музыканта, Марьяша почувствовала: доброму не быть. Поспрашивала у общих знакомых и окончательно убедилась в этом.

Говорили о Семене разное: как музыканта дружно хвалили, но прочее только расстраивало. Куражился Семен в полную силу, легенды о его похождениях были едва ли не любимой темой любого застолья, и если бы только бабы! Нет, были и сложные бурные отношения с милицией, какие-то угрюмые узбеки, даже неудачный побег в Финляндию.

Тине она, естественно, ничего говорить не стала, подруга сияла, как новенькая монетка, говорила о Сенечке с непременными восклицательными знаками в конце каждой фразы, но про себя решила: ненадолго это счастье. Так оно и вышло. Хорошо хоть, подруге хватило сил вовремя от него сбежать.

И вот теперь Семен опять появился на горизонте как ни в чем не бывало. Тина стала резкой и нервной, несколько раз подруги были на грани ссоры. Марьяше хватило ума и такта к ней не лезть, но что-то делать было надо. Леша появился как нельзя более кстати. Сама Марьяша, пережив однажды сумрачное ощущение безответной влюбленности, серьезными романами старалась себя не



обременять. Так что видеть, как опять засасывает Тину, было обидно и мучительно.

Мысленно вычеркнув проблему «Тина — Семен» из головы, Марьяша сосредоточилась на следующем пункте: «Клиент». Кукла была практически готова, можно отдавать. Сердце привычно ныло, отдавать было жалко, каждую свою марионетку Марьяша любила. И хотя во время работы она постоянно внушала себе, что кукла уйдет, что расстанутся навек, все равно неумение халтурить подвело: опять она вложила в нее кусочек души. Марьяша вздохнула и набрала номер Виталия.

Разговор получился долгим, карточку съел почти целиком. Марьяша терпеливо выясняла, что будет с куклой.

— Гы! Стриптиз покажу! — довольно гукал клиент. — Типа кукольный театр будет! Бюст ей сделала? Большой?

Марьяша все так же терпеливо объяснила, что куклу водить — это профессия, может быть, кукловода пригласить? Но клиент уперся и даже обиделся. Пришлось договариваться о встрече где-то на другом конце города, встречаться с ним в воскресенье у него в конторе и обучать хотя бы азам кукловодства.

Закончив разговор, Марьяша пожала плечами: с братком встречаться она не боялась, просто слабо верила, что у него хоть что-нибудь получится, но привередничать тут не приходилось.

«Снять, что ли, с него денег дополнительно за урок актерского мастерства? Да нет, не стоит, и так



больше дал, чем планировали. Может, и во благо ему пойдет, поймет, что это тоже труд, а не дрыгоножество-рукомашество...»

Глава 53

Вернувшись с сигаретами, Лешка спросил у Жени, сосредоточенно возившейся со стареньким компьютером:

— Евгения, ты читала материалы по серии?

— А, ты о крушининском босоногом менте, что ли, спрашиваешь? Да. Читала, но не все, правда. Игорь попросил меня просчитать возможные пересечения по связям «труповых» мужей на компьютере.

— Как думаешь, зачем он обувь при входе снимает? Может, по этой странности его вычислить как-то можно? — заинтересовался Леша.

— Насчет того, чтобы вычислить именно по этой, сомневаюсь, а вот почему снимает, возможно несколько вариантов.

— Какие?

— Ну, например, хочет расположить к себе, аккуратно, она сразу к себе располагает. Особенно женщин. А тут тем более офицер, в форме и вдруг ботинки снимает. Они ему предлагают оставаться в обуви, а он: «Нет, нет, что вы, у вас так чисто!» Умереть можно от умиления. Вот тебе, пожалуйста, уже контакт. Разве кому придет в голову, что сотрудник милиции, в форме, с удостоверением, который веж-



ливо снимает ботинки в твоей прихожей, может через пятнадцать минут тебя ограбить и грохнуть?

— Я бы такому никогда дверь не открыл! — уверенно заявил Лешка.

— Да он бы и не пошел к тебе, голь милицейская! Тебе, как большинству сотрудников, можно вообще двери никогда не закрывать. Как говаривала моя бабушка: «Детка, с кем ты связалась, ни трусов, ни документов!» Хотя нет, ксива есть, она же проездной билет в общественном транспорте. И то вряд ли позарятся, ибо его отменить обещали. Теперь второй вариант — наш «босой» скорее всего не сотрудник милиции, но наблатыкался.

— Что сделал? — удивился Леша.

Некоторые Женькины выражения требовали перевода даже для самых продвинутых. Лексикон компьютерщицы формировался в Интернете и общениях с далекими от милиции приятелями. Хорошо еще, что в последнее время, по просьбам трудящихся, она старалась не употреблять компьютерные термины, но стала оттягиваться на жаргонно-богемных словечках.

Особенно нервничал шеф, улавливающий из Женькиной речи ровно треть, да и то в силу большого опыта оперативной работы.

«Легче, Евгения Олеговна, „засиженного“ по тюрмам зэка понять, чем вас», — укоризненно говорил он в таких случаях.

— На-бла-ты-кался, — по слогам повторила Евгения, — это значит нахвтался верхушек, ни черта не поняв в сути. Начитался разной макулатуры про



милицию или сериалов по ящику насмотрелся и решил, дурилка картонная, что, если снять обувь, следов не останется, по которым поймать могут.

— А еще зачем?

— Ну это уже лично моя теория разутых ног. Отцы психологии Фрейд, Юнг и иже с ними как учили? Все комплексы и проблемы растут из детства. Представь, например, что ты вырос в детском доме, где спонсоров только по телевизору видели, и то чужих, и воспитатели не Макаренки с Сухомлинскими, а зарплату свою нищенскую с отвращением отрабатывают. Что таким проще всего требовать от детей? Естественно, жесткого, беспрекословного подчинения и доводимого до абсурда соблюдения чистоты. Как в казарме. И вдалбливается это насмерть. Сколько бы времени ни прошло, но, если ты потом попадешь в непривычные внешние условия, автоматически будешь вести себя как в детстве. Рефлекс срабатывает, как у собаки Павлова. Элитарная квартира, евроремонт, паркет штучный, пакеты на окнах изначально непривычны для нашего субъекта, вот он и снимает обувь. Ну, как тебе? Нагрузила, да?

Лешка задумался.

— Да нет, понял, кажется. Но для розыска убийцы что это дает? Общаги и детские дома проверять надо, что ли?

— На первый взгляд ничего особенного не дает. Проверить все общаги и всех выпускников детских домов нереально. К тому же не забудь, я тебе насчет детского дома для большей наглядности пример



привела, чтобы ты психологию этого кадра уловил. Совсем необязательно, что он приютский. Но какой-то серьезный комплекс с детства имеет — это факт. Может, в неполной семье рос, с матерью. А она свои женские обиды и амбиции на нем вымещала и муштровала, как собаку. Вот, кстати, тебе дополнительный мотив, почему он только женщин убивает. Ну а для розыска это только в одном помочь может — работая с информацией по людям, обрати внимание на таких, у кого детство трудным было и нынешние бытовые условия не очень. Правда, отрабатывать вам с Игорем придется пока все подряд.

Лешка поскущел лицом. Женя, глянув на него, продолжила:

— Не кисни, такому количеству информации, которое Крушинин по серии наработал, любой штатовский детектив позавидует. У них бы сразу психологический портрет преступника составили, там по серийным убийствам это норма. Жаль, у нас такого нет. И профессионального психолога в штате, чтобы помог составить, тоже нет. Все сами: сам себе режиссер, как умеем и кто во что горазд. Не до агрессивных методов.

— Значит, получается, — вздохнул Татаринцов, — просчитать его нереально, а задержать можно, если только сам круто проколется на очередном эпизоде или какой-нибудь постовой за ерунду прихватит, а он в дежурке вдруг разговорится.

Женя улыбнулась:

— Ты, Лешечка, не отчаивайся. Новичкам везет. Может, и раскроешь на пару с Крушининым!



Только придется с головой в тему уйти, пока другими делами не завалили. Думать только о нем, родимом, станешь, как о любимой девушке. Короче, прощай личная жизнь. — Евгения легонько щелкнула его по носу и добавила: — Не переживай, сыщик! Если голову совсем заклинит, приходи — дефрагментацию проведем. Или у шефа денег попросим на увеличение «оперативной памяти», чтобы на все хватало. Знаешь, я давным-давно в одной детской книжке читала, что, если долго плевать в одно место, обязательно мухомор вырастет! В этом что-то есть. Определенно.

Они надолго замолчали. Женька снова занялась компьютером, а Лешка мужественно погрузился «в тему», разложив на столе очередную кипу бумаг.

Глава 54

Тина с гостем, еле передвигая ноги от усталости, возвращались в мансарду. Разговор лениво переходил с одной темы на другую, в руках Тина держала букет сирени, купленной Михаилом Ивановичем у смиренной старушки с улицы. Букет мешал и был уже изрядно подувядшим, но Тина не роптала. Входя в темную арку, Михаил Иванович занервничал, но она не заметила, услышав вдруг:

— Эй. Алё. Ф-ффст! Слушай сюда, дамочка, тебе говорю!

Тина обернулась и оглядела свистуна. Выглядел он одновременно и жалко и гадко, белесые



глаза навывкат, руки трясутся, то и дело облизывает пересохшие губы...

— Иди-иди. Не подаем сегодня.

— А вот это видела?

Трясущийся потянул из кармана примятый прямоугольник бумаги, и Тина с изумлением узнала фотографию, где они с Семеном обнимались на фоне мечети.

— Откуда это у тебя? — Тина потянула фотографию к себе.

— Много будешь знать, скоро состаришься, — неизвестный стал наглеть на глазах и фотографию вырвал, спрятал обратно в карман. — Там еще много всякого есть. Книжка записная, например. Вот этого. Интересуешься?

— Да не слишком. — Тина попыталась сделать индифферентное лицо, но получилось не очень. Сильно мешал Михаил Иванович, возбужденно сопевший за плечом.

«Сейчас увидит Семена на фотографии и ляпнет что-нибудь», — испугалась она. Надо отослать его, но как? Неожиданно помог сутулый. Он злобно показал на Михаила Ивановича пальцем с обгрызенным ногтем и сообщил:

— А этот пусть отойдет. Между нами разговор будет. Не для всяких.

— Мне отойти? — с готовностью переспросил Михаил Иванович. — Я рядом буду. Вы позовите, если что.

Тина с облегчением кивнула и проводила Михаила Ивановича взглядом. Тот ушел недалеко, ма-



ячил в светлом проеме двора, нервно потирая руки и озираясь вокруг. Она обернулась к трясущемуся:

— Ну?

— В общем, так. Документы я нашел, шел себе и нашел. Вознаграждение мне полагается, правильно?

— Сколько? — сквозь зубы спросила Тина.

— Пятьсот рублей.

— У меня нет при себе, подожди, домой за деньгами зайду.

— Э, нет! Так не пойдет! — начал куражиться белесый. — Скажешь, что за деньгами, а сама ментовку вызовешь, что я, не знаю? Завтра приезжай в мой район, в двенадцать дня, и деньги привози. Но чтоб одна, я за тобой следить буду, приведешь кого — пожалеешь. Чтоб одна, поняла?

— Поняла. Куда ехать-то?

Трясущийся опять полез в карман и достал бумажку с адресом. Тина брезгливо приняла ее и положила в рюкзачок.

— Чтоб одна, поняла, да? — уже удаляясь, проорал он.

Тина выругалась и со всего маху несколько раз саданула кулаком по штукатурке:

— Черт! Черт! Черт! Черт бы побрал этого Семена, когда же я избавлюсь-то от него, а?

Она постояла в темноте, чтобы немного успокоиться, потом вышла к Михаилу Ивановичу, ожидавшемуся во дворе.

— Отнял что-нибудь? — с непонятным интересом спросил Михаил Иванович.

Тина хмыкнула:



— Нет. Не отнял. Наоборот. Предложил кое-что. Давай не будем об этом, ладно? Сугубо мои проблемы.

Михаил Иванович, уже собиравшийся рассказать о загадочных особенностях этой арки, обиженно захлопнул рот и поплелся за Тиной. Вечер был испорчен.

Это как-то сразу отразилось на атмосфере мансарды, разговоры бессвязно возникали и так же внезапно гасли. Михаил Иванович дулся в углу, Тина непрерывно курила и потрошила спичечные коробки, а Марьяша, о чем-то сосредоточенно думая, вытачивала руки для куклы. Работа не шла, она тихо ругалась и наконец отшвырнула уже почти готовую ладошку в угол. Один Митька громко и шутил и все порывался рассказать какую-то замечательную историю, но его никто не слушал.

— Где же это такие спички делают? — Тина, прикурив очередную сигарету, покрутила в руках коробок с размашистой надписью «Жди меня» и портретом мужчины. — Вот оно — город Рыбинск. А пропал гражданин в Краснодарском крае.

— Вся упаковка такая, — радостно подтвердил Митька и высыпал еще несколько коробков на стол. — Пропали люди незнамо где, а портреты на спичках поместили. Вот ты посмотрела и, ага, узнала кого-нибудь. А еще спички были к трехсотлетию Петербурга. Как раз тогда бомжи на Петропавловке пожар устроили; я сразу подумал: а вдруг это они юбилейными спичками сделали?



Спичечные люди были всякие — от бабки семидесяти лет до одиннадцатилетнего мальчика со стертым и замкнутым лицом. Тина машинально начала тасовать коробки, образовалось семейство. Бабушка, мама, папа, брат папы Сергей Николаевич и мальчик Сережа. Стало жутко.

«Сначала,— подумала она,— ушла бабушка. В аптеку или так просто. Потом исчез папа. Дядя пропал уже в Краснодаре».

Митька вдруг нахмурился и обеспокоенно перевел взгляд с Марьяши на Тину.

— Да вы что, подружки? Какая муха вас укусила? — не выдержал он. — Что-то случилось?

— Все в порядке, Мить. Просто день не наш,— отозвалась Марьяша.— Не обращай внимания. Рассосется.

— У-у-у,— загудел Митька,— не нравитесь вы мне, дамы. Совсем не нравитесь. Поехали завтра в Шувалово, а? Развеемся.

— Нет, Мить, не могу. Работы много,— отозвалась Марьяша.— А ты езжай, действительно. И Михаила можешь с собой взять, завтра на озерах хорошо будет, праздник плотов, кстати. А мы тут с Тиной уж как-нибудь одни.

— Понял,— кивнул Митька,— пары дней вам помириться хватит?

Тина на секунду оторвала взгляд от спичечных коробков, которые раскладывала на столе, и уточнила:

— Да мы не ссорились, просто Марьяша правильно сказала: день не наш. Я пойду лягу, ладно? Что-то голова разболелась.



Чуть позже Марьяша тихонько зашла в комнатку к Тине. Нахмурившись, она некоторое время разглядывала лицо подруги. Тина лежала крепко сомкнув веки и ровно дыша, но Марьяшу было не провести, она уселась рядом на низкую тахту и негромко спросила:

— Тин, а Тин! С тобой чего?

Тина, поняв, что изображать спящую бесполезно, открыла глаза:

— Марьяша, родненький, только ты не приставай, ладно? Все нормально, разберусь.

— У тебя вечно «все нормально»! Сто лет тебя знаю, и все одно и то же — «нормально». На тебя смотреть противно — глаза как у дохлой рыбы! Мы же хотели белые ночи в Питере встретить, как раньше! Когда на Карлоса ходили — ведь все хорошо было? Откуда мрачность такая? Из-за Михаила Ивановича, что ли? Ну, не сложилось, не тот оказался. Умереть теперь, что ли? Главное, человек приличный, одним роднуликом больше будет. Это же здорово.

— Да, конечно. — Тина, лежа на спине, мрачно смотрела в потолок. — Человек он хороший. Дело не в нем.

— А в ком? Что? Опять это чудовище Семен?!! Опять, да? — Марьяша всплеснула руками. — Тина, не сходи с ума, сколько можно! Я с перерывами всю эту эпопею семь лет наблюдала! Он же конченный. Ты его никогда не переделаешь. Вспомни, сколько крови он из тебя выпил, аферист чертов.

Тина резко перевернулась на бок и зашипела:



— Вот только о нем давай не будем говорить! Нет его, нет! В лечебнице. Нет человека — нет проблемы. Аферист, чудовище, шоумен. Все сама знаю. Я спать хочу!

Она развернулась к стене.

Марьяша горестно вздохнула, погладила ее по плечу и прошептала:

— Ладно, спи. Как говорили в каком-то фильме про Гражданскую войну: «Прощайте, товарищ! Заря занимается».

Тина благодарно кивнула и смежила веки. Сон не шел. Она попыталась восстановить в памяти разговор в арке. Может, не ехать? Отбрешется Семен как-нибудь, без нее обойдется? И зачем только она пообещала помочь ему вернуть записную книжку? Кто ее за язык тянул, спрашивается? Она вздохнула и натянула простыню на голову.

Глава 55

В пятницу утром веселее не стало. Наоборот, над мансардой явственно зависла какая-то невидимая, но гнетущая тень. Слонялись по углам, пили кофе, пытались делать вид, что все в порядке. Выручал только Митька. Он, не стараясь больше никого развеселить, деловито собрал этюдник, отсыпал зачем-то в карман горсть орехов и поднял Михаила Ивановича:

— Поехали, Иваныч. Видишь, у девушек настроение кислое — или рыдать начнут, или ругаться, а нам это надо? Плавки у тебя есть?



— Я плохо плаваю, — на всякий случай сообщил Михаил Иванович.

— А плавать никто и не собирается. Плот вязать будем. Сейчас ко мне за белочкой зайдем и поедем.

— Да, пошли! — вдруг так же неожиданно поддержала их Тина. — Мне как раз по делам съездить надо в одно место, я с вами выйду.

Марьяша удивленно посмотрела на подругу. Вчера ни о каких делах речи не было. Она хотела что-то спросить, но, увидев Тинино нахмуренное лицо с плотно поджатыми губами, промолчала, только плечами пожала. Все засобирались, потом долго топтались у двери в странной нерешительности и наконец отбыли. Марьяна оглядела почти готовую куклу и принялась доделывать руки. Митька постарался. Лицо марионетки, еще белое, с непрописанными глазами и ртом, в точности повторяло подозрительно-настороженную гримаску оригинала, острый носик был надменно вздернут, светлый паричок, еще не закрепленный на голове, сполз на правый бок, и от этого кукла казалась хмурой и недовольной.

— Такие дела, — обращаясь к кукле, пробормотала Марьяша. — Не нравится тебе такая пьеса? И мне не нравится. Неладно что-то в нашем театре. Печенкой чую. Вписывают в какой-то неприятный сюжет и нас не спрашивают, дергают себе за ниточки и ухмыляются. Тинка еще с ума сходит, уехала куда-то и слова не сказала. Неужели к Семену побежала?

По дороге Митька пришел во всегдашнее свое благодушное состояние, весело ухмылялся и глазел по сторонам. Особенно его веселил Михаил Ивано-



вич, недовольно сидевший у окна маршрутки, крепко прижимая к себе одну из самых больших Митькиных белочек. Зрелище и впрямь было впечатляющее; пассажиры, не скрываясь, разглядывали чудную парочку, отчего Михаил Иванович хмурился, а Митька забавлялся еще больше, даже подмигнул какой-то бабке. Та тут же отвернулась к окну и зажевала губами. Михаил Иванович держал белочку опасно, но крепко, мордой к себе. Ниже талии чудовище для удобства транспортировки было укутано в ветхое одеяло, и Михаил Иванович выглядел как молодой отец, на пороге роддома вдруг обнаруживший, что ему выдали негритенка. Он и глядел на белочку соответственно — стесняясь и недоумевая.

Квартира Митьки произвела на него сногсшибательное впечатление, хотя по утреннему времени столкнуться им пришлось только с Валентиной, прочая публика то ли отсыпалась, то ли была в разгоне. Валентина нехватку народа компенсировала с лихвой. Подбоченясь и перегородив коридор, она тотчас же с полоборота начала скандалить:

— Мужиков уже водить стал. Художник, мля. Все у вас не как у порядочных. От порядочных людей морду воротят, а сами вон оно как. Выпить, значит, с порядочными брезгуют, а мужиков тайком водят! Я в своей квартире такого не потерплю! Мне такого не надо! И где взял-то такогодохлого? Ты ж глянь на него, ножки как прутики, ни кожи, ни рожи, а еще стеклушками на меня блестит! Ты на меня не зыркай, я правду говорю!

Митька тихо, но решительно сообщил:



— Отойди, Валентина. А то уроню.

Валентина предусмотрительно втиснулась в дверной проем, но не замолчала, лишь слегка изменила тему:

— А если думаешь ему комнату сдать, так даже не надейся, я тут главная пока, мне чужих не надо, он же маньяк, наверное, вон рожа какая, и глаза бегают, а я женщина одинокая, слабая, ночью подкрадется ко мне и — чик!

Митька втолкнул Михаила Ивановича в свою комнату:

— Ты Вальку не слушай, это у нее утренняя разминка, она вполсилы еще скандалит, неинтересно.

— Митя, это кто, — косясь на дверь, поинтересовался Михаил Иванович, — соседка?

— Ну! — энергично подтвердил Митька. — Теперь понимаешь, почему я у Марьяшки кантуюсь? Вот сейчас обратно пойдем — Валька еще что-нибудь придумает. Не обращай внимания, удивительно злоехидная баба, язык как помело. Вот эту, пожалуй, возьмем, августовскую. И двух маленьких можно, как раз в карманы поместятся.

Он укутал большую белочку в какую-то рванину и вручил Михаилу Ивановичу:

— Она пустая внутри, не сильно тяжелая. Я б тебе этюдник дал, но он пачкается. Ну, двинули.

В коридоре их опять поджидала Валентина. Увидев Михаила Ивановича с белочкой, она на секунду потеряла дар речи, но мигом собралась с мыслями:

— Ой! Ой! Никак уродку свою продал? Да что ж это за полоумный, страх такой покупать? Да



такое во дворе сажать надо вместо злой собаки, порядочные люди разве купят такое? Оба двое психи, как я погляжу, да я б за такое рубля не дала, это ж надо такое купить! Небось еще и за-дорого взял? Тьфу на вас!

Валентина вполне натурально плюнула на пол, Митька ухмыльнулся и заговорщицки покосился на Михаила Ивановича. Тот, приноравливаясь к неудобной ноше, промолчал, но постарался обойти Валентину как можно дальше.

К Петру Капитоновичу заходить не стали, сразу отправились на озеро. На берегу было многолюдно, жгли костер, вкусно тянуло дымом. Михаил Иванович с облегчением сгрузил чудище на землю и огляделся. Народ был странный и красочный. Митьку тут же облепили веселые, цыганистого прикида девицы, начались поцелуи и рукопожатия.

— Мартышка, у тебя надувной матрас жив? — обратился Митька к одной. — Дашь на время?

— Запросто! — отозвалась та, которую он называл так непочтительно.

Михаил Иванович пригляделся. Девушка и в самом деле походила на обезьянку маленьким подвижным лицом и суетливостью движений.

— Только он протекает вроде.

— Тащи давай, — отозвался Митька. — Для перформанса самое то будет. Еще газету надо и водочную бутылку. Можно пустую.

— Ты чего, Мить? Откуда у меня газеты? А бутылку и матрас мы мигом. Жди. — Девушка шустро оседлала издававший виды велосипед и укатила.



Митька уселся на траву, Михаил Иванович при-
мостился рядом:

— А что это будет?

— Даже и не знаю, как тебе объяснить. Праздник
плотов, короче. Все делают плоты, а дальше кто во
что горазд. Вон видишь барышню? — Митька указал
на высокую девицу в купальнике, бережно разбиравав-
шую грудку гипсовых слепков рук. — Тоже плот дела-
ет. Следи за ней — и проникнешься.

Михаил Иванович с интересом стал глядеть в
указанном направлении. Барышня разложила ру-
ки на траве, белое на зеленом гляделось странно,
но красиво. Задумчиво походила вокруг, поменя-
ла пару рук местами. Наконец взяла одну и на-
правилась к воде.

Пока Михаил Иванович наблюдал за сотворе-
нием композиции, Митька, пожевывая травинку,
лениво оглядывался по сторонам.

Вдруг керамист весьма ощутимо пихнул Ми-
хаила Ивановича в бок и в совершенном восторге
прошептал:

— Гляди, что делает, паршивка!

Михаил Иванович непонимающе закрутил го-
ловой.

— Да не туда гляди. Вправо повернись, только
медленно. Видишь ворону?

Михаил Иванович послушно повернулся впра-
во. Пользуясь тем, что загорающие, заинтригован-
ные суетой вокруг плотов, подтянулись к художни-
кам поближе, старая ворона безбоязненно слетела
к оставленной кем-то сумке. Сумка была закрыта,



но ворону это не смутило. Осторожно клювом взялась она за замочек «молнии». С третьей попытки ей удалось ухватить его крепко, «молния» поползла в стороны, открывая нутро сумки. Ворона задумчиво скосила взгляд внутрь, потом глубоко засунула голову. Обратно она появилась с завернутым в прозрачную пленку бутербродом и, тяжело взмахивая крыльями, полетела на сухую березу.

Митька от восторга хлопнул себя по коленям и громко захохотал, Михаил Иванович без интереса проследил за вороной и опять обернулся к берегу, где девица в раздумье смотрела на воду.

— Дмитрий, а я могу ей предложить помощь?

Митька в изумлении уставился на Михаила Ивановича:

— Какую помощь? Кому?

Михаил Иванович застеснялся:

— Ну... какую-нибудь... Девушка одна, ей с руками неудобно, в смысле рук много, а она одна...

Михаил Иванович окончательно запутался.

— А, ты об этом. Конечно, помоги, — опять обернулся Митька к дереву, где пировала ворона. — А вот как думаешь, уронит или нет?

Но Михаил Иванович уже направлялся к берегу.

— Здравствуйте, барышня, — проговорил он, всем видом демонстрируя, что не просто так, а полон участия и готов пособить. — Давайте я вам проассистирую?

Предполагалось, что он подержит руки и заодно познакомится с хорошенькой барышней поближе, но вышло совсем не так. Его немедленно за-



гнали в воду и заставили втыкать штыри, на которых были закреплены руки. Активно руководимый с берега, Михаил Иванович втыкал руки на разных уровнях, иногда раз по пять, пока барышня не оставалась довольна. Дно под тонким слоем ила было довольно твердым, утоптаным купальщиками, Михаил Иванович вымок и устал. Наконец руки были пристроены и ему разрешили вылезти на берег.

— Похоже, что тонут?

— Похоже, — согласился Михаил Иванович.

Действительно, руки, высовывающиеся из воды, производили жутковатое впечатление. Михаил Иванович оглядел их и задумался:

— А плот?

— А реальный плот и не нужен. Главное — идея плота присутствует.

Михаил Иванович с уважением посмотрел на барышню. Он своих студентов учил чему-то подобному, вдабливая им из года в год, что главное в тексте — это то, что не может быть выражено самим текстом, что нельзя ни пересказать, ни экранизировать. Сам он, кстати, кино не любил и не понимал, а экранизации литературных произведений не смотрел принципиально. Он открыл рот, чтобы высказаться, но тут на них налетели две бороды и барышню уволокли.

— Я сейчас вернусь, товарищ! — успела крикнуть художница. — Извините!

Михаил Иванович независимо огляделся. Маленькая девочка, пристально его изучавшая, от-



ступила на шаг назад. Затем сделала шажок вперед. Опять отступила.

Михаил Иванович, никогда не имевший дела с детьми, поинтересовался:

— Что тебе, девочка?

— Твои ручки? — сипло спросило дитя и почесало ногу.

— Нет, милая барышня. Ручки одной девушки, она сейчас подойдет.

— Без ручек?

— Почему без ручек? С ручками. Это, видишь ли, не совсем руки, это муляжи... Ну, как бы тебе попонятнее объяснить? Такие искусственные руки, как у твоих кукол.

— А. Тоже отломала? — понятливо кивнуло дитя. — Я всегда отламываю. Папка мне их каждый раз привозит, а я сразу ломаю.

— Зачем? — удивился Михаил Иванович.

— А мама говорит, он подлец и нам глаза замазывает фигней всякой, а прошмандовку свою в Испанию возит и квартиру снимает. Вырасту — тоже в прошмандовки пойду, — неожиданно заключило дитя.

— Иди-иди, девочка. Тебя мама, наверное, ищет, — суматошно начал отмахиваться от нее Михаил Иванович. — Нечего тут с незнакомыми дяденьками разговаривать!

Дитя косолапо пошло прочь, и Михаил Иванович облегченно вздохнул: разговаривать с детьми, как он всегда и подозревал, оказалось ужасно тяжело.

Он задумался. Что он тут делает, собственно говоря? Сейчас по плану должен был в Москве си-



деть, в читальном зале. Или с Галочкой гулять по Воробьевым горам. Она, наверное, приехала давно, звонка его ждет. И посылочку. Подвел, можно сказать, девушку. Обманул. От мысли этой Михаил Иванович почему-то проникся гордостью.

— Спасибо, товарищ! Все в порядке? Я вам пива принесла!

Михаил Иванович вздрогнул.

Давешняя барышня, хозяйка рук, незаметно подошла сзади. В руках она держала две запотевшие банки пива, но Михаил Иванович все равно приуныл. Вернулась барышня не одна, а с каким-то длинноволосым. На подбородке у длинноволосого, как клок пакли, рыжела простриженная борода, глаза были скрыты за темными переливчатыми очками, одежда была отвратительно-модная и явно дорогая. Михаил Иванович сухо поблагодарил за пиво и опять уставился на воду.

Барышня присела на корточки и пытливо заглянула ему в лицо:

— Что такой грустный, товарищ? Случилось что?

Михаил Иванович, стараясь не смотреть на длинноволосого, важно сообщил:

— Да так, некоторые сложности. Должен был позвонить, а телефона нет.

— Вилис, мобильник дай! — решительно распорядилась барышня.

Бородатый неохотно дал. Михаил Иванович задумался. Сказал он про звонок просто так, чтобы только что-то сказать. Ну, кому он, в самом деле, звонить тут будет? Вот разве что Галочке...



— Мне в другой город надо, — на всякий случай уточнил он.

— Номер говори! — Длинноволосый смотрел уже совсем недружелюбно.

Михаил Иванович рассердился и назвал номер Галочки. Он неловко прижал трубку к уху и стал слушать гудки.

— Але? Кто это?

— Это я, Михаил. Не узнаете?

Он поспешно отнял трубку от уха, чтобы не оглохнуть. Галочка заорала так, как будто ее резали.

— Ты где? Ты куда пропал? Ты почему не позвонил, зараза?

— Я в Петербурге. — Михаил Иванович решил на «заразу» не обращать внимания, мало ли что вырвется у человека.

— Возвращайся скорее! — завопила Галочка. — Пакет не потерял? Позвони, на каком поезде возвращаешься! Я тебя встречать буду!

В трубке раздались короткие гудки.

Михаил Иванович гордо расправил плечи. Неужели Галочка так по нему соскучилась? Переживает, ждет, встречать будет...

Длинноволосый демонстративно глянул на экранчик, потом хмыкнул и убрал трубку в карман, Михаил Иванович снисходительно поблагодарил его и направился к Митьке.

Керамист в это время пытался надувать резиновый матрас, а барышня, которую он называл Мартышкой, веселилась и щекотала его под реб-



рами. Матрас сдувался, Митька фыркал и делал страшные глаза. Три разнокалиберные белочки, выставленные в ряд, язвительно поглядывали на хозяйские игры. Наконец Митька сдался и с шумом выдохнул воздух.

— Ну и черт с ним! — легкомысленно объявил он. — Не всем же плотам плавать? Назовем композицию «Пропавшая жизнь холостяка». Сдутый матрас, водочная бутылка и грядущие белочки.

— «Могила неизвестного художника», — предложила Мартышка.

— «Большие надежды», — выпалил Михаил Иванович и на всякий случай уточнил: — По Диккенсу.

Митька отчего-то заинтересовался:

— А Диккенс холостяк был?

— Нет, женат. Но с женой жил весьма недружно. Говорят, возвел прямо в доме кирпичную стену, чтоб жена на его половину не лезла.

— Ну надо же! — восхитился Митька. — А я думал, он такой сентиментальный холостяк был, вроде мистера Пиквика. Ладно, название пусть народ придумывает, можем конкурс организовать. А призом будет белочка, обратно ее все равно лениво везти.

На том и порешили. Митька был весел и шумен, всем рассказывал, что на днях тоже переселяется в Шувалово, звал на новоселье. Михаил Иванович вспомнил многочисленные ловушки на участке Петра Капитоновича, но ничего не сказал, мало ли как у них тут полагается новоселье встречать? Может, и с осами...



Вечером у костра Михаил Иванович осторожно приступил к теме, которая живо его интересовала:

— А как ты думаешь, Дмитрий, Тина ко мне как относится? Я иногда себя чрезвычайно неловко чувствую. Она ведь сама меня в Петербург пригласила, я даже не планировал, а вот теперь мне кажется, что она жалеет об этом.

В глубине души Михаил Иванович надеялся, что Митя бурно опровергнет его слова или, по крайней мере, скажет что-то обнадеживающее. Керамист нравился ему чрезвычайно. Была в нем какая-то ленивая скрытая сила и при этом совершенно незамутненная детская способность всему удивляться. А талант Митьки немедленно находить общий язык с самыми разными людьми вообще казался замкнутому Михаилу Ивановичу сродни чуду. Но главное — относился керамист к своим талантам спокойно, даже не осознавая. Так что мнения его Михаил Иванович ждал с нетерпением, затаив дыхание.

На вопрос Митька ответил не сразу. Он некоторое время подумал, потом обернулся к Михаилу Ивановичу и серьезно сообщил:

— А кто их знает? Текущую воду, женщину и что-то там еще постичь невозможно, точно тебе говорю. Но Тинка хорошая, собак жалеет.

— При чем тут собаки? — открыл рот Михаил Иванович.

— Дык говорю же — хороший человек. Добрый. Но женщина. Сейчас одно — вечером десятое. А ты ее спрашивал?



— Как можно? Разве такое спрашивают?

— А чего ж нет? — искренне удивился Митька. — Я бы спросил.

— Понятно, — приуныл Михаил Иванович. Сам он точно не решится, а просить об этом Дмитрия как-то неловко. Может, Марианну спросить? Он начал плюсовать в уме все положительные моменты. В Петербург его сама пригласила — раз. По городу с ним гуляла — два. Больше, как он ни старался, ничего на ум не приходило. Михаил Иванович вздохнул, решительно осушил стакан и придвинулся поближе к Мартышке.

Глава 56

Тина ехала на встречу с плюгавым, ругая себя на все лады. Почему, ну почему она должна разгребать очередное семеновское свинство? Ей что, своих проблем мало? Работы нет, личной жизни никакой, в квартире живут чужие люди. Ну да, не просто так живут, за деньги, к тому же вот-вот съедут после защиты диплома, но ведь живут? И кто ж знал, что кирпичное ОАО так быстро рассыплется?!

Она посмотрела на часы. Времени до встречи оставалось еще два с лишним часа, на самом деле можно было не выходить так рано, но Марьяша последнее время посматривала задумчиво, за столько лет подруги изучили друг друга до тонкостей, а к разговору Тина не была готова. Так что сбежала она, что-



бы не объясняться с Марьяшей и не ссориться, — и в этом тоже был виноват Семен!

Тина опять глянула на циферблат. Вылезти из автобуса и пересидеть это время в парке или лучше зайти в Интернет-кафе, проверить свою почту? Вдруг кто-то ответил на резюме? Деньги были нужны.

Тут Тина вспомнила, что этому недомерку с документами придется платить из своих, вряд ли Семен отдаст, и обозлилась еще больше. Она посмотрела записку, в которой крупными печатными буквами было выведено название улицы, перечитала еще раз. «Кати Португаловой»? Покопалась в глубинах рюкзака, где все еще валялась визитка Семена с адресом убитой на обороте. Ну точно, Кати Португаловой. Что-то не сходилось. Если Семен забыл документы в квартире, а убийца нашел, то как они оказались у плюгавого? Получается, что убийца сначала вынес их из квартиры, а потом почему-то выкинул, раз этот нашел. Или опять Семен все наврал? Просто выронил, когда удирал? А еще фотография. Почему она оказалась у Семена в документах?

«Интересно, а кто нас фотографировал? — попыталась она вспомнить. — Мы вроде были только вдвоем тогда. Бродили несколько часов по крепости, к реставраторам зашли, чаек на Неве кормили... и хохотали как сумасшедшие. А у мечети как оказались? Вспомнила! Семен попросил сфотографировать нас каких-то матросов. Совсем маленькие матросы, курсанты, наверное. Тот, что нас



снимал, был с потрясающе оттопыренными ушами, мы потом долго вспоминали, как эти лопухи пламенели по бокам фотоаппарата...»

Тина невидяще уставилась в окно автобуса. С той стороны по бурой городской пыли, плотно занавесившей окно, кто-то небрежно прорисовал рожицу с грустно опущенными уголками рта. Может, места не хватило, а может, просто захотелось обозначить свою грусть, кто знает?

Вспомнилось, как давным-давно они гуляли с Семеном ночью в центре, он писал на запотевших стеклах киосков «Союзпечати» всякие глупости, а она ладошкой стирала. Только что прошел дождик, асфальт сох прямо на глазах, пахло персидской сиренью. Им почему-то позарез нужен был именно тот, правый берег, поэтому пришлось всю ночь слоняться по набережным, дожидаясь, пока сведут мосты.

Не спеша добрались до Невского, свернули на Суворовский, и тут Семену взбрело в голову немедленно подарить ей букет. Не какой-то там, а из роз. Он вообще признавал из цветов только розы. Тина издевалась над этой причудой, объясняя музыканту, что розы — это пошло, цветы манерные и помпезные, годятся разве что для театральных премьер и полувековых юбилеев. Музыкант спорил отчаянно, кричал на весь Невский, что она серость и чучело, ибо розы — венец точного творения и выражения силы человеческих чувств, и быстро потащил в конец Суворовского. С криками: «Вот сейчас целую охапку тебе подарю, и оценишь сама, как это сильно!»



Было смешно и непонятно, что именно она должна оценить «сильно» — розы или Семена.

Удивительно, как тогда их милиция не загребла. Только Семену могло прийти в голову рвать охапку прямо у Смольного, напротив английского консульства, на глазах у двух постовых милиционеров. Один сидел у консульства в будке, а второй грозно прохаживался вдоль бульвара, где росли розы...

Память Тины плавно перешла в зиму. Холодный, заснеженный Питер, снова ночь, но уже чернильно-темная, морозная. Улицы, освещаемые редкими фонарями и мерцающими белыми сугробами вдоль домов. Опять они с Сенькой бредут с одного берега Невы на другой, только теперь уже с Васильевского в центр. Дико холодно, но весело. Хохотали как ненормальные и постоянно падали навзничь в мягкие сугробы. Там, естественно, целовались, сугробы начинали таять, но вылезать не хотелось... Мимо промелькнуло ошалевшее от изумления лицо водителя в кабине пустого трамвая, невесть куда и откуда проезжавшего в ночи...

Забавно, но сейчас и не вспомнить было, почему же их все время мотало по ночам с одного берега на другой?

Воспоминания поползли вниз, от плюса к минусу: ворвавшийся ураганом в спящую квартиру Сенька с диким криком: «Спишь?! Я шел к тебе через весь город, ночью, с букетом твоих любимых ландышей, а ты — спишь?!»

Тина спросонья, под этим невероятным натиском эмоций не смогла возразить, что, мол, четыре



часа утра, а главное — Семен накануне пропал на три дня и даже не звонил...

...Какой-то немыслимый каба́к и цыгане, с одним из них она лихо отплясывает по центру зала. Семен, спрыгнув с ресторанной эстрады, в перерыве кружит ее по ресторану и, пугая публику, кричит во все горло: «Я же тебя люблю, дура! Когда ты это поймешь?»

«Ах да, это он меня из больницы выкрал и привез в ресторан, где со своими музыкантами играл. А цыгане были его очередные знакомые. И танцевал со мной, кажется, их барон. Я еще страшно комплексовала, что одежда неподходящая и воняет больницей... И еще боялась обратно возвращаться в закрытую на все запоры больницу...» — Тина улыбнулась, вспомнив, какая она была смешная и правильная.

Танцевавший с ней цыган сказал тогда: «Да, девочка, странная ты. Я думал, Сенька опять лахудру какую притащит. А ты нет, хорошая, только дурочка совсем. Намучаешься с ним. Но мучиться будешь долго-долго. Всю жизнь» — и сверкнул огромным, каким-то конским, вороным глазом.

«Не обманул тот цыган!» — печально отметила Тина. Тональность воспоминаний миновала нулевую отметку и совсем ушла в минус.

...Потом была бабушкина квартира, тот же персонаж, после недельного загула стоящий театрально перед бабушкой на одном колене и бархатным голосом с хрипотцой распеваящий: «Очарована, околдована, словно с грустью навечно повенчана... — И быстро, без перехода: — Вера Сергеевна! Только вы,



женщина с большой буквы, поймете! Объясните Тине, что...» И мудрая, крайне привередливая во всем бабушка вечно оправдывала этого проходимца и до самой смерти из всех Тининых кавалеров вспоминала только Семена.

...Потом возвращение с гастролей: бесчисленные записочки с вычурными цитатами из Омара Хайяма корявым почерком, заляпанные пошлыми помадными отпечатками губ, на манер конфетти разлетающиеся из одежды и сумок музыканта. Междугородние телефонные звонки по ночам с молчанием и сопением в трубке...

Тут Тина очнулась и решительно потрянула головой: «Стоп! Не хватало еще самой себе всякими гадостями настроение портить!»

Автобус свернул в Район. Тина встала, с трудом протолкалась к выходу и выскочила в почти закрывшуюся дверь.

Район она знала плохо, долго плутала дворами, но все равно пришла раньше назначенного времени. Жара уже навалилась на город, нестерпимо хотелось пить, и она остановилась у киоска, попросив бутылку минеральной воды. Злая распаренная продавщица сняла бутылку с витрины и сунула в окошко.

— Мне теплой не надо, — решительно отказалась Тина, — можете обратно на витрину поставить. У вас что, холодильника нет?

— Нет! — рывкнула продавщица и швырнула обратно на блюдечко мелочь. — Не хотите — как хотите!

Тина несколько раз глубоко вдохнула, чтобы успокоиться, молча забрала деньги и направилась



к полуподвальному магазинчику неподалеку. В магазинчике царил сыроватый холод, под потолком, жужжа и подмигивая, синюшно светили неоновые трубки, и Тина почувствовала себя как в склепе. Стало тревожно и тоскливо. Мужчина перед Тиной долго и нудно выбирал коньяк, советовался с продавщицей, та, естественно, всучила ему самый дорогой, потом так же обстоятельно принялся выбирать коробку конфет. Тина начала звереть. Чтобы отвлечься, она прислушалась к разговору двух старух, стоявших сразу за ней:

— Страсть Господня, Николаевна! Девка-то совсем молодая была, доча у нее в школе еще учится, зарезали, как свинью прям, кровищи полная квартира была! Я уж с той субботы как в парадное вхожу — молитовку читаю, боязно, не ровен час наскочит душегуб!

— Да кому мы нужны, кошелки старые, — успокаивала вторая, — небось у девки деньги были, на них и позарились, вот и дома хранить страшно, и в сберкассу нести не лучше, мне тут зять говорит...

Тина насторожилась. Именно здесь, если верить Семену, убили его девицу, но ту вроде застрелили? Два одинаковых убийства в небольшом микрорайоне практически в одно время были делом не слишком вероятным, скорее всего речь шла об одном и том же. Значит, либо старуха с чужих слов перескакивает и все путает, либо... либо Семен опять наврал.

Память тут же подсказала историю: Семен в поры их замужества явился после недельного отсутствия и трагически живописал, как его ударило током



и врачи неделю боролись за его жизнь. Больница была почему-то режимная, для военных железнодорожников, поэтому позвонить у него возможности не было ну никакой. В доказательство госпитализации Семен поименно описывал врачей и показывал на себе, где именно ударило и как. Тина поверила и лишь случайно, через полгода, узнала, что всю эту неделю Семен ни в какой больнице не лежал, а в полном здравии гулял где-то за городом на свадьбе.

Чувствуя себя полной идиоткой, Тина покинула очередь и решительно направилась прочь. Все, хватит! Второй раз она на те же грабли наступать не желает, пусть Семен выкупает свои документы сам, раз уж они ему так дороги! Плевать на него, и на его документы, и даже на фотографию. И на всех убийц, вместе взятых. Он сам похлеще любого Джека Потрошителя. Чтобы не передумать, Тина вышла на проспект, взмахом руки остановила маршрутку. Опустившись на мягкое сиденье, она поклялась себе: «Если опять ностальгия одолеет, так и быть, поеду в больницу. Скажу ему про эти документы, пусть сам забирает и деньги на выкуп достает. Я — пас. Мне еще только с мелкой уголовной шушерой не хватает общаться!»

Глава 57

Без толку прождав в квартире на Португаловой, Длинный долго матерился, вымещая неудачу на Рыбе. Выгнав запуганного подельника искать девушку,



он решил заняться пока новой «овцой» — той, с собачкой. Как бы ни угнетала ситуация со сбежавшим мужиком и его бабой, о деле забывать нельзя. Подумав о новой жертве, Длинный ощутил азарт и подъем. Как серфингист, поймавший волну. Новый раунд Игры начался, и он снова поставил на кон.

О намеченной жертве решил Рыбе пока не говорить. Во-первых, еще раз сам хотел убедиться, что тетка полностью подходит. А во-вторых, лучше раньше времени Рыбу не пугать, и так слишком нервный.

Двор там удачный, в двух шагах многолюдный проспект. Если что — легко тачку поймать и свалить с вещами. Правда, в центре Длинный суеверно не «работал», но раз уж само плыло в руки, зачем отказываться?

В знакомом сквере, сидя на скамейке и поджидая женщину с лысой собачонкой, он задумался: «А что это я все в мента играю? Надоело заученные слова говорить. Так в роль вошел, что все отделения и телефоны ментовские наизусть знаю! — Он самодовольно ухмыльнулся. — Как же, наверное, из-за меня сейчас легавые своих всех подряд шерстят! Недоумки хреновы».

Идея сменить тактику нападения на женщин прилась кстати. Он вспомнил парадное, где жила новая «овца» и куда он незаметно поднялся следом до ее квартиры. Дверь была дорогая, массивная, бронированная. Тетка долго гремела огромной связкой ключей, пока открыла.

Рядом на площадке еще одна квартира. Судя по хлипкой обшарпанной двери, гопота какая-то



живет. Эти не дернутся. Кстати, когда тетка возилась с замками, по лестнице ни один человек не прошел. Он минут пятнадцать простоял у окна на площадке, выкурил сигарету, но никто так и не появился.

Значит, надо просто дожждаться, когда тетка будет возвращаться одна, и войти следом, «на плечах». Толкнуть ее сзади и запихать за стальную броню. Там уже можно что хочешь делать, никто не услышит. Если такой вариант прокатит, то не придется базары разводить, чтоб открыла, пустила, провела на кухню. Надоело!

Чем больше Длинный прикидывал, тем сильнее ему нравилась новая задумка.

«Тут мне и Рыба не нужен. Сам управлюсь, и навар весь мой. У этой точно в хате бабок немерено. Верняк! А когда Рыба девку на Португалову выманит, грохну их там вдвоем! Выпотрошу тайник и свалю на время. Надо переждать, а то облом за обломом!»

Смущала собачонка. Нет, животное никакая, пнешь ногой — сдохнет. А вдруг завизжит или залает? Такие вот мелкие самые голосистые, заразы.

Он всегда сразу отвергал любые варианты с собакой в квартире. Помнится, один раз чудом не нарвался. Квартира и девушка были упакованы по высшему классу, и Район был любимый. Вошел легко, прогнав наркоманскую тему. Девица вела себя недружелюбно: оставила открытой входную дверь и на кухне отказалась присесть рядом, встав в проеме двери, но это его только развеселило. Он



не торопясь расспрашивал о соседях, прекрасно помня, что переехала она недавно, никого не знает, и глумился про себя: «Боишься, стерва, да? Дверь не закрыла? А куда ты денешься, когда я ствол достану и тебе в лицо им ткну!»

Его садистское веселье оборвалось неожиданно. Длинный вдруг увидел огромную стальную собачью миску на высоком треножнике в углу кухни и тут же выяснил, что семья держит трехгодовалого ротвейлера, с которым сейчас гуляет муж хозяйки. Он быстро свалил, пробормотав что-то о возможном повторном посещении.

Уже на улице смахнул со лба пот:

— Вот черт! Как же я собаку-то упустил? Неделю хату пас. Увозили, наверное, куда-то. Повезло, что вовремя миску увидел!

Тогда он быстро подыскал замену — такую же богатую квартиру в соседнем доме. Там они с Рыбой взяли много золота и валюты, но после этого случая он еще внимательнее стал отслеживать собак в семьях намечаемых жертв, рисуя жирный крест в блокноте напротив таких адресов. Чтобышний раз не проколоться...

— Извините, пожалуйста, вы не подскажете, как пройти на Кронверкский?

Длинный вздрогнул и поднял глаза. Хорошенькая молодая барышня в короткой юбчонке стояла у скамейки и доверчиво смотрела на него.

«Черт! Совсем расклеился. Так можно сгореть на ерунде!» Он поднялся, буркнул что-то неразборчивое и быстро отошел к ларьку.



К скверу подъехала новенькая, блестящая автомашина.

«„Лексус“ последней модели», — отметил он. Из салона вылезла та самая «овца» и следом нехотя дрожащая собачонка. Женщина, закрывая машину, громко и возбужденно тараторила в мобильник:

— Ты представляешь, да, да! Только что купила! Успела, они для меня специально держали! Тачка — класс! И цвет, как я просила, баклажанный! Супер! Нет, что ты, почти даром, что-то с растаможкой прокрутили. У меня еще на Кипр осталось! Нет, одна, благоверный в Европе. Приезжай, поболтаем!

Дамочка подхватила свое тонконогое животное и скрылась в тени арки.

«Это знак! — сразу же решил Длинный. — Даже пасти больше не надо, все и так ясно. Прямо сейчас и возьму на входе в квартиру. Потом у Тины про ее мужика узнаю и оставлю их с Рыбой на Португаловой гнить». Почему-то он был почти уверен, что второй раз девица на квартиру обязательно придет. Оглянувшись по сторонам, он решительно зашагал к арке...

Глава 58

Пока Галочка методично объезжала дорогие магазины Белогорска, страхуясь на черный день, в доме ее разгорался скандал. Григорий Романович, стоя у окна своего кабинета, пристально глядел на затылок секретаря и еле сдерживал злобу. Секре-



тарь смотрел видеоманитофон. Он чувствовал буравящий взгляд шефа, но, оттягивая ужасный момент, добросовестно пялился в экран. На экране сквозь редкий пригородный лесок ехала дрезина. Снимающий стоял на ней шатко, камера дрожала, изображение мучительно подпрыгивало. Из-за редких стволов высывались черные мультяшные кляксы, они летели навстречу камере, трансформируясь в злобных волков и не менее злобных зайцев, дрались в воздухе и текучими кляксами расплескивались по экрану. Действо длилось уже минут двадцать и сопровождалось громкой и сиплой музыкой. Секретарь от безысходности считал зайцев. На восемнадцатом Григорий Романович не выдержал. Мягкой кошачьей походкой он подошел к креслу и, из последних сил сдерживаясь, спросил:

— Это что, Сергей, а? Это кассета, которую моя зайка по всей стране гоняет?

При слове «зайка» секретарь вздрогнул: с экрана как раз лезла очередная длинноухая харя с редкими зубами. Он виновато посмотрел на шефа.

— Нет, ты мне скажи! Это и есть тот компромат, который моя драгоценная хотела передать на телевидение? Я что, чего-то не понимаю? Да ты знаешь, чего мне эта неделя стоила? Да я тебя!..

— Григорий Романович! Все; как сказали, сделал. Меня и хозяин «Шерлока» заверил, что проблем не будет, агентов нормальных дал. Может, их расспросить хотите? Я мигом.

— Да что мне твои агенты! — буквально завизжал Григорий Романович. — Ежу понятно, что она



не это отдавала! А что? Что, я тебя спрашиваю? С чего бы это ей такой уверенной ходить? Нет, там явно что-то было, но что, что?

Он кругами забегал по кабинету, секретарь, почтительно вытянувшись, стоял у стенки.

— А у нее спросить не пробовали?

— Да ты что, издеваешься надо мной? Пока она не знает, что мы в курсе, все еще исправить можно, а если насторожится — все, пиши пропало. Хитрая сучка, не смотри, что рожа, как у Барби. Если б хоть знать, что она на меня имеет, и то проще бы было. Подстраховался бы. Неужели про завод узнала?

— А может, это... ну, два месяца назад которое? — Секретарь даже побоялся выразиться поточнее.

Григорий Романович аж позеленел:

— Уж лучше про завод! Ладно. Так сделаем: ты агентов этих обратно отправляй, хуже не будет, а я сегодня попробую сам с ней поговорить, вроде притихла она малость. Небось всю кредитку фукнула, я ее знаю. Зато и разговаривать с ней будет проще. Попробую выяснить, что в пакете этом, вдруг расколется?

Глава 59

Как назло, по пятничным утрам шеф устраивал особенно продолжительные сходки под предлогом подведения итогов за неделю, а на самом деле, как подозревали все, просто из нежелания признавать рабочую пятидневку.



«Если в выходные некоторые не ходят на работу, то пусть хотя бы о ней думают!» — было подтекстом пятничного собрания. Как бы то ни было, тянулось все безобразно, нестерпимо долго. Лешка сидел как на иголках.

Точнее, ни сидеть, ни стоять спокойно он не мог. Ему хотелось немедленно вскочить и мчаться на встречу с Марой! Он извелся и изъерзался на стуле так, что Женя, сидя за сейфом, где была невидима руководством, но видела всех, знаками стала призывать его уgomониться.

Она нарисовала в блокноте забавную печальную рожицу, истекающую слезами, подписала: «Держись, брат!» — и подсунула Алексею. Тщетно. Татаринов, приняв блокнот, тупо уставился на рисунок, судорожно сжал его в руках и продолжал всем своим видом выказывать явное и вызывающее неуважение к происходящему.

Шеф, не догадываясь о шекспировских страстях, витающих в атмосфере, не торопясь, с выражением зачитывал огромную пачку приказов руководства главка, медленно вытягивая каждый лист из стопки.

Наконец, когда Евгения почти смирилась, что Лешка сейчас взорвется и выкинет нечто совсем неподобающее, пытка закончилась. Татаринова смело из кабинета так, что невозмутимый Крушинин поднял голову и с удивлением воззрился на два опрокинутых стула.

— Что это у нас сегодня с лучшими сыщиками России происходит, а? Евгения?



В ответ Женька, нахально задрав голову, тряхнула длинными волосами и загадочно ответила:

— Вот вы, Игорь Петрович, все Алексея тренируете. Всей группой норовите курьером неотесанным использовать. Как Ваньку Жукова — куда угодно, даже в лавку! Ну-ну. Вот уж он вам всем покажет.

— Что именно? — не реагируя на выпад, поинтересовался старший группы.

— А все! — нашлась компьютерщица. — Возьмет, и какое-нибудь «дело века», к примеру, раскроет! Вот тогда и попляшете!

И, не дожидаясь других вопросов, гордо удалилась.

Крушинин секунду подумал, нахмурился и вышел следом.

Зайдя в кабинет, он обнаружил Алексея, приплясывающего в узком проеме между сейфом и столом. Лешка одновременно пытался одной рукой прицепить на себя плечевую кобуру с пистолетом, а другой — выбрать какие-то документы со стола и засунуть их в пластиковую папку. Часть бумаг посыпалась на пол. Крушинин наклонился и поднял отксеренные композиционники знакомой до отвращения физиономии.

В это время одолевший наконец кобуру Алексей безуспешно старался натянуть куртку, но наизнанку, все время попадая мимо рукавов. Крушинин с интересом понаблюдал за этой пляской и вдруг жестко приказал:

— Присядь!



Лешка от неожиданности рухнул на стул.

— А теперь подробно и спокойно рассказывай! — таким же тоном продолжил Игорь.

Сначала Лешка невнятно мычал что-то, подолгу подбирая слова. Но постепенно увлекся и поведал старшему всю подноготную: о Петуховых, художнике Митьке и обитателях мансарды с их странными вопросами о разубаюющемся милиционере. Избежать в рассказе заветного — Марьяши — ему не удалось. Мара рвалась из души как песня, и каждое упоминание ее имени заливало лейтенанта краской с головы до ног, но он мужественно делал вид, что с ним все нормально.

— Ясно, — резюмировал Крушинин. Он помолчал, что-то обдумывая, затем спокойно и негромко скомандовал: — Значит, так. Пистолет сейчас же, при мне, сними и положи в сейф. — Он зафиксировал, как поникший Лешка выполнил указание, и добавил: — Барышень табельным оружием как-нибудь в другой раз поразишь, если ничего умнее не придумаешь. А вот фоторобот клиента ты правильно взял. Покажи обязательно, причем обоим барышням. Внимательно выслушай все, что расскажут, а если хоть одна опознает — немедленно вези в отдел! И никакой самостоятельности, понял? Если девицы начнут выкаблучиваться, тащи сюда. Я с ребятами сейчас на обыска́ отъеду, но там формально, ненадолго. К пяти вернусь. Если что срочное будет — звони на трубу. Все уяснил?

Лешка мрачно кивнул. Крушинин улыбнулся, дождался, пока Лешка закроет сейф, вышел вмес-



те с опером в коридор и так же нудно проконтролировал процесс закрывания двери.

Выскочив из здания и минут десять промаявшись на автобусной остановке, Лешка запаниковал — все, конец! Поганый транспорт, обычно стадами беспрерывно мигрирующий мимо здания, именно сейчас отсутствовал подчистую на всем огромном проспекте.

«„Здесь птицы не поют, деревья не растут!“ Закон подлости. Никогда больше фиалковые глаза Марьяши не увижу. Всю оставшуюся жизнь буду исключительно всяких Петуховых наблюдать!»

Но фортуна смиростивилась. Татаринovu не просто, а сказочно повезло. Отдельческий водитель Олег лихо вырулил рядом с остановкой и, увидев поникшую фигуру оперативника, остановился.

— Куда, лейтенант?

Выслушав куда и к какому времени, весело подмигнул:

— Не тормози, мент, успеем! Я как-то на спор от нашей конторы до аэропорта за семнадцать минут домчал.

Лешка сразу поверил. Способности Олега по кличке Вжик в отделе знали все, но не каждый рисковал с ним прокатиться. По незнанию особенно часто прокалывались сотрудники чужих подразделений. Сначала этих пассажиров очень веселила скромная надпись на торпеде в кабине: «20 минут страха — и вы на месте!»

Потом слегка настораживало любимое выражение Олежика: «Ну что, смертнички, полетаем?»



Дальше пассажиры уже не улыбались и не разговаривали. Если, конечно, не считать беседой непрерывный мат, в ответ на который Вжик хохотал и прибавлял скорость. После первого же такого опыта чужаки, клянча автомашину, сразу интересовались — кто повезет. Услышав, что Олег, бледнели и заявляли, что даже по приговору суда не поедут.

Свои, отдельческие, наоборот, предпочитали Олежку всем другим водителям. Они знали, что до милиции Олег работал в такси, имел профессиональные права, а город знал, как свою квартиру. Для него не существовало понятия «невозможно проехать» или «не знаю, где это», а его реакции на любую экстремальную дорожную ситуацию позавидовал бы каждый автогонщик. Евгения ласково звала его «наш Шумахер».

Лешка успел оказаться на стрелке Васильевского острова с запасом — минут за пятнадцать до свидания и удивился, обнаружив на парапете за колоннами Марьяшу.

Подлетев к ней, он встревоженно спросил:

— Что случилось, Мар?

Та подняла глаза-фиалки на опера:

— Леш, я тебе все-все расскажу, только давай где-нибудь в коферасполагающем месте приземлимся, ладно? Я тут одно как раз знаю. Митькины приятели оформляли.

Она привела в уютный кафетерий на набережной. Интерьер заведения был необычен: в центральном зале прямо из стены выпирала морда настоящей пожарной машины. Красная, блестящая,



словно мечта ребенка. Казалось, машина устала и захотела погреться кофейком, вот и заехала, а точнее, просунула свою глазастую голову, да так и осталась тут.

Как удалось втащить эту махину в питерский подвальчик и была ли она цельной, Лешка так и не понял, стена скрывала. Оторвавшись наконец от средства пожаротушения, Алексей с не меньшим восторгом уставился на своего эльфа.

— Слушай, Алексей, у нас вот такая напасть... — начала Марьяна.

Глава 60

Семен блаженствовал. Легко отбив у местного гипнотизера-целителя лучшую молодую часть женского контингента, он уже второй день в тихий час сам проводил сеансы психологической разгрузки. Пока еще без тактильных приемов. Обход заведующей его миновал. «Потомка Кащенко» срочно вызвали в Москву на консилиум по сложному случаю к дочери одного из сильных мира. Запирсингованная идиотка всего лишь переборщила с таблетками и сушеными поганками, и для излечения достаточно было хорошенько прочистить ей желудок, а заодно и голову, но отказаться было невозможно.

Отец московской девицы числился основным спонсором клиники. К тому же, по иронии судьбы, сушеные грибы у девицы оказались из Санкт-Петер-



бурга, ибо в столице витало поверье, что именно питерские грибочки «забирают» круче всего. На это обстоятельство московские коллеги-врачи, в свое время уже хлебнувшие по полной с дочуркой олигарха, напирали особо и требовали личного и непосредственного участия заведующей. Диана Всеволодовна прокляла все на свете и, отменив обход, укатила в Первопрестольную.

В клинике немедленно воцарилась легкая анархия, что вполне устраивало Семена. Воодушевленный обретенной безопасностью и широким спектром открывающихся возможностей, Сеня чувствовал себя в ударе. Обожающий по своей природе и профессии всяческие тусовки и сборища, он жаждал немедленно вовлечь в процесс выздоровления и духовного возрождения всех.

В первую очередь требовалось спасти соседа по палате, чахнувшего от несчастной любви. Семен обсудил проблему с Эдуардом Михайловичем и постановил устроить в палате вечеринку, на которую стянуть лучшие силы. С самого раннего утра сопалатники бурно обсуждали кандидатуры участниц. Даже «астральный дедушка», на время забросив свой проект и пригасив свечки, с азартом присоединился к развернутому Сеней кастингу.

В палату заглянула молоденькая постовая сестра и, восторженно глядя на музыканта, объявила:

— Семен Иванович, к вам посетители!

Увлеченный постановочным процессом, Семен, не оглядываясь, небрежно отмахнулся:



— Спасибо, птичка! Я сейчас занят, пусть подождут.

...Посетители — Марьяша с Алексеем — сидели в фойе и с любопытством осматривались по сторонам. Здание было старинное. Стараниями заведующей на деньги спонсоров помещениям клиники явно пытались вернуть прежний, дореволюционный вид. Диана Всеволодовна считала, что это поможет процессу лечения пациентов, а главный спонсор меркантильно прикидывал, что в случае закрытия этой «богадельни» сможет с комфортом разместить в ней филиал своей фирмы. Примыкающее ко входу на отделение фойе было просторным, с высокими овальными окнами, лепниной и огромным камином в стене.

На мраморной каминной полке вилась какая-то зелень в симметрично расставленных горшках, а над полкой на выкрашенной бежевой краской стене висели многочисленные портреты из глянцевых журналов. Портреты были забраны в тонкие рамочки, которые мастерили сами больные в свободное от процедур время. Трудотерапию заведующая очень уважала и обдумывала новые формы ручного труда для пациентов. Изготовление рамок и шатких деревянных подпорок под цветы было первым шагом. Но гораздо интереснее были сами портреты. На всех вырезках были изображены исключительно женщины — от цариц и политиков до литературных героинь.

Лешка внимательно изучил все портреты и озадачился:



— Слушай, Марьяша, а почему здесь эти женщины висят? Они что, все страдали расстройством нервной системы?

— Не думаю, — ответила она, — хотя, в принципе, судьба у них была не сахар. Наверное, повесили, чтобы внушать пациентам оптимизм. Ну, как раньше вешали, помнишь? «Равнение на лучших». А может, наоборот — как образчики женщин «трудной судьбы», чтобы пациенткам не так обидно было тут валяться и думать, что они одни такие нервные.

— А Ленин здесь тогда зачем? — продолжал любопытствовать Алексей, уставясь на каминную полку.

— Кто?! — изумилась Марьяна.

— Да Ленин. Видишь, вон там, на полке, белый бюст стоит. Слева от кактуса. Пишет что-то, как всегда.

Заинтригованная Марьяша, не поленившись, встала со стула, подошла к камину и некоторое время разглядывала гипсовое изображение. Потом засмеялась:

— Ты, Леш, меня испугал! Это не Ленин, это академик Павлов! Хотя издалека похожи.

Настала очередь удивиться Татаринovu:

— А Павлов зачем? Над ними тут что, опыты, как над собаками, ставят?!

— Не знаю, — пожала плечами Марьяна, — вот сейчас заодно и про опыты у Семена спросим. Сомневаюсь я, что Лерман над собой опыты ставить даст. Сам скорее экспериментировать начнет, аферист чертов.



В этот момент в проеме двери, ведущей на отделение, показалась фигура «афериста». Лежать на отделении в чумовых джинсах и эксклюзивной «гавайке» ему не захотелось, застиранные больничные одежки со штампами двенадцатого роддома (как у соседа дедушки) были авангардны, но чересчур эпатирующие. Поэтому Сеня, недолго думая, быстро запутал молоденькую кастеляншу и, в отсутствие заведующей, щеголял в новеньком накрахмаленном костюме медбрата. Причем отделения хирургии, судя по расцветке.

Увидев Марьяшу, он радостно схватил ее в охапку и закружил по холлу, распевая на мотив одного из заезженных эфэмами шлягера:

— Марьяшечка! Любовь моя безответная! С фиалковыми глазами!

— Отпусти, сумасшедший! Мы по делу! — Марьяша вывернулась из объятий и разгневанно фыркнула.

— Да! Я всегда сумасшедший, всегда влюблен! Видишь, даже в клинику из-за этого попал! — Тут до него дошла вторая часть Мариной фразы, и он притормозил. — Мы? Кто это «мы», неужели Тина соизволила... — Он заозирался по комнате и обнаружил Алексея.

Пунцовый от ревности, Алексей быстро оттер от музыканта Марьяшу, копируя Крушинина, раскрыл перед носом Семена удостоверение и важно представился:

— Алексей Татаринов, уголовный розыск. Нужно с вами поговорить.



Семен замер, а потом как-то сразу устало сник. Несколько секунд он молча рассматривал документ и его владельца, потом перевел печальный взгляд на Марьяшу. Взгляд был исполнен таким скорбным укором, что Марьяша стушевалась и тихо отошла к окну. Она присела на подоконник, прижавшись к стеклу, и, стараясь не поддаваться тлетворному влиянию Семена, отвела глаза.

Возникла немая сцена...

Нарушил ее Семен. Задумчиво и неспешно он опустился на кушетку под плакатом «Курить запрещено!!», достал из кармана медицинской куртки пачку «Мальборо», прикурил сигарету и глубоко затянулся.

Постояв несколько секунд в одиночестве, Лешка подошел и сел на кушетку напротив.

Если бы сейчас в фойе появился посторонний посетитель, то, глядя на присутствующих, мог подумать одно: молодой, но талантливый хирург (Семен) только что сообщил безутешным родственникам больного (Лешка и Марьяша) о трагическом исходе операции и безвременном уходе близкого им человека...

Напряженная тишина повисла в помещении. Но все трое при этом так интенсивно думали, что, если бы мысли обладали звуком, — клинику могло снести.

Лешка негодовал:

«Черт, что ж такое! Сказал все вроде правильно, да и не сказал я еще ничего толком! Удостоверение предъявил. Почему такая реакция?! Не он же убивал? И ничего не говорит? Ни испуга, ни удивле-



ния? Сел, курит и молчит. Ну, и что мне теперь делать? Давить? Уговаривать? Пугать? Бред какой-то! Он же чистый свидетель, идеальный и классический. Зачем же выделяется?»

Марьяша расстроилась:

«Ой-ой-ой! Попала. По полной программе попала. Ни один, ни другой ничего, кажется, делать не собираются. Сидят и молчат как рыбы. Тина меня убьет. Если проведает. Но я же как лучше хотела? Труп, убийство... Зная Сеньку, если хоть полпроцента правды, то все шишки потом на нее рухнут! А если все, что он нагородил, правда, то вообще хана. Да еще документы в квартире, когда убегал, оставил. А вдруг там адрес мансарды есть? Нет, вряд ли. Семен ленивый, он только телефоны всегда записывал. Хвастался, что нужные адреса запоминает с ходу, визуально. Лучше бы отшибло у него мой адрес навсегда! И Тинин заодно».

Семен соображал:

«Ну? И что теперь? Сто раз зарекался ничего никогда девицам не рассказывать. Никаким! Даже бывшим женам. Просил Тину, как человека, насчет милиции. На тебе! Только дверь за мной закрылась — два дня всего прошло — и вот она, родная милиция. Странно, что хоть два дня спокойно дали пожить. Хотя... Что, собственно, они знают? Какая-то барышня им рассказала, а ей — другая барышня, а той якобы я рассказал. Фигня. В квартире меня никто, кроме убийцы и Ритки, не видел. Ритки нет, убийцу не нашли, раз он за мной по парадным бегал. Документы там оставил?



А пусть докажут, что теперь оставил, а не год назад! Книжка старая, дат никаких нет. Ритку я мог по Москве знать. Оно так и есть, кстати. Может, она сама книжку у меня на память стащила и я вообще у нее дома не был. Не-не-не, никаких милиций! Сейчас этот монстр с ксивой адреса моего не знает, а как к ним попадешь, сразу все поназаписывают в протоколы. И найти меня любому станет совсем не сложно. Опять какая-нибудь барышня-крестьянка проболтается, и вот он я — Семен Лерман, бери меня, режь-стреляй тепленького. Ни в коем случае! Хорошо, что в клинику лег. В больнице тронуть не посмеют!»

Семен резко встал, поискал глазами урну, но, не найдя ничего похожего, решительно затушил окурок о бюст великого естествоиспытателя и выбросил сигарету в камин. Марьяша от окна жестами показала Лешке: давай, жми его! Не упускай!

Семен, нависая над опером, сверху вниз сообщил:

— Значит, так, дорогой товарищ Алексей Леонидович. В настоящее время я разговаривать с вами не могу. Болен, нахожусь на стационарном излечении. Тяжелый депрессивный синдром. Неадекватен. Можете побеседовать с моим лечащим врачом, он подтвердит. Поэтому помочь органам ничем не могу, амнезия на все, кроме отдельных женщин. — Тут Семен метнул испепеляющий взгляд на Марьяшу. — Да и тех порой узнаю с трудом. Меняются люди в худшую сторону! И вообще я иногда галлюцинирую. Видения, знаете ли, бывают. Кстати, мне пора на уколы. Всего доброго, прощайте!



С этими словами Семен направился к двери, чтобы исчезнуть в лабиринтах клиники, но голос Алексея остановил его:

— Погодите, Семен Иванович! Единственный к вам вопрос: не этого ли человека вы видели в квартире на улице Кати Португаловой? И не он ли за вами по парадным гонялся?

И нет бы Сене не оборачиваясь уйти. Но проклятое врожденное любопытство сыграло с ним злую шутку. Его голова сама собой повернулась в Лешкину сторону. Тот держал в руках фоторобот. Семен, как замороженный удавом кролик, уставился на картинку, побледнел, левое веко мелко задергалось.

— Нет... Какая квартира? Какое парадное? Я и улицы такой в городе не знаю. — Горло свело непроизвольным спазмом, голос сел. Семен просипел это уже на выдохе, не отрывая взгляда от портрета в руках Лешки. Потом как-то по-птичьи дернул головой, заставил себя отвести взгляд и заорал: — Оставьте меня в покое! Ничего и никого я не знаю! Вы не имеете права третировать больного человека! Я до министра здравоохранения дойду! Я на вас в суд за причинение морального вреда подам! Вот. — Последнее слово он почему-то сказал шепотом, развернулся и почти бегом скрылся в недрах отделения.

Татаринов дернулся было догнать наглеца и заставить объясниться, но тут из отделения стрелой вылетела молоденькая медсестричка и голосом испуганной в боях рыночной торговли заорала:



— Что вы тут устроили? Кто вам разрешил в одежде и грязной обуви вваливаться в медицинское учреждение и травмировать наших больных?!!

От такого яростного напора Леша и Марьяна попятились к выходу.

Лешка открыл было рот, чтобы остановить зарвавшегося медика, но вдруг передумал:

«Из больницы он никуда не денется. Устраивать скандал — смысла нет. Вон он какой пугливый, сбежит еще. Ищи потом. Да и кто его знает, как в таких лечебницах объяснения у свидетеля брать? Ладно, заеду в отдел, посоветуюсь с Крушининым, как дальше быть. Главное, что Семен узнал человека на фотороботе. Точно узнал! У него на роже было написано, что это тот самый, с Португаловой. Неужели в цвет попали?! Нет уж, хватит мне прокола с потерпевшими. Я теперь умный. Лучше перестраховаться. Но узнал!! Узнал и самый последний его видел!»

От радости, сам от себя не ожидая такой смелости, он сильно и нежно обнял Марьяшу за плечи и весело сказал:

— Пошли, Марьяш, из этого бедлама. Видишь сама, тут что пациенты, что персонал — все с одним диагнозом!

Закрывшаяся за ними огромная старинная дверь отсекала прощальный вопль медсестры, но, судя по пантомиме, Лешкино замечание она расслышала.

Марьяша постояла на ступеньках, заново привыкая к уличной жаре, потом оглянулась на продолжавшую бурно жестикулировать медсестру за стеклом.



-- Леш, я как-то не очень поняла, а что имелось в виду, когда она орала про нашу одежду и обувь?

— Черт их знает. Может, у них при входе нужно догола раздеваться? Чтобы все одинаковые были — нервные и голые. Значит, так, Марьяна, заедем в мансарду, вдруг Тина появилась, а потом к нам в отдел. Я запишу все, что ты рассказала. Не хочу тебя пугать, но, кажется, влипли вы основательно!

Глава 61

Крушинин, на которого так рассчитывал Алексей, задерживался. «Формальные» обыски оказались разбросанными по всему городу. Позвонив по трубе и получив короткое и недвусмысленное указание ждать, Лешка часа полтора развлекал Марьяшу как мог. Она в свою очередь нарисовала ему на листке фломастером красивый, но грустный портрет Пьеро. Лешка тут же бережно засунул рисунок под пластик на своем столе и разгреб сверху хлам, чтобы все время был перед глазами. Наконец девушка нерешительно спросила:

— Алексей, может, я к себе пойду? А то мне куклу надо доделать, в воскресенье ее к клиенту везти. Если что, позвонишь, я подойду.

Подумав, Лешка согласился.

— Хорошо. Только, пожалуйста, постарайтесь там с Тиной поаккуратней. И звони мне в любое время!



Проводив Марьяшу, Лешка еще раз перечитал ее объяснение.

«Да, получается, все в цвет. Прав Крушинин: иногда случайное стечение обстоятельств помогает. Если бы не Петуховы — я бы в мансарду не попал и Семена бы не нашел. Тьфу-тьфу!» — тут же суеверно сплюнул он через плечо.

— Да уж, посылает Бог новых сотрудинок. То стулья ломают, то в кабинетах почище верблюдов плюются! — Усталый Крушинин зашел в кабинет.

— Игорь! Наконец-то! Тут такие дела закрутились! — обрадовался, вскочив из-за стола, Лешка.

— Ну, рассказывай, что тут закрутилось. — Крушинин закурил.

...Минут через сорок сосредоточенный и потерявший веселое настроение старший группы подвел итог:

— Что барышню опросил — молодец. Теперь хоть какое-то основание будет работать. Плохо, что Тина эта ваша не пришла.

— Не знаю, куда она могла подеваться! Мы с Марьяной по дороге в отдел в мансарду заезжали, почти час дожидались. Ушла куда-то с утра. Но я Марьяшу проинструктировал.

— С Лерманом ты зря либеральничал. Надо было брать его в шкурку и везти сюда. Хотя... — Крушинин задумался. — Лучше, чтобы он до завтра в больнице был. Сегодня его задерживать нет возможности, да и смысла. Значит, так, Алексей, завтра я постараюсь найти следователя и взять бумагу на повторный осмотр квартиры на Порту-



гальной. Не нравится мне эта история с документами. Этот богемный деятель мог, конечно, в квартире свои документы забыть. Но по протоколу осмотра я что-то не видел ничего похожего. Правда, могли не обратить внимание. Короче, надо самим еще раз внимательно адрес посмотреть.

— Но завтра ведь суббота. Где же следователя искать? — огорчился Татаринов.

— Куда он денется. Домашний адрес и телефон в дежурке есть. На крайний случай дежурного следователя попросим. А наш потом отдельное поручение выпишет. Ну и в больницу завтра заедем. Что-то он не договаривает, этот музыкант. Я, например, вот что понять не могу. Как его, Семена, наш клиент-убийца в совершенно другом районе нашел? Тем более где он раньше никогда ничего не совершал. Или он там что-то новое присматривал, или...

— Или что? — Лешка ловил каждое слово.

— Или откуда-то знал, что Семен может там появиться. Только откуда? Кстати, барышня твоя ничего не говорила о посторонних в мансарде? Никто за это время к ним туда не приходил?

— Вроде нет. Марьяша только о заказчике куклы рассказывала. Но там совсем другой персонаж — бандит вроде, но не похоже, что с нашим связан. — Лешка откровенно расстроился. — И потом, там всегда много разного народу бывает.

— Много народу — это хорошо. Вряд ли сунется. Он у нас не любитель, чтобы много народу было. Лучше, когда одна женщина в адресе... За-



втра после больницы и осмотра проедем в твою мансарду. Посмотрим на народ.

Глава 62

Рыбу трясло, постоянно закладывало уши, отчего-то до немоты холодели руки. Он, уже не скрываясь, стоял у входа в арку и ждал Тину. Длинный твердо сказал: или выманиваешь девку в Район, и он с ней разбирается, или самого прикончу. Ему, Длинному, так даже и удобнее. Потому что пользы от Рыбы никакой.

Когда в пятницу Тина не пришла на встречу, Рыба думал, что все, замочит подельник. Таким он его еще не видел. Длинный орал, что только девка знает, где прячется единственный свидетель, заставший их с Рыбой у трупа. Главное — заманить ее в квартиру на Португаловой, там все расскажет; он так сделает, что она сама о смерти просить будет, но расскажет... Он брызгал слюной, глаза у него от злости совсем побелели, руки ходили ходуном. Рыба перетрусил...

Так что выхода не было. Рыба жался к стене, его мелко колотило, казалось, что каждый, кто проходит мимо, видит его насквозь. К тому же Длинный не дал ни копейки, а приближалась ломка. Хотелось сбежать, но Длинный обещал, что будет следить за ним с улицы, и Рыба только мелко перебирал ногами, не в силах на что-то решиться.

Наконец появилась Тина. Рыба шагнул ей навстречу, трусовато пряча глаза. Тина остановилась



напротив него, брезгливо оглядела и решительно произнесла:

— Иди к черту. Мне эти документы не нужны, понял?

Этого Рыба не ожидал. Он-то надеялся, что девка опоздала или не нашла двор, в крайнем случае пожадилась полштуки платить, а тут такое.

— Шутишь, да? Договорились же, чего не приехала?

— Объясняю для идиотов, мне эти документы не нужны. Передумала. Ясно?

Рыба то краснел, то бледнел, противный холодный пот струйкой потек по спине; он оперся о стену, чтобы не упасть.

— Как это, не нужны?

— А вот так. Это что, мои документы? Нет. Так чего ты ко мне привязался? У них хозяин есть, вот он пусть и суетится. Я за него расплачиваться не собираюсь.

Рыба почувствовал себя увереннее:

— Денег пожалела, да? Что тебе этот кадр не отдаст потом? И чего это не твой? Фотка ведь твоя? — Рыба издевательски-гнусаво процитировал надпись на обороте фотографии: — «Та, которой я подарил счастье женщины». Ну и не выкупай, я эту фотку себе оставляю, в сортире повешу и любоваться буду. Мужика отрежу, а себя подклею, будем мы с тобой в обнимочку!

Тина ухватила его за горловину футболки и сильно рванула, ветхая ткань затрещала.

— Только попробуй, недоносок!



— А чего пробовать? — Рыбу уже понесло. — Сегодня же и сделаю. Ты одежду-то не рви, за нее отдельно возьму.

— Хорошо, — сдалась Тина, — фотографию покупаю, а остальное можешь себе оставить. Пятьдесят рублей.

— Сто! — не согласился Рыба. — За пятьдесят я лучше себе оставлю. В сортир.

— Хорошо, — еще раз повторила Тина, — пусть будет сто.

Она вытащила из кармана сотенную и выжидающе уставилась на Рыбу.

— А нету, — развел он руками, — что я, дурак, на себе таскать? А если ты ментов вызовешь? В надежном месте лежит. Завтра приезжай в полдень — отдам. Только без кидалова, третий раз я сюда не попрусь, больно надо.

Тина, не отвечая, развернулась и пошла во дворы.

Глава 63

В субботу все как-то сразу не задалось. При всей энергии и настойчивости Крушинина следователя прокуратуры, ведущего дело по Португаловой, найти не удалось. По домашнему телефону строгий женский голос, как при записи на прием к высокому начальству, долго выпрашивал: кто они, откуда, по какому вопросу. Наконец сообщили: «Юрий со вчерашнего дня на работе и вернется нескоро». Заодно сурово отчитали, что «мальчик» совсем не от-



дыхает, сутками без еды и отдыха на службе, света белого не видит, работает на износ, а они еще позволяют себе звонить ему домой. Совести у них совсем нет. Это вместо того, чтобы помочь «мальчику» по работе. Ей придется обратиться к руководству, чтобы пресечь подобное безобразие.

— Ну, найду я этого «мальчика», мало не покажется! — рассердился Крушинин. Увы, многоопытному старшему удалось, потратив битых два часа на расспросы дежурки и коллег «мальчика», установить только одно: вчера «прокурорские» отмечали день рождения секретарши Вики. Празднование закончилось далеко за полночь, но «мальчик» уговорил часть сотоварищей продолжить банкет.

Прихватив уже вдрызг нетрезвую именинницу, все они, распевая и хохоча, отбыли на пойманной у отдела тачке в неизвестном направлении. Как сгинули. Обзвонив и обойдя вся возможные значные места и получив везде одну и ту же информацию: «Эти-то? Да, были. Девушку на руках какую-то несли. Выпили и куда-то дальше поехали», Крушинин плюнул и посмотрел на часы.

— Ладно. Отложим пока. Я догадываюсь, куда это они «сгинули» и где завершился праздник жизни, — зловеще сказал он. — Но боюсь, что от нашего Юры сейчас толку мало. Не будем терять времени, Алексей, едем в больницу. У меня сейчас настроение пообщаться с музыкантом как раз самое подходящее.

В клинике Крушинин молча, ничего не объясняя, аккуратно отодвинул в сторону кинувшуюся



было наперерез медсестру и сразу прошел в кабинет с надписью «Ординаторская», где как раз сидел над историями болезни доктор Коптев. В достаточно грубой, но убедительно-доступной форме Игорь объяснил врачу ответственность за преступления против правосудия, интересов государственной службы и почему-то против половой свободы личности, с которыми Лешка на практике еще не сталкивался. Он был настолько убедителен, что Лешка его формулировкам сразу поверил. Сергей Коптев начал было что-то лепетать в ответ, но за секунду был подавлен, быстро вызвал дежурную медсестру, попросил пригласить к нему «больного Лермана» из четвертой палаты и испарился.

«Больной Лерман», войдя в ординаторскую и увидев сотрудников, с ходу начал играть большую и глубокую депрессию. С элементами постдепрессии. Минут пять Крушинин с живым интересом наблюдал за этим представлением. Потом подчеркнуто любезно поинтересовался:

— Сеня, у тебя вещи где?

Семен, растерявшись, ответил:

— В палате. Собственно, вещей-то никаких нет. А что?

— Замечательно, — обрадовался Крушинин, — верни заведению казенные шмотки, и поехали.

— Куда это? — насторожился Семен.

— В тюрьму, милый, в тюрьму. Раз по-человечески не хочешь и не понимаешь, поедешь в тюрьму. Прямо сейчас. Можешь, конечно, и так, в казенных одеждах. Но они как-то не то. Для тюрь-



мы. Ребята могут неправильно понять тебя в таком прикиде.

— Вы меня не пугайте! Я все равно никаких показаний давать не буду! — заорал тут же вышедший из депрессии Сеня.

— Боже сохрани! — очень спокойно ответил Игорь. — Не надо нам твоих показаний, оставь их себе. Для суда! — А потом резко и быстро перечислил: — Четверо свидетелей по делу дали показания о том, что видели незадолго до гибели Риту с молодым мужиком, опознать которого смогут. Двое слышали из квартиры шум скандала и драки. В квартире в спальне обнаружены многочисленные свежие отпечатки пальцев, одни и те же, но не принадлежащие потерпевшей и ее дочери. Мне продолжать или как? Для ареста тебя на десять суток вполне достаточно.

— Я никого не убивал!!! Я никогда никаких женщин не убивал, тем более Риту!!!

— А мужчин? — Крушинин закурил и продолжил: — Ты, Лерман, или полный идиот, или соучастник убийцы.

— Я? Соучастник?! Он, между прочим, в ментовской форме был! Стал бы я от него бегать и в больницах прятаться, если бы соучастником был! — Семен окончательно разнервничался и тоже закурил.

— А может, вы чего не поделили? — откровенно издевался Крушинин. — Ты человек искушенный в бизнесе, наверное, решил скрысятничать и забрал все. Вот он за тобой и бежит. А то, что в форме, —



так это даже удобнее за тобой бегать: глядишь, прохожие помогут ему тебя поймать!

— Все. Хватит, поедem к вам в отдел, я все расскажу, — сдался Семен. — Вы же умный человек, сразу видно, что поймете. А если потом решите меня в тюрьму, то мне уже все равно, там он меня, по крайней мере, не достанет!

— Ну вот, давно бы так. А то ведешь себя как попало. Молодых сотрудников наших только расстраиваешь. — Крушинин направился к двери.

— Извините, — буркнул Семен Лешке, и троица дружно покинула клинику.

...Поздним вечером в насмерть прокуренном кабинете они почти подружились. И хотя Семен, сто раз перечитывая собственное объяснение, постоянно требовал включения в протокол всяческих экспрессивных прилагательных и наречий, заявляя, что в противном случае картина будет неполной, стороны остались довольны друг другом.

— Значит, ты говоришь, там был второй человек? — еще раз уточнил Крушинин.

— Да. Но лица его я практически не видел. Только фигуру, силуэт. Что-то такое тщедушное, невысокое в углу комнаты. Этот монстр в форме еще как-то его называл... — Семен наморщил лоб, пытаясь вспомнить.

— По имени? — с надеждой спросил Лешка.

— Нет, не имя. Каким-то словом, необычным, ну, не человеческим... Что-то такое лично мне с



детства ненавистное, поэтому я еще внимание обратил... — мучился Семен.

— Школа? Ремень? — с надеждой стал перечислять Алексей.

— Ай! — отмахнулся от него Семен. — При чем здесь ремень и школа? Не драматизируйте, молодой человек. Я, между прочим, почти отличник был в младших классах.

— Может, что из еды? — заинтересовался Крушинин.

— Есть! Точно!! — подпрыгнул Семен. — Рыба!! Точно, рыба! Я маленьким отравился у тетки рыбой фиш и ненавидел ее после этого. Да, он кричал ему: «Рыба, держи!»

— Ай, молодец! Видишь, все помнишь, никакой амнезии. Ну ладно, на сегодня пора заканчивать, — устало потянулся Крушинин.

— Мне теперь куда, — враз опечалился музыкант, — в камеру?

— Не драматизируйте, молодой человек, — передразнил его Игорь, — иди себе в больницу. В мансарду не советую, чтобы лишнего ажиотажа у барышень не вызывать и не волновать их раньше времени. Завтра часам к двенадцати подходи сюда, к нам. Съездим на Португалову, попробуем в квартире прикинуть, где кто стоял, где ты оставил документы, ну и все такое. А я с утра, кровь из носа, буду следователя нашего неуловимого доставать. Все, братцы, по домам. Завтра нас ждут великие дела!

...Старший группы даже не предполагал, насколько попал в точку.



Глава 64

От пережитого нервного напряжения и кошмара голова стала ватной и нестерпимо, тупо ныл левый висок. Горсть таблеток, которую Длинный запил глотком водки прямо из горлышка, боль не сняла, а только размазала внутри черепа. Ссутулившись и по-паучьи переплетя вокруг хромированных ножек кресла ступни, он уже целый час неподвижно сидел перед монитором.

Там, на заставке с видом морского дна, медленно колыхалась какая-то противная коричнево-бородавчатая плоская рыба. Обычно на этой заставке рыб было несколько, они поочередно выплывали из-за камня, некоторое время оставались на экране, а потом не торопясь исчезали. Но в этот раз самую отвратительную и бородавчатую как приклеило — она уже намного дольше положенного трепыхалась перед лицом Длинного и как будто даже не собиралась исчезать.

...Все сразу пошло не так, бездарно и вульгарно. Когда он поднялся на площадку, «овца» еще ковырялась с замками входной двери, сюсюкая что-то умильное своей поганой собачонке. Услышав шаги, она, полуобернувшись, мазнула по нему взглядом и отвернулась. Так смотрят на бродячую кошку или гусеницу на ветке. Какая-то уродливая баба посмотрела на него как на насекомое!

«Ничего, милая, ты у меня сейчас попляшешь!» — подумал он.

— Вам помочь? — Он подошел почти вплотную.



Тетка снова обернулась и брезгливо, сверху вниз, посмотрела на худого, очкастого милиционера, невесть как оказавшегося в парадном. Лысая собачонка подняла морду и, высунув язык, хрипло задышала.

— Обойдусь, — последовал грубоватый ответ, и она демонстративно отвернулась.

Длинный слегка занервничал.

Вообще-то, он запланировал два варианта: если, когда он поднимется к нужной квартире, женщина уже откроет дверь, — схватит сзади за плечи, толкнет в квартиру и ввалится туда вместе с ней. Если она еще не успеет открыть дверь, то завяжет обычный разговор, дождется открытия замка и толкнет тетку внутрь.

Второй вариант особо не смущал — разговоры разговаривать он за столько-то раз научился в совершенстве.

Вариант выпал второй, но... отчего-то не получалось — откровенное игнорирование и почти хамство бабы мешало ему войти в роль. Он переступил с ноги на ногу и снова обратился к ней:

— Вы случайно не знаете, когда ваши соседи будут дома? — Он неопределенно мотнул головой в сторону нижнего этажа...

...Он всегда умел понравиться «овцам». Главное — ботинки до зеркального блеска почистить, форму отпарить и разговаривать вежливо, но с достоинством. Поправляя очки. Типа «интеллигентно».

Ха! Все они одинаково покупались на внешние примочки. Сам иногда удивлялся: вроде бабы раз-



ные, неглупые, но если грамотно их рассчитать (квартира, дети, муж, тачка, голос по телефону) — все, все велось на одно и то же! Все верили, что он настоящий мент. И все подчинялись как миленькие!

...Нет, было исключение. Кстати, она была чем-то похожа на эту Тину-Алевтину с фотографии. На разговоры не клюнула, ствола не испугалась. Бросилась как кошка, пистолет вырывала... тогда пришлось стрелять. Сволочь, дрянь! Из-за нее он начал убивать!!

...Длинного совсем скрючило в кресле. Трясущимися руками прикурил сигарету и глубоко затянулся. Его бил озноб. Ссутулясь, опустив голову, он, в чужой милицейской форме, с липовой ксивой, забыв обо всех своих планах и амбициях, одиноко сидел в крохотной темной квартире. Дешевые, в масляных пятнах обои, древняя, вытребованная у матери при переезде дээспешная полка на стене. Покосившийся полированный шкаф советских времен.

Убогость его быта только усиливали вещи убитых: музыкальный центр последней модели, современный компьютер, плоский телевизор. Осторожный и расчетливый, он все-таки не смог от них избавиться — мешала жадность и нечеловеческое желание обладать этими вещами.

Последняя неудача с «овцой» заставила вспомнить то, о чем он не хотел даже думать.

...Спокойно и раскованно, как раньше, разговаривать с «овцами» после случая с той, похожей на Тину, он уже не мог, не получалось. Не помо-



гала ни форма, ни оружие. Все время боялся, что любая в самый неожиданный момент накинется, начнет вырывать пистолет, а главное — кричать. Крика он не выносил.

Постоянно думая об этом, он нервничал, и в разгар ИГРЫ в квартире жертвы терял темп и нить разговора. Начинал говорить и делать лишнее. От волнения спрашивал и тут же забывал, где спрятаны ценности. Метался, открывая все подряд, и ничего не мог найти. Хотелось уже одного — побыстрее выстрелить, чтобы не увидели его беспомощность, и все закончить. Один раз даже ушел с хаты, почти ничего не забрав...

...Дрянь! Мерзавка! Испортила ему всю ИГРУ!

Убивать, в принципе, оказалось не трудно, особенно с близкого расстояния... Ход курка был плавный, и нажатие не требовало усилий. Одно «но» — кровь. Отвратительная, пугающая с детства кровь! Она сразу лезла в глаза и тормозила, останавливала любые мысли и движения. После выстрела в голову ее было много. Он цепенел, потом начинал суетливо искать и подбирать гильзы, боясь наступить в подтеки крови разутыми ногами, тщательно обходил их, заставлял Рыбу искать тряпки и закрывать лица жертв...

Это не помогало. Даже закрывая им лица или все тело, он все время помнил, ЧТО там лежит, и уже не мог чувствовать себя спокойно рядом с трупами.

То ли дело раньше, до проклятого выстрела. Тогда парализованные от мгновенного превращения такого милого и внимательного сотрудника



милиции в разбойника, связанные веревками или прикованные наручниками к трубе батарей «овцы» жалко и беспомощно смотрели на него снизу вверх, умоляя о пощаде. Как кайфово было глумиться, глядя в испуганные глаза, задавать бессмысленные вопросы, пугая и шантажируя детьми и мужьями, не торопясь искать ценности, а главное, упиваться собой и своей властью.

В этом был стержень ИГРЫ. Какими же ничтожными и бессильными эти люди выглядели среди своего богатства и благополучия! Какими зависимыми от его слов и даже жестов... а как суетились, стараясь быстрее показать и отдать все-все, только чтобы он оставил их в живых и ушел!

После выстрела все изменилось. Так тщательно и любовно отработанная в мельчайших деталях его главная роль становилась бессмысленной перед мертвым телом. Играть без зрителей было глупо и незачем. Вечно пьяный или обдолбанный Рыба был не в счет.

...Понимая, что дольше молча топтаться рядом с женщиной глупо и опасно — дверь открылась, и сейчас тетка уйдет от него, — он шагнул вперед, неумело схватил ее за руку и стал толкать в квартиру. Несмотря на небольшой рост и худобу, женщина оказалась жилистой и сильной. Вывернувшись от захвата, она развернулась и стала отталкивать его руками. И заорала. Господи, как же она противно орала! А еще умудрилась, размахнувшись, ударить его в лицо и сбить очки. В панике от происходяще-



го, понимая, что вот сейчас в любой момент откроются двери, выбегут люди, он навалился на нее всем телом и вместе с ней ввалился в прихожую квартиры. Там, продолжая кричать, женщина отскочила к стене и начала шарить руками по вешалке, пытаясь найти что-нибудь для защиты. Нервы у Длинного не выдержали и, выхватив из кармана пистолет, снятый с предохранителя еще в парадном, не целясь, он начал стрелять...

...Потом как в тумане — крик прекратился, лежащая на полу женщина издавала только тихие хлюпающие звуки. И кровь, кровь, кровь... Ему показалось, что она залила все в прихожей, и сам он, отраженный большими зеркалами, весь в крови...

Он зачем-то схватил с пола ее выпавший мобильник и сунул в карман... Собачонка, вжавшись лысоватым задом в угол, начала тихонько подвывать... Как во сне он выскочил из квартиры и захлопнул дверь. Пришел в себя только дома. Даже не помнил, как добрался и почему его никто не схватил на улице.

Длинный скрипнул зубами, поднял голову. Бородавчатая рыба медленно уплывала с экрана.

— Все! Хватит. Через два часа Рыба должен привести на квартиру девку. Надо собраться, иначе — конец. Теперь его единственный шанс на спасение — там, на Португаловой. Если получится — зачистит хвосты и немедленно ляжет на дно. Затаится на месяц, год, на сколько нужно. А потом можно и продолжить...



Глава 65

Утром в воскресенье Тина была молчалива и задумчива, Марьяша тоже разговоров не затевала, грустно поглядывала на уже доделанную куклу, тихо пила кофе. Кукла, надменно выпятив нижнюю губу, тарасилась на подруг и тоже молчала. Марьяша походила вокруг нее, что-то поправила, потом отцепила пышный плюмаж из страусиных перьев и притащила из дальней комнаты рулон пупырчатой шуршащей бумаги. Вздохнула и принялась укутывать марионетку. Тина докурила, резко ткнула сигарету в пепельницу и посмотрела на подругу. Лицо у Марьяши было несчастное.

— Помочь? — не выдержала Тина.

— А чем тут поможешь? — меланхолично отреагировала Марьяша. — Сейчас упакую Анжелку и все, повезу хозяину.

Тина закурила новую сигарету. Дело было совсем плохо. Имена подруга давала не каждой кукле, только тем, которые ей нравились, так что утешения тут негодились. Марьяше надо было пережить разлуку самостоятельно.

Когда дверь за художницей захлопнулась, Тина некоторое время сидела неподвижно и размышляла. Надо было ехать за фотографией, хотя внутренний голос советовал ей обратное. Предчувствиям своим Тина привыкла доверять, но было невыносимо обидно, что фотография останется в грязных лапах плюгавого. Почему Тину это так задело, она не могла объяснить, может, потому, что столько лет са-



ма не вспоминала об этой прогулке и вдруг вот так, резко, ее окунули в прошлое.

В дверях заскрежетал ключ. Тина слабо улыбнулась. Сейчас ввалится Марьяша и скажет, что передумала, куклу не отдаст. Подобное уже пару раз случалось, подруга закусывала удила и посылала заказчиков к черту. Но вместо этого в комнате объявились Митька и Михаил Иванович.

— Нет, ну ты ему скажи, подруга, ну что он там у себя забыл?

— О чем ты? — вяло поинтересовалась Тина.

— Дык! Иваныч домой засобирался! А зачем? Мы даже в Петергоф не ездили, он считай не видел ничего, сидел тут, как суслик у норы...

— Ученый совет у меня, — тоскливо сообщил Михаил Иванович, — в четверг обязан быть.

— Фигня вопрос! — не сдавался Митька. — Справку тебе сделаем. Хочешь ОРЗ, а хочешь покуривать что, из психушки или роддома, тебе какую?

— Зачем из роддома? — опешил Михаил Иванович.

— А. Точно. Из роддома тебе зачем? Сделаем, что ты при родах жены присутствовал, тоже хорошая бумага. У меня там сестричка в регистратуре есть знакомая, что хочешь нарисует.

Михаил Иванович представил, как демонстрирует подобную бумагу в деканате, и захохотал. Тина с изумлением уставилась на Михаила Ивановича. На ее памяти столь бурно он выражал свои чувства впервые. Митька, напротив, ничуть не удивился, захохотал тоже. Отсмеявшись, он спросил:



— Ну так что, делаем бумажку?

— Не могу, — с сожалением отказался Михаил Иванович, — обязан быть. Да и надоел я вам, наверное.

— Почему надоел? — искренне удивился Митька. — Если б надоел, давно б уже уехал, ты что, думаешь, мы всех привечаем? Ты человек наш, правильный, а что рога все время прячешь, так ничего.

— Мить, ты ври, да не завирайся, какие рога? — возмутилась Тина.

— У тебя, мать, грязное воображение! — кромсая на бутерброды колбасу, пояснил керамист. — Я имел в виду, что Иваныч к нам вроде улитки приехал, чуть что — в ракушку свою прятался, а теперь нормально реагирует, на человека похож.

Михаил Иванович решил об этом подумать в дороге. Он? На улитку? Неужели все действительно так? Но сейчас надо было все-таки объяснить отъезд.

— Я б с удовольствием остался, — уточнил он, — но действительно не могу, у меня три дипломника брошено. И репетиторство кой-какое. Может, я в августе еще на недельку вырвусь?

— Ну, не можешь так не можешь, — смирился Митька, — тогда подожди пару часов, вместе за билетами поедem. На южное направление ты в кассе сейчас фиг чего купишь, а у меня барышня есть знакомая. Только сначала позавтракать надо по-человечески.

Михаил Иванович тихо вздохнул: «позавтракать» с пивом обычно занимало часа три, но само-



стоятельно обминаться в злобной железнодорожной очереди не хотелось вовсе. Позавтракать так позавтракать. Он уселся в привычное кресло и приготовился ждать.

Тина никаких чувств не выразила. Михаил Иванович ей не мешал, да и вести себя стал действительно куда более человечно, но нынче, если честно, было не до него. Да и жить у Марьяши было хлопотно. А к августу студенты съедут, если что, можно будет Михаила Ивановича на Чайковского поселить, действительно повозить по редакциям и специализированным книжным. Так что она промолчала и начала собираться.

Глава 66

Если бы Гусю сказали, что у него нежная душа, он бы не поверил, может быть, даже дал бы говорившему в пятак. Хватало огорчений и с фамилией. Виталий Гусечкин — звучало не по-пацански, дурацки звучало, как ни посмотри, так что кликуха Гусь ему даже нравилась, всяко лучше, чем родная фамилия. Ну не Орлов, подумаешь. Но душа у него действительно была нежная. При братве он слабины не давал, имел круглый пулевой шрам в плече, еще со времен давних, рыночных, но нынче все как-то устаканилось, появился вполне легальный бизнес и офис, уже самому приходилось делиться с кем-то повыше — и Виталия это вполне устраивало.



Делать в офисе и в будни было нечего, со всем управлялась бухгалтер и зам, но Гусь важно сидел в личном кабинете и перекладывал красивые канцелярские штуки на столе. Ждал Марьяшу. День стоял воскресный, Гусь был один, если не считать телохранителей, но Кокос и Димон сидели внизу, не мешали. Мелькнула мысль вызвать для пущего шика секретаршу, он потянулся к телефону, но передумал. Было такое подозрение, что его кобра и секретарша тайно снюхались, недаром же подруга вдруг перестала закатывать сцены ревности? Точно, снюхались. И настучит его кобре, что он тут мочалок принимает, потом объясняйся месяц. А самой ей в офис Гусь категорически запретил приезжать, нечего ей тут делать, да.

Он еще раз передвинул хромированный набор для карандашей и прочей писучей ерунды и полюбовался. Так явно было красивее.

Марьяшу он ждал с нетерпением. Во-первых, хотелось похвастаться перед посторонним человеком, потому что вокруг уже давно были такие же, как он, что было у одного — было у всех, а эта со стороны, оценит и позавидует. Во-вторых, но уж в этом Гусь даже самому себе не признавался, хотелось куклу поводить. После Марьяшиных объяснений он немного обиделся, в ночном клубе со стороны казалось все так просто, наклонил палочку — кукла присела, покачал — задницей виляет, а тут, оказывается, целая наука. Что он, бобер какой, не сумеет? Во народ припухнет!



Гусь довольно потер руки и откинулся на спинку кресла.

В это время Марьяша, двумя руками бережно придерживая объемистый пакет, подходила к офису. По дворам уже летал первый тополиный пух, Марьяша смешно морщилась и пыталась сдуть с носа щекотную пушинку. По сторонам она почти не глядела, сосредоточившись на своей хрупкой ноше. Да и на что было глядеть? Вымершие дворы с утоптанной до полной безжизненности землей, черные обломки скамеек, неизбежные контейнеры помоек? Адрес Виталий дал вполне внятно, помимо названия улицы и дома, красочно расписал вид своего заведения, так что нашла она офис без проблем. Смотрелся он в этих пыльных обшарпанных дворах диковато, хозяин в меру своей фантазии постарался.

— Домик-пряник! — сообщила кукле Марьяша. — Удивительная все же эстетика у этой публики!

Офис выделялся как парчовая заплатка на мешковине: витая ограда выгораживала часть двора, у ворот стеклом и металлом блестела будочка охраны, сам домик был увенчан черепичной крышей и выкрашен в нежно-розовый цвет. В будочке сидел угрюмый незнакомый охранник. Увидев ее, он молча ткнул в какую-то кнопку, ворота разъехались, и художница беспрепятственно попала на территорию. Дверь самого домика-пряника была заперта, и Марьяша минуты три топталась на крыльце под видеокамерой, на шаривая звонок. Пакет с куклой из рук выпускать не хотелось, Ангела бы-



ла упакована очень ненадежно, к тому же движения стеснял длинный сверток со страусиными перьями, которые Марьяша решила приделать в последний момент, уже перед показом клиенту. Теплохранители, сидевшие в вестибюле и с интересом наблюдавшие через монитор за затруднениями девушки, от души развлекались.

— Носом пускай нажмет! — предложил Кокос.

— Маленькая, не достанет, — не согласился напарник.

— А пусть подпрыгнет! — Кокос, которого так звали за совершенно круглую голову, поросшую колючим бурым волосом, был не в духе. Вся эта блажь шефа с воскресным сидением в офисе была ему не по душе. Чудит шеф. В куклы играть захотел. Нормальные люди сейчас на природе, свою первую под шашлычок принимают. Шашлычок с дымком, жареная помидорка сбоку прилепилась, лучок колечком, а она, родимая, холодненькая, в запотевшем стаканчике... Кадык невольно дернулся.

— Не пришла еще? — раздался голос из селектора.

— Пришла! — отрапортовал Кокос. — Как раз на крылечко входит. Пускать?

— Нет, назад отправлять. Ты чего, совсем с ума съехал? Пускай давай.

Кокос, пожав плечами, пошел отворять дверь. Марьяша радостно ввалилась в кондиционированную прихожую, все так же крепко прижимая к себе пакет.



— Привет. А Виталий где?

— В кабинете, — буркнул Димон и потянулся к свертку. — Пакет давай.

— Зачем это? — удивилась Марьяша. — У меня целее будет. Сама отнесу.

— Гы, — повторил Димон, — «сама отнесу!» А если у тебя там оружие? Мы зачем тут сидим, как думаешь?

— Для статуса, — весело сообщила Марьяша, — для солидности то есть. У вас так положено. А пакет не дам. Там кукла, она хрупкая.

Димон с удивлением воззрился на Марьяшу. Пигалица была совершенно безбашенная, мало того что их не боялась, еще и не понимала ничего. Да такую за шею двумя пальцами взять... Он хрюкнул и попытался договориться:

— А кто знает, что там кукла? Ты знаешь? Лично я не знаю, что там, а пакет размера подозрительного. Ты чего, думаешь, мы дураки? В музыкальном футляре волыны носят, в букеты суют, даже в пиццу, между прочим. Так что проверять должны. Сама тогда показывай, какая кукла. Только медленно.

Марьяша положила пакет с перьями на стол и бережно принялась раскутывать марионетку. Кокос на всякий случай встал у нее за спиной и насторожился.

Димон тоже бдительно наблюдал процесс. Марьяша медленно, как ей и велели, раскручивала пупырчатую, прозрачную ленту, которой была обернута кукла, выглядело это гипнотически и даже



эротично. Завороженный Димон затаил дыхание. На пятом витке освободились голова и плечи.

— Во дает! — Димон не смог сдержать восторга. — Глянь, Кокос, вылитая Инка!

Кокос, шумно засопев, полез смотреть.

— Осторожнее, мальчики, — предупредила Марьяша, — не напирайте! Так ее Инна зовут? А я почему-то думала, что Анжела. Ну, теперь убедились или дальше разматывать?

В это время Виталий, не выдержав томительного ожидания у себя в кабинете, решил лично глянуть, в чем дело и почему так долго. Для охранников его голос прозвучал как гром с ясного неба:

— Я что сказал? Я сказал — прямо в кабинет ее! Что вы тут зацепились?

Гусю было обидно, хотя он не очень понимал почему. Понимала Марьяша. Его лишили возможности самому развернуть шуршащий красивой бумажкой подарок, чьи-то руки раскрыли его раньше, чьи-то глаза увидели первыми. Поэтому Марьяша быстро, не давая охранникам вставить слова, заговорила:

— Здравствуйте, Виталий. Это я виновата, что задержалась. Хотела проверить, получилось ли? Ребята говорят — очень похоже!

Димон благодарно глянул на нее и проговорил:

— Да, шеф! Просто как сестра родная! Клевая вещь! Здорово это ты придумал!

Виталий успокоился и начал улыбаться:

— А я что говорил? Думаете, я не знаю, что вы у виска пальцем крутите?



Охранники быстро сделали постные лица, Марьяша спрятала улыбку. Виталий продолжал:

— Морды-то не делайте, я все знаю. Я вам сколько раз говорил: мы не быки наемные, мы теперь предприниматели, надо имидж делать, в натуре. Где галстук, кстати?

Димон насупился:

— Так выходной же?

— И что? Раз ты в офисе — должен быть в галстуке, без галстука в баню ходи, понял?

Говорил Виталий наставительно, но без злости, скорее для Марьяши, чем для телохранителя. Раз уж она его не за массивным рабочим столом увидела, а так, по-простому, все равно должна понять, кто тут главный. Впрочем, любопытство победило. Еще немного повоспитывав телохранителей, он пригласил Марьяшу к себе, в последний момент даже придержал для нее дверь.

Занимались больше часа. Марьяша показала, как крепить перья, но потом от греха подальше все же сняла. Виталий неуклюже топтался с куклой, невпопад дергал за нити, особенно ему понравилась кукольная манера закрывать глаза. Эту нить он дергал постоянно.

— А рот чего не открывает? — вдруг поинтересовался он.

— Потому что стриптизерша, — объяснила Марьяша, — была бы певица, сделали бы рот подвижный.

— А, ну да, ну правильно, стриптизеркам лучше пасть не открывать, — захохотал Виталий.



— Вообще-то надо большое зеркало, — не выдержала Марьяша, — куклу сверху очень трудно контролировать. Раз вам это действительно нравится, нужно для репетиций зеркальную стену делать и спарринг-партнера.

— Чего?

— Вторую куклу, — терпеливо объяснила Марьяша. — Куклы в одиночку плохо смотрятся. Обычно с одной куклой уличные музыканты выступают, но у них установка другая. Они одновременно и на гармонике играют, и на гитаре, еще бубенчики в шляпе и ботинки для степа, щелкающие такие.

— Давай вторую, — тут же распорядился Виталий, — у тебя, я видел, много там висит. Покажешь мне чего. Димон!

Телохранитель объявился тотчас же.

— У нас на воротах кто?

— Генка.

— Отправь его. Или лучше не так, он дороги не знает, сам сгоняй, у тебя быстрее выйдет. Давай ключи! — обернулся Виталий к Марьяше.

— Я сама съезжу, — предложила Марьяша.

— Не. Ты оставайся, смотреть будешь, главное, нарисуй там, какую брать.

Марьяша пожала плечами. Грабить у нее в квартире было нечего, самой на жару не слишком и хотелось. Пусть Димон ездит. Она быстро объяснила, где висит кукла-арлекин, выдала ключ и ком бумаги, которой была обмотана Анжела.

Димон отбыл.



Глава 67

Проснувшись ни свет ни заря утром в воскресенье, Семен почувствовал нестерпимое желание несмеленно куда-нибудь помчаться и не важно что, но делать. Лишь бы не думать о том, что случилось, а главное — что будет дальше. С трудом промаявшись до десяти часов, он наконец не выдержал и поехал в милицкий отдел. Приехав на час раньше и не застав в кабинете ни Алексея, ни Крушинина, он сначала нарезал по коридору перед дверью, а потом, когда это пространство стало маловато для снедавших его скачущих мыслей, спустился на первый этаж к дежурке. Там коридор был шире и имел целых два поворота. По нему Лерман и стал бегать, так неожиданно появляясь каждый раз то из-за одного поворота, то из-за другого, что первым не выдержал дежурный. С треском раскрыв пластиковое окно, мимо которого вот уже двадцать минут метался Семен, он рявкнул:

— Ты! Мужчина в пальмах! — имея в виду, очевидно, Семину «гавайку».

Два бомжа, мирно дремавшие у стены на лавке, разом открыли глаза и приняли вертикальное положение.

— Я к тебе, к тебе обращаюсь! — тыкал дежурный в сторону остановившегося Семена обгрызенной шариковой ручкой. — Если ты сей момент не сядешь ровно вон туда, я тебя к батарее наручниками до прихода оперов прикую! У меня от тебя голова уже кружится. А тут телефоны надрывают-



ся, и заявки нужно записывать, — уже более мирно продолжил он.

Сеня посидел ровно минуту, и быть бы ему прикованным, но тут в отдел ввалились усталые, но довольные оперативники.

— Кого мы видим! Наш мнимый больной! — приветствовал его Крушинин. — Ну, Тамара, пойдем на место преступления. Покажешь!

— Какая еще Тамара!! — взвился музыкант.

— «Кавказский меловой круг», третья часть спектакля театра «Ленсовета» «Люди и страсти», серость. А еще человек искусства называется, — разочарованно протянул Крушинин. — Ладно, не будем время терять, поехали на Португалову. Следовательно туда позже подтянется. Пока что осмотримся и понятых найдем...

Глава 68

Димон, покручивая на пальце колечко с одиночным ключом, поднялся по лестнице и остановился на верхней площадке перед дверью мансарды. Дышал он тяжело, рубаха прилипла к лопаткам. Почитал надписи, покрутил головой. Пигалица эта совсем отвязная. Да он бы, Димон, хрен кому ключ от своей квартиры дал, а этой как будто все равно. И разговаривает чудно. Он пожал плечами и вставил ключ. Дверь отворилась в темный длинный коридор, в конце которого брезжил свет и слышались голоса. Димон насторожился и неслышно двинулся по коридо-



ру. Разговаривали двое, оба мужчины. Димон на секунду замешкался, соображая, как быть. Звонить шефу? Он насупился. Известно, что шеф скажет, лучше так, своими силами. Он глубоко вздохнул, вытащил пистолет и мягко вошел в комнату.

Воцарилось молчание.

— Акт пятый, — наконец лениво произнес парень с басовитым голосом, — явление третье. Те же и балтийский матрос. Ты кто, прелестное дитя?

Димон затосковал. Психов он не любил и боялся, а что эти двое были психи, кто бы сомневался? Разве нормальные люди так на человека с оружием реагируют?

— Он немой, Иваныч! — все так же неспешно уточнил бас. — Или стеснительный. Хочешь злата и яхонтов, пришелец? Или телевизор «Хрюндиг»? Может быть, пива?

После пятой бутылки настроен был керамист добродушно и философски-отстраненно, тип с пистолетом его заинтересовал поскольку-постольку, и не такое в свое время мерещилось. Михаил Иванович, видя Митькино спокойствие, тоже расслабился, но на всякий случай помалкивал.

— Куклу хочу! — с удивлением услышал Димон свой севший голос.

— О, это что-то новенькое, — продолжал резвиться бас, — но логично. Ибо куклы у нас есть, а телевизора нет, да и злата с яхонтами тоже. Или у тебя есть, Иваныч?

— Нету! — решительно открестился Михаил Иванович и запоздало подумал, что у него из цен-



ного имущества только ноутбук, которым он так и не воспользовался. А теперь, может, и вовсе лишится.

Михаил Иванович перевел взгляд с прищельца на Митьку и успокоился: на лице керамиста испуга не было, присутствовало лишь живейшее любопытство. Допрос продолжился.

— А зачем тебе, товарищ, кукла? Почему нереализованные детские комплексы завели тебя именно сюда? Хороший румяный немецкий пупс из магазина тебя не устраивает?

Димон решил обидеться:

— Шутить будешь, да? Мне эта кукла даром не нужна, ваша главная за ней послала. Они там с шефом прыгают.

— А вот с этого момента поподробнее, пожалуйста! — оживился Митька. — Кто это у нас тут главная и с каким шефом, а также что за мероприятие? Прыгают, говорю, куда?

Голос его неожиданно стал гораздо тверже, да и сам он в кресле неувовимо подобрался.

Димон сбивчиво принялся объяснять:

— Ваша. Которая куклы делает. Она шефу куклу сделала, они там в офисе за веревочки ее водят. Шеф сказал, что еще одну куклу надо.

Димон глянул в бумажку и уточнил:

— Арлекин. Во! Третий по трубе от окна.

Митька проследил за взглядом пришедшего: действительно, третьей куклой оказался пестрый паяц с широкой улыбкой.

— А почему девушка сама за ней не приехала?



— Так говорю же, с шефом она. Велели привезти.

Митька задумался. Чтоб Марьяша добровольно свою драгоценную куклу в чужие руки? Верилось с трудом, но вполне могло быть и правдой. Он подумал еще и пришел к компромиссу.

— Делаем так, товарищ. Зовут тебя как, кстати?

— Димон. То есть Дима, — неохотно сообщил Димон.

— О! Тезка. Значит, человек хороший. Но куклу я тебе в руки не дам, уж не обижайся. Сам отвезу. На машине приехал?

— Ну.

— Вот сейчас и съездим, отдадим хозяйке лично в руки. Поднимайся, Иваныч.

Димон не успел даже ничего возразить, как оба психа дружно поднялись, сняли и укутали куклу и вытолкнули его на лестничную площадку. По лестнице спускались молча, Димон на всякий случай чуть поотстал и внимательно отслеживал путь разговорчивого. Тот шел легким зигзагом, басовито мурлыкая. Вышли на улицу, где стояла машина, Димон пискнул сигнализацией, по-хозяйски залез в машину. Певун уселся рядом, продолжая на все лады уговаривать кого-то «перевести его через майдан», и небрежно зажал под мышкой конец страховочного ремня. Поехали.

— Нормально пристегнись, — велел Димон, — этим волкам только повод дай.

— Дмитрий! — вдруг встрял второй с заднего сиденья. — Дмитрий, мне кажется, эти люди за мной следят.



— Окстись, Иваныч, — лениво отозвался керамист, застегивая на себе ремень. — Кому ты нужен?

Михаил Иванович немного обиделся и затих, зато насторожился Димон. Какая-то грязная легковушка действительно пилила за ними, не слишком и скрываясь, нахально притормаживая у светофоров почти за БМВ. Димон пару раз свернул с трассы, «жигуленок» не отставал.

Дворы около конторы Димон изучил досконально, где с такими умными разбираться — место приоткрыл. Он очередной раз завернул за угол и резко остановился. «Жигуленок» по инерции доехал до туника, Димон мягко вывернул руль и запер его в углу. Затем неспешно вышел из машины и сунул голову к водителю:

— Ну? Поймал типа?

Водитель покрылся испариной:

— Клиенты попросили! Я ничего! Я разве дурной? Эти денег обещали, сказали — следом ехать ну я и поехал, мое дело баранку крутить, я чего? Ты с ними разбирайся!

Димон присмотрелся к пассажирам. Те, вжавшись в спинку заднего сиденья, молча смотрели на него. Рожи вроде были знакомые, и Димон напрягся. Ну точно, вот у этого, справа, он мобилу и пистолет отбирал. Димон осклабился:

— А-а! Уцененные. Вам что, жить надоело? Вам же сказано было, чтоб не отсвечивали?

Петрович и молодой угрюмо молчали. Димон напряженно размышляя, что с ними делать, сопел и морщил узкий лоб. Так ни до чего и не додумав



шись, он посмотрел на часы и занервничал: шеф ждать не любил.

— Быстро вылезли и пешком обратно. Водила направо, клиенты налево, понятно? Пешочком в Белогорск, гы! Еще раз увижу — худо будет! — пригрозил он на всякий случай и заторопился к машине. Потом вернулся, опять сунул голову в окошко и мстительно сообщил пожилому: — А газовик у тебя полный отстой. И патроны кривые, я чуть не траванулся. Выкинул я его.

Пожилой хотел тоже сказать что-нибудь обидное, но тут зазвонил мобильник. Он украдкой глянул на экран: звонил шеф. Опять признаваться, что их ссадили с трамвая, выслушивать начальственные нотации при посторонних? Да ни за что! Он с независимым видом отключил мобильник и покорно полез из такси, молодой двинулся следом.

Димон вырулил из тупика и посмотрел в зеркальце: водитель, даже не взяв с пассажиров денег, со всей мочи рванул прочь так, что жалобно взвизгнули шины; пассажиры остались в тупике. Димон хмыкнул и нажал на газ:

— Просыпайся, мужик, через две минуты на месте будем!

— Я не сплю, — через долгую паузу отозвался Митька, — я думаю. А хлопотная у тебя жизнь, братишка. Перестрелки, погони, разборки в каждом углу...

— У меня? — изумился Димон. — Ну ты даешь! Это не мои, в натуре, это ваши.



— Наши люди на такси не ездят, — не согласился Митька, — наши пешком и разбираются исключительно в процессе распития. А тут, видишь, по-серьезному, денег людям на такси не жалко, времени не жалко, и ведь трезвые, небось? Не, не наш стиль.

Димон только хрюкнул, спорить не стал. Чего с таким спорить? Тем более к офису уже выруливали, не до этого было. На территорию психов завозить было нежелательно, и Димон напряженно размышлял, как от них избавиться. Шефу посторонние не понравятся, это точно, но ведь и прессовать этих не велено. Вежливо надо как-то. Димон напрягся.

— Слышь, ты это, — вежливо обратился он к Митьке, — ты в машине подожди, я куклу отнесу, а ваша сюда выйдет, скажет, что все в порядке. Ну, нельзя тебе на территорию, понимаешь?

— Понимаю, — покладисто согласился Митька, — режимная зона, вход запрещен.

Про зону Димон не понял, только подозрительно покосился. Зона, скажет тоже! Он остановил машину у ворот и, прихватив с собой на всякий случай ключи, вышел. Охранник в будке заволновался, снял телефонную трубку и что-то кратко сообщил. Димон расстроился. Сейчас шефу наговорит что-нибудь, опять будет выволочка.

Глава 69

— Сюда иди! — Рыба, поминутно оглядываясь на Тину, довел ее до подъезда и пропустил вперед.



Тина несколько раз пыталась обернуться и поймать его взгляд, но он тут же отворачивался или опускал глаза. Шел он сзади, почти вплотную к Тине, пахло от него кисло и резко, Тина морщилась и ускоряла шаг, но Рыба шел за ней след в след. Тина с тоской подумала, что надо было взять газовый баллончик, плюгавый, конечно, труслив, как крыса, но если их в квартире несколько? Крысы в стае — это опасно.

«Несет меня лиса в далекие леса, котик-братик, помоги!» — вспомнились слова детской сказки. Вообще мероприятие нравилось ей все меньше и меньше, она замедлила шаг, потом вовсе остановилась. Рыба запаниковал. До квартиры, где поджидал Длинный, оставался один лестничный пролет.

— Идем, идем, — поторопил он Тину, — почти пришли уже.

— Дальше не пойду, — отрезала Тина, — неси сюда.

Рыба ухватил Тину за руку и потянул, голос его дрожал:

— Ну ты чего? Опять дуришь, да? Договорились же!

— Дальше не пойду! — упрямо повторила Тина и попыталась стряхнуть руку плюгавого. — Здесь ждать буду. Неси фотографию!

На тихой воскресной лестнице голоса звучали громко и гулко.

Рыба вспотел от страха, представив, что сотворит с ним Длинный, если Тина опять уйдет, и судорожно соображал, что же делать.



Длинный определенно сказал: доведи хотя бы до площадки, он будет ждать сразу за дверью.

«Неужели не слышит? — с тоской подумал Рыба. — Ведь уйдет сейчас!»

Тина внимательнее присмотрелась к нему. То, что она увидела, ей окончательно не понравилось: Рыбу трясло, покрасневшие глаза уже не прятались под веками, но злобно буравили ее, липкие холодные пальцы крепко держали за запястье. Тина дернулась, ступила на пару ступенек вниз.

— Ну? Неси, давай сюда, а то уйду!

В этот момент на лестничной площадке верхнего этажа распахнулась дверь, кто-то появился.

— Помогите! — крикнула Тина. Голос почти сел, получился даже не крик, а сиплый шепот, но стоящий в дверях квартиры расслышал.

— Сейчас поможем, — произнес он и начал быстро спускаться. Тина обрадовалась, обессиленно приникла к перилам и перевела дух.

Спустившись к Тине, мужчина встал рядом. Тина внимательно оглядела неожиданного спасителя: высокий, чуть сутуловатый, лет тридцати, в хорошо отглаженных форменных брюках и сероголубой рубашке навыпуск. Гладко причесанные волосы, очки в неброской металлической оправе. Справа на поясе из-под рубашки торчала массивная потертая кобура.

— Что здесь происходит? Я участковый инспектор местного отделения милиции, старший лейтенант Веретенников, — представился мужчина, взмахнув каким-то документом в красной обложке, и по-



смотрел на Рыбу. Рыба замер, а через секунду залепетал невнятно:

— Я тут... вот... женщина, документы вернуть...

— А, так это вы, женщина, оставили документы в квартире убитой гражданки? — вежливо, но строго произнес пришелец.

— Я? Что вы! Это вот этот хотел мне за деньги их продать! — возмутилась Тина и обернулась, пытаясь показать на Рыбу. Но оказалось, что внизу, на коротком, но крутом лестничном марше, кроме полумрака, уже никого и ничего нет.

— Не волнуйтесь, гражданка, пройдемте в квартиру, там поговорим, — спокойно предложил мужчина и стал подниматься вверх по лестнице к открытой настежь двери квартиры.

— Да, конечно, я сейчас вам все объясню, — зачастила Тина, взбираясь за ним по крутой лестнице. В этом плохо освещенном парадном с высокими ступеньками она старалась смотреть под ноги, чтобы не загреметь вниз, и не увидела, как, поднявшись на площадку, ее новый знакомый быстро сорвал у ручки двери что-то бумажное и спрятал в карман.

В большой и тихой квартире, несмотря на жару, все окна были закрыты, жалюзи спущены. Чуть приоткрытой оставалась лишь балконная дверь, но и она была зашторена занавесью, еле-еле шевелящейся от слабого ветерка.

«Какой здесь жуткий запах, — подумала, поморщившись, Тина, — тараканов, что ли, травили?»



— Вы проходите, присаживайтесь, — любезно предложил ей участковый, указав на стильный диван в углу комнаты.

— Спасибо, — ответила Тина, — знаете, я терпеть не могу низкие диваны. На них, когда сидишь, смотришь, как домашнее животное — снизу вверх, — попыталась она пошутить и присела на стул при входе.

— Закурите? — Мужчина щелкнул зажигалкой.

Тина обрадованно кивнула и потянулась сигаретой к протянутой зажигалке. Ее вдруг неприятно поразили длинные бледные пальцы незнакомца. Зажигалка ходила в них ходуном, так они дрожали. Тина перевела взгляд на лицо мужчины. Опущенные жалюзи создавали легкий полумрак, но, несмотря на это, она разглядела мелкие бисеринки пота у него на лбу. Лицо у милиционера было какое-то бесцветное, только россыпи вулканических прыщей расцвечивали бледную кожу. Тошнотворное, мерзкое чувство стало медленно подниматься из области солнечного сплетения и потихоньку заполнять Тину чугунной обреченностью.

«Стоп, только не паниковать, это меня так тот урод плюгавый довел, теперь всякое начнет мерещиться!» — подумала она, но неожиданно для себя выпалила:

— Простите, я на лестнице не разглядела, можно мне еще раз посмотреть ваше удостоверение?

— Конечно, пожалуйста. — Мужчина вынул из кармана брюк красный прямоугольник и протянул Тине. — Кстати, что вы там говорили насчет



оставленных вашим мужем документов в этой квартире? Вы знаете, что в пятницу ночью здесь была убита женщина?

Передав ей удостоверение, мужчина остался стоять рядом, возвышаясь над стулом. Буквы заплясали перед глазами Тины, она попыталась сосредоточиться, делая вид, что читает: «...старший лейтенант милиции...» Какой муж?! Откуда он знает про мужа? И что именно Семен эту треклятую книжку здесь оставил?!

«...Веретенников Петр Дмитриевич...» И что именно ночью в пятницу женщину убили?... «...состоит в должности...» Как там Сенька его описывал? Высокий, сутулый, с противными прыщами?!

«...помощника дознавателя...» Помощника дознавателя? Он же сказал, что участковый?

Тина все поняла. Это он, тот самый, что преследовал музыканта и убил рыжую Риту. И если она сию же секунду ничего не придумает, чтобы вырваться отсюда, она пропала. И эти жалюзи специально опущены, и окна закрыты, и полумрак, как в страшном сне.

— Ну, вы удовлетворены моими документами? — поинтересовался мужчина.

Постаравшись загнать поднимающуюся слабость обратно в солнечное сплетение, Тина молча кивнула и вернула документ. Потом, решившись, подняла на лжеучасткового глаза, заставила себя улыбнуться и как можно спокойнее попросила:

— Простите, ради бога, здесь такая духота, нельзя ли открыть окно или балкон?



— Нет! — последовал неожиданный отказ, при этом, как ей показалось, мужчина ухмыльнулся...

— Тогда можно хотя бы стакан воды? — сделала еще одну попытку Тина, внимательно наблюдая за мужчиной.

— Сырую воду пить вредно! А кипяченой здесь с пятницы нет, — откровенно глумясь, оскалился в улыбке Длинный. Он на секунду отвернулся, подошел к журнальному столику, на котором небрежно валялся милицейский китель, вытащил из кармана какой-то длинный и узкий предмет, холодно блеснувший в полумраке, и, небрежно поигрывая им, начал приближаться к Тине. Зачарованно уставившись на его руки, Тина, ни разу в жизни раньше не видевшая такого, непонятно как мгновенно узнала: «Удавка! Из куска пружинящей проволоки! В военных фильмах немцы партизан на такой вешали».

Ее затопила горячая волна злости, почти полностью вытеснившая страх, от сознания, что сейчас, в эту секунду, она теряет последний шанс вырваться.

«Хорошо, что руки свободны, — мелькнула мысль. — Ненавижу сумочки!»

Она вскочила со стула и вцепилась Длинному в нос, сбив с него очки, и одновременно коленом захватив ему в пах. Длинный от неожиданности взвыл и, пошатнувшись, стал заваливаться на столик, выпустив проволоку из рук. Путь освободился, и Тина бросилась к входной двери. На ее счастье, в этот момент дверь открылась и в квартиру попытался тихо прошмыгнуть Рыба.



Увидев летящую на него девушку, он остолбенел. Тина отшвырнула его в сторону и выскочила на лестницу.

— Помогите! — уже в полный голос закричала она и рванула по ступеням вниз. Нажимать на звонки быстро пронесившихся мимо квартир уже не было времени, приходилось рассчитывать только на себя и на свои силы.

— Только не упасть! Только бы не упасть! — как заклинание твердила она на бегу. — Из парадного направо! Там люди!

Наверху раздался шум и злобный мат, преследователи с грохотом мчались за ней по лестнице. Трясущимися руками Тина отодвинула щеколду на входной двери, та почти открылась, но выскользнула из вспотевшей ладони и со щелчком, прозвучавшим для Тины как погребальный колокол, встала на место. Девушка ухватила за нее еще раз, нажала. Дверь отворилась!

Длинный, вытащив из поясной кобуры пистолет и держа его перед собой, огромными скачками сбегал по лестнице. Он обезумел от ярости и отчаяния.

«Все, если не догоню „овцу“, мне конец. Она сразу побежит к ментам. Плевать, что не узнал, где тот мужик! Нужно не дать ей уйти!»

Двор был пуст; выскочив из парадного, Тина задрала голову, но в окнах не было ни единой души. Она рванула направо и увидела ровную заасфальтированную дорожку, ведущую прямо к двухэтажному, красивому домику за солидным за-



бором. Прямо напротив нее, в конце дорожки через каких-нибудь тридцать метров стояли люди. Люди!! От страха и волнения она не могла понять и различить кто? Мужчины? Женщины? Но фигур было три или четыре, и она снова закричала:

— Люди!! Помогите!

На крик обернулись сразу несколько фигур... Сзади раздался выстрел, тут же еще один. У Тины подогнулись колени, и, не добежав до ворот, она рухнула на асфальт...

...Не доходя пару домов до нужного, они услышали гулкие, как разрывы, выстрелы где-то впереди, во дворах.

Крушинин рванул в сторону стрельбы, на ходу вынимая пистолет и снимая его с предохранителя, Лешка и Семен бежали следом. Почти выскочив к нужному им дому, впереди, в распахнутых воротах перед зданием какого-то офиса, они увидели группу людей и поняли, что опоздали.

...Услышав жалобный женский крик, Димон изумленно обернулся. Михаил Иванович с Митькой в полном обалдении, вытаращив глаза, смотрели, как по асфальту от ближайшего дома к ним, неистово размахивая руками, мчится Тина, а следом за ней какой-то тип с пистолетом в руках. Картина была настолько нереальна, что в первые мгновения они от неожиданности застыли на месте. Зато насмотревшийся картинок и похуже, за-



каленный в боях местного значения Димон понял все сразу и заорал:

— Кокос, мля... — конец фразы заглушили выстрелы.

Тина и Димон упали одновременно. Не успевший дойти от офиса до ворот Кокос, мгновенно оценив ситуацию, сорвал с плеча автомат и дал очередь по бегущей от дома долговязой фигуре незнакомого мужика, палившего из ствола. В отличие от Длинного, Кокос стрелял из любого вида оружия, в любом состоянии и только на поражение. Длинный как будто сломался надвое и упал.

К замершей на дорожке Тине от ворот подбежали Михаил Иванович с Митькой, с другой стороны — Крушинин. Одновременно склонившись над ней, выдохнули: «Жива!» Тина подняла лицо с побелевшими, трясущимися губами и пыталась что-то сказать, но слова отказывались выходить наружу, и тогда она беззвучно заплакала. Подлетевший в этот момент Семен рухнул рядом на колени, взял руками ее голову и стал бормотать что-то успокаивающее, глядя по голове.

Сидевший на асфальте в воротах Димон, держась за простреленную ногу, дико, но с непонятным для окружающих восторгом матерился. В роли потерпевшего он оказался впервые в жизни, да еще на глазах толпы и ментов. Кино просто! Кокос, стоя перед ним, так и не выпустив из рук автомата, только молча кивал в ответ.



Лешка подошел к лежащему на земле телу Длинного. Одна из автоматных пуль угодила ему точно в середину лба. Отброшенная в сторону правая рука мертвого убийцы сжимала пистолет. Теперь уже на смерть сжимала.

«Калибр 7,62, „ТТ“, тот самый», — механически отметил Татаринцов. Рядом на траве валялось выпавшее из кармана удостоверение красного цвета. Лешка поднял его, раскрыл.

— Ксива-то у него неправильная была. Старого образца. Уже два года, как они темно-бордовые, а не красные, — сказал Крушинин.

— Игорь, а что теперь будет? Теперь все, да? — спросил Лешка.

Крушинин усмехнулся:

— Ну, если ты про сей момент спрашиваешь, то сейчас тут будет сумасшедший дом. Приедет толпа начальников и наших, и не наших. Рапорта и справки будем до утра с тобой писать. Ну а потом, когда все наконец успокоятся и получат кто награды, кто по шее, мы с тобой снова начнем работать по делу.

— Как это работать по делу? Он же убит? — удивился Лешка.

— Разве ты забыл, что нам с тобой музыкант в больнице сказал? Про то, что в квартире на Португальной был еще один, второй? Нам с тобой найти его и предстоит. А вот, кстати, и Юрочка наш, следок, наконец-то нарисовался. Сейчас мы его и обрадуем, что вместо повторного осмотра квартиры кое-что другое предстоит делать, — кивнул он на



подъехавшую машину ПМГ, из которой с детским изумлением на лице от представшей картины вылезал следователь прокуратуры...

...На заплеванной лоджии пятого этажа некогда рабочей общаги, привалившись к потрескавшейся кирпичной стенке, стоял Рыба. В несколько глубоких затяжек он докурил последнюю сигарету и бросил окурок под ноги. Озноб и дрожь не проходили. Стоило лишь прикрыть глаза, и начинало казаться по новой: дворы, переулки, парадные, липкий пот, заливающий от быстрого бега лицо. И опять накачивал ужас: сейчас догонят и грубо схватят сзади за плечи. Даже теперь, после стакана тяжелой паленой водки и почти пачки выкуренных сигарет, он никак не мог успокоиться. Рыба стукнул в мутное стекло лоджии и негромко сказал:

— Слышь, Колян, давай, отшинкуй мне двойную дозу, я сверху заплачу, — и, не дожидаясь ответа, закатывая рукав, шагнул в темную комнату...

Глава 70

В кафе было полутемно и дымно, компания уселась за дальний столик, заказали коньяк. Семен с ними не поехал, Крушинин и Лешка забрали его с собой, так что в кафе они сидели вчетвером: Тина, Марьяша, Митька и Михаил Иванович. Митька, ухмыльнувшись, достал из торбы контрабандную бутылку коньяка и долил стаканы. Тина неви-



дяще смотрела на настольную лампочку, обернутую в алую бумагу, и мелко дрожала. Митька насильно влил в нее коньяк и бережно погладил по плечу. Тина дернула плечом и зачем-то потянулась поправить абажур, но руку не донесла, бессильно уронила на скатерть. Митька растерянно поглядел на Марьяшу.

— Успокойся! — сурово скомандовала Марьяша. — Хватит истериковать!

Тина ничего не ответила. Марьяша рассерженно хлопнула ладонью по столу.

— Хватит, я сказала! Мне что, попросить Митьку тебе оплеуху дать, чтобы очухалась? Жива, не ранена, что тебе еще? Зачем ты вообще туда поперлась? Да еще по секрету от нас?

— Фотографию жа-алко стало, — проревела Тина. — Я там такая счастливая, молодая... А этот гад обещал ее в сортире своем повесить. А у меня такой нету больше, я ее Сеньке в чемодан сунула, когда выгоня-я-ала... А он — в сортир!

— Нет, ну не идиотка? — обернулась Марьяша к мужчинам.

— Идиотка! — добросовестно подтвердил Михаил Иванович.

Митька только неопределенно пожал плечами.

Марьяша хотела было что-то сказать Михаилу Ивановичу, но сдержалась, перевела опять взгляд на Тину.

— Одна зачем пошла? Почему не сказала ничего?

— Ты бы ругаться стала, — шмыгала носом Тина. — Говорить, чтоб не лезла...



— Ну, правильно, — подтвердила Марьяша. — Вот полезла — и что вышло? Чуть не ухлопали. Да мы бы с Митькой в жизни тебя туда не пустили. Ты вообще представляла, по какому адресу едешь?

Тина утвердительно кивнула.

— С ума сойти! — откомментировала Марьяша, повернувшись к керамисту. — Эта дурында едет туда, где неделю назад убили Сенькину любовницу, за какой-то дряхлой фотографией, которую сама же и выкинула, при этом все делает втайне, как партизан, — это нормально, я тебя спрашиваю?

Мудрый Митька на это ничего не ответил, только еще раз долил в стаканы и опять полез в торбу. Выудив яблоко, он старательно обтер его о рубаху, критически оглядел и подсунул Тине. Потом с интересом посмотрел на Марьяшу:

— А ты-то сама как там оказалась?

— Я там не оказалась, — отчего-то придя в раздражение, отрезала Марьяша, — я туда приехала куклу отдавать. Между прочим, совершенно по другому адресу. Улица Сигаева, тридцать пять, вот! По чужим лестницам не шастала, интеллигентно в офисе клиента вела дела. И вообще, это я вас должна спросить — откуда вы все взялись?

— Тоже куклу отдавать приехали, — невинно сообщил Митька. — По дороге доблестно пресекли погоню и поговорили о суровых буднях телохранителей. А вот как твой милиционер и Семен там оказались — не спрашивай. Кукол я при них не видел.



Тина слабо улыбнулась. Митька, заметивший это, широко улыбнулся в ответ и важно произнес:

— Лед тронулся, господа присяжные заседатели! Я вас, пожалуй, оставлю на полчаса, за билетами для Иваныча сгоняю, заодно горючего прикуплю. Иваныч, у тебя при себе денег есть?

Михаил Иванович готовно полез в карман. Митька небрежно пересчитал купюры и сунул в торбу:

— Еще и на коньяк хватит, если правильно действовать. Ждите!

Глава 71

После кафе провожали Михаила Ивановича на вокзал всей компанией. Митька не подвел, добыл купейный билет на прямой поезд, по дороге заботливо опекал его и девиц. Сам керамист, если бы не излишне сосредоточенный взгляд и нарочитая замедленность движений, выглядел почти трезвым, он крепко держал Марьяшу, которая хохотала и то и дело соскальзывала. В былые времена Михаил Иванович постарался бы как можно побыстрее избавиться от столь компрометирующего сопровождения. Но то в былые. Сейчас он вальяжно придерживал Тину за талию, сумка с ноутбуком хлопала по боку, очки весело блестели. Он расписывал красоты родного Белогорска и звал всех немедленно, прямо сейчас, идти и требовать еще три места. Митька гудел, что поехать, конеч-



но, можно, но завтра девушкам опять в милицию, и куда они без него?

...Петрович, облокотясь на купейный столик, задумчиво подсчитывал что-то в блокноте, молодой, маясь от безделья, глазел из-за занавесочки на перрон. Настроение было так себе. Высаженные из такси, Петрович и молодой по инерции отправились следом за машиной Димона. Сориентироваться во дворах было почти невозможно, шли, что называется, по солнцу, вдруг впереди, совсем недалеко, раздались пистолетные выстрелы, затем автоматная очередь. Петрович застыл.

— Стреляют? — удивился он и прислушался. — Ну точно, стреляют. Теперь очередью, слышишь?

Молодой с восторгом потянул за рукав:

— Пошли глянем, а?

— Еще чего! — не согласился Петрович. — Мало нам сегодня было?

— А вдруг нашего стреляют? — с надеждой предположил молодой. — Какой крендель с ним был, видел? Таких-то и стреляют, между прочим. Да я б его, гада, сам пристрелил с удовольствием!

Петрович, не отвечая, рванул на шум.

У кучерявой оградки он первым делом наметанным глазом выцепил очкастого: тот стоял в крайне странной компании и возбужденно размахивал руками, рядом моталась еще куча народа, бугай, высадивший их из машины, сидел на асфальте, держась за ногу. Молодой дернулся поближе, но Петрович успел ухватить его за ремень:



— Куда, дура, лезешь? Не видишь, милиция подъезжает? Все, не нашего уже сорта дело, с уголовкой мы не связываемся. Отбой, слава тебе господи!

Петрович размашисто перекрестился, молодой с изумлением на него поглядел.

— Отбой, отбой! — подтвердил Петрович. — Шефу доложимся, и все! Домой поедем!

...и вот теперь они ехали домой.

— Глянь, Петрович! — вдруг оживился молодой. — Кто с нами едет-то!

Петрович досадливо дернул плечом. Траты выходили какие-то умопомрачительные, подсчеты вылезали уже на третью страницу, но молодой не унимался. Петрович неохотно поднял взгляд.

Глава 72

— Вещи мои выноси! Ну его к чертям, Белогорск этот. Завтра пры... при... завтра билет приобретем!

— Так приобрели уже! — мягко уговаривала Тина разбушевавшегося Михаила Ивановича. — Уже и проводнице отдали, и вещи в купе снесли, через две минуты поезд отправится, между прочим!

— Пры... прыгоняешь меня, да? Утром, значит, а теперь, значит, прогоняете? Вот так?

— Да кто ж тебя прогоняет, чудака-человек? — успокаивающе басил Митька. — На работу съездишь и возвращайся, пожалуйста, работа вещь важная, я и то понимаю.



Но Михаил Иванович не унимался и решительно требовал выносить его вещи. Непонятно почему, но после утреннего кошмара он твердо уверил себя, что бежала Тина за помощью именно к нему. В кафе, где компания засиделась почти до самого отъезда, Михаил Иванович, изрядно подпив, предложил Тине немедленно выходить за него замуж. Вроде Тина отказалась, но Михаил Иванович решил вернуться к интересной теме попозже. Дня через два. И вот теперь его запикивали в поезд, а он энергично сопротивлялся.

— Заводить будете? — обратилась проводница к Митьке, самому, на ее взгляд, трезвому. — Отправляемся сейчас.

Митька подхватил очередной раз соскальзывающую с его локтя Марьяшу и преувеличенно-внятно подтвердил. В этот же момент Михаил Иванович энергично и отрицательно замотал головой и, чтоб не упасть, уцепился за того же Митьку. Тине пришлось подпереть Митьку с другого бока. Пассажиры торопливо и осторожно огибали эту живую пирамиду, но компании было все равно.

Михаил Иванович вдруг отклеился от Митьки и попытался поцеловать руку проводницы.

— Уговорили! Еду! — торжественно произнес он. — Первый раз красивая проводница попалась, с такой даже в Китай согласен! Но скоро вернусь!

— В Китай другое направление, — на всякий случай уточнила тетка.

Митька доверительно взял ее под локоток и общил:



— Надежду русской филологии везешь, красавица. Гений. Соответственно, беспомощен, как дитя, и крайне застенчив.

— Да уж вижу, — поджала губы проводница, — застенчивее не бывает. Устроим, не волнуйтесь.

Поезд тронулся.

Михаил Иванович разочарованно оглядел купе. Душа требовала продолжения банкета, после всего пережитого просто завалиться на свою койку и уснуть было совершенно невозможно, хотелось общаться и усугублять, тем более что в сумке, заботами добросердечного Митьки, было. Грузная старуха с соседней койки в этот момент вытащила огромную торбу и принялась выгружать припасы. Купейный столик моментально зарос баночками и свертками, потом появилась аптечка и огромный допотопный будильник.

— Проспать боюсь, — важно объяснила старуха. — Эти вертихвостки разве разбудят? Станция свое проедешь, что потом делать? Снедать иди, Мишутка!

Михаил Иванович отрицательно замотал головой, но старуха, оказывается, обращалась вовсе не к нему. С верхней полки над головой Михаила Ивановича послышался плаксивый голос:

— Не хочу, бабусь. Я не голодный вовсе.

— Как не голодный? — возмутилась бабка. — Обед когда был? Да и ел плохо, больше с ложки лил, чем в рот покладал. Или у тебя живот болит? Сейчас лекарству дам.

Она закопошилась в пакете с лекарствами, удушливо запахло какой-то гадостью.



Михаил Иванович выскочил из купе. Проводница деловито сновала по вагону, внимания не обращала вовсе, за окном проплывали тусклые городские окраины.

«А они сейчас в мансарду уже вернулись. Разговаривают. Весело им, наверное... Может, и вправду справку надо было сделать, остаться еще? А то ощущение такое, как будто не домой еду, а, наоборот, из дома уезжаю...»

Михаил Иванович невидяще уставился в окно, но тут его энергично взяли под локоть:

— Мужчина, вы с этого купе будете?

Он оглянулся. Накрашенная дамочка в китайском тренировочном костюме обращалась явно к нему.

— Да. Из этого, — грустно согласился Михаил Иванович.

— И я с этого, — по-прежнему плюя на грамматику, сообщила дамочка. — А мужа в другое купе поселили.

Михаил Иванович вяло заинтересовался:

— И что?

— Ой, мужчина, будьте так добреньки, поменяйтесь на другое купе. Проводница согласная, вы не сомневайтесь. Там как раз два мужчины едет, вроде вас, вам веселее выпивать будет.

Михаил Иванович попытался выглядеть трезво и оскорбленно, но сил не было. Да и в самом деле, почему не поменяться? Ехать полтора дня, бабка с внуком его за это время совсем с ума сведут. Он согласительно кивнул.



— Ой, мужчина, спасибо вам огромное. Место тридцать пятое, вон в том купе. Володя, Володя, мужчина согласный, неси вещи скорее!

Мордастенский Володя с уже готовыми вещами выкатился, как колобок, из купе, дамочка руководила переездом, поторапливала Михаила Ивановича.

Михаил Иванович безропотно собрал имущество и пошел переселяться. Придерживая подбородком сумку, он откатил дверь, вошел и огляделся. На несколько томительно-долгих минут воцарилась тишина.

— Соседями, значит, будем? Ну-ну... — задумчиво произнес Петрович.

Глава 73

Удивляться или пугаться Михаил Иванович не стал. Сил уже не было после утреннего. Он по-хозяйски потеснил имущество Петровича и молодого на столике и торжественно выгрузил бутылку коньяка.

— За знакомство! — провозгласил он, безуспешно пытаясь отвинтить пробку.

Петрович взглядом осадил молодого и протянул руку:

— Давай сюда. Не в ту сторону крутишь.

— Нормально кручу! — упрямо не согласился Михаил Иванович. — Вот увидишь сейчас. Легким движением руки... черт, не отвинчивается. Все у них не по-людски!



— Это точно. Не по-людски, — флегматично согласился с ним Петрович, продолжая с пристальным интересом разглядывать нового соседа.

Наконец бутылка была открыта, появились пластиковые стаканы. Михаил Иванович, посасывая порезанный пробкой палец, критически оглядел стол. Затем полез в сумку и достал яблоко и лимон. Разлили, невесомо чокнулись, Петрович сноровисто напластал прямо на столешнице лимон и, морщась, закусил, затем облокотился о столик и уставился на Михаила Ивановича:

— Ну... рассказывай!

— Нет уж! — возмутился Михаил Иванович. — Сначала ваша очередь. Я за вами не бегал, если кто забыл. Вы мне знаете сколько крови испортили?

— Мы. Ему. Испортили, — в благоговейном изумлении повторил Петрович. — Все слышали? Мы. Ему. Что ж ты, сучий потрох, от нас бегал тогда?

Михаил Иванович начал обижаться:

— Куда это я бегал? Я, может, с девушкой роман кружил несказанной красоты, тет-а-тет мечтал иметь, а тут вы по подворотням с пистолетами. Футболку порвали. Кассету с кино отобрали зачем-то.

Обид было много, Михаил Иванович приготовился добросовестно их все перечислить, но Петрович со всего маху грохнул кулаком по столу:

— Опять!

Проводница откатила дверь купе и недружелюбно сообщила:

— Будете нарушать — первому же посту сдам. Петрович сбавил тон до жалобного:



— Все, мужик, сдаюсь. Я с тобой с ума сойду, ей-богу. Давай так сделаем. Я конкретно спрашиваю — ты конкретно отвечаешь.

— Давайте, — охотно согласился Михаил Иванович, — но сначала выпьем. За прекрасных дам.

Потом было за Петербург, за Белогорск, за вновь заглянувшую на шум проводницу, за... много за что. Дважды гоняли молодого в вагон-ресторан, чем окончательно обидели проводницу. Чтобы исправить это — покупали третью уже у нее... Или четвертую?

Молодой тихо посапывал в углу койки, Петрович еще держался, Михаил Иванович тоже. Волнения прошедшего дня произвели на него удивительное действие: хмель почти не брал. Говорили долго.

— Ну хорошо, — не выдержал Петрович, — про стрельбу я все понял, то есть ничего не понял, но это не важно. Видели мы это дело из куста. Про пакет мне объясни.

— Какой пакет?

Петрович тихо застонал:

— Про пакет, Миша. Который ты в Москву увез.

— Не было пакета, — пьяно, но уверенно сообщил Михаил Иванович.

— Был! — решительно заявил Петрович. — Лично наблюдал, как тебе его Галина Синявина отдавала в Белогорске. Пакет с попугайчиками. Все уже, отозвали меня, слава богу, ну чего теперь-то темнить? По-человечески просто интересно. Ну?

Михаил Иванович округлил глаза, стакан замер у самых губ. Затем он отставил стакан и судорож-



но полез в свою сумку. Из-за допросов в милиции времени на сборы почти не оставалось, поэтому вещи он покидал кое-как, надеясь разобраться в дороге. Вывалив горкой их на койку, Михаил Иванович в тихом столбняке застыл. Поверх носков, несвежих футболок и разрозненных предметов как козырная карта лег тот самый пакет.

В купе воцарилась тишина.

Михаил Иванович отодвинулся вглубь койки.

— Что там? — сипло спросил Петрович.

— Не знаю! — так же шепотом ответил Михаил Иванович. — Посмотрим?

Неверными руками он достал из пакетика маленький сверток и развернул его над столом, Петрович, вытянув шею, пристально наблюдал. На столик с тихим стуком посыпались браслеты, кольца и серьги с камнями, под конец, как две тихие змейки, выскользнули тяжелые ожерелья...

Глава 74

Тина запнулась на ступеньке и нервно оглядела подростков, подпирающих почтовые ящики. Подростки были знакомые, жили этажом или двумя выше. На всякий случай распрямив плечи, чтобы рюкзачок плотнее прилегал к спине, она прошла мимо них и отворила дверь на улицу: деньги в рюкзачке были невеликие, жильцы оплачивали последний месяц и уезжали программировать невесть что на свою Чукотку, но все же деньги. На крыльце Тина



счастливо зажмурилась: через месяц они съедут, можно будет возвращаться в свою квартиру, спать на собственной постели... Все закончилось, убийца больше за ней не охотится, Марьяша и Лешка друг на друга надыхаться не могут, Митька вроде как не пьет, в работу ушел, Семен... Как и следовало ожидать, Семен опять пропал. Вот только Михаил Иванович не пишет, напугался, наверное, ну и ладно, что уж тут поделаешь?

— С нижнего пошла, — сплюнул под ноги тот из подростков, что был повыше и порыжее. — Сама не живет, каким-то сдает.

— Это из какой она? — таким же скучным голосом уточнил второй. — Под вами, что ли?

— Нет, из этой... — Рыжий ткнул сигаретой через плечо в почтовый ящик с покосившейся дверцей. Сигарета выскользнула из пальцев и завалилась внутрь.

— Сейчас загорится, — испуганно сказал тот, что пониже. — Валить надо!

Они отклеились от ящиков и, подшаркивая разношенными кроссовками, помчались наверх. В почтовом ящике медленно принялось тлеть письмо. Пламя невидимо ползло по конверту, от углов, к анилиново-розовым гвоздикам, перебралось через строчки адреса... Запахло дымом. Пламя не разгоралось, но медленно вгрызалось в твердый глянец открытки, упакованной в конверт.

Открытка была примечательная, с видом берега реки, заросшего кустами и деревьями, среди которых, очевидно для маскировки выкрашенный под



цвет растительности в ярко-зеленый цвет, стоял памятник Ленину.

Вождь мирового пролетариата гордо возвышался на неровном бетонном постаменте. Руки у Ильича — непропорционально длинные, с несуразно огромными ладонями, были чужие и достались монументу по причине утраты родных, отбитых хулиганами. Городская власть скульптора не нашла, зато отыскала на задворках давно простаивающего металлургического комбината мощную гипсовую фигуру металлурга, когда-то украшавшую вход на предприятие. Верхние конечности фигуры оказались в превосходном состоянии, их тут же отделили от монумента сталелитейщика и приспособили к оскверненному Ильичу. Тогда-то, кстати, и покрасили в зеленый, чтобы следы реставрации не так бросались в глаза. Заодно, правда, пришлось оббить, уменьшив в размерах, кувалду, которую в левой руке сжимал гипсовый рабочий.

Совсем ликвидировать кувалду было невозможно, поэтому местные умельцы постарались хотя бы придать ей форму кепки. Полученный эффект превзошел все ожидания — первое время все население валом валило на берег — к Ленину!

Еще бы — если смотреть со стороны реки, куда широченной, собранной в щепоть правой ладонью тыкал памятник, казалось, что в левой руке Ильича зажат короткоствольный автомат Калашникова. Иллюзия была полной. Монумент надолго стал главной достопримечательностью г. Белогорска, откуда, собственно, письмо Тине и поступило.



Пламя задумчиво выгрызало из рук Ленина кепку-автомат, а заодно и строки с оборотной стороны открытки:

*...ата-Моргана! ...написать, минуя бездушный компьютер. Прошу прощения за молчание, ибо ...в Белогорск на некоторое время вывело меня из круга здоровых ...оказались, впрочем, милейшие люди, лечение оплатили сами, ...те, которые меня преследовали. Вовсе не то, что они искали. Оказыва...
...обязательно! Сейчас вспоминаю эти дни с огромным, непередаваемым...*

Пламя зачернило сначала правый край открытки, затем, помедлив, середину и левый край, помедлило еще и угасло.

В почтовом ящике остался только уголок конверта, тонущий в тусклых бесплотных хлопьях. Через месяц Тина, провожая жильцов и заодно проверяя почту, извлекла уцелевший клочок и с недоумением повертела в руках: с одной стороны виднелись чьи-то гипсовые ступни в несуразных ботиночках, а с другой красовалась единственная уцелевшая строка: «...домой, на Петроградскую».

Она пожала плечами и сунула клочок в карман.

Литературно-художественное издание

ЕЛЕНА ГАРАЕВА
ЛЕТИ-ЛЕТИ, ЛЕПЕСТОК!

Руководитель проекта Денис Лобанов
Ответственный редактор Василий Владимирский
Художественный редактор Вадим Пожидаев
Технический редактор Татьяна Раткевич
Корректоры Ирина Тарасова, Анна Быстрова
Верстка Александра Савастени

Директор издательства Максим Крютченко

Подписано в печать 20.03.2006.
Формат издания 80×100¹/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Петербург». Тираж 6000 экз.
Усл. печ. л. 17,76. Изд. № 1805. Заказ № 2371.

Издательство «Азбука-классика».
196105, Санкт-Петербург, а/я 192. www.azbooka.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «Лениздат».
191023, Санкт-Петербург, наб. р. Фонтанки, 59.

ИНТЕРНЕТ-МАГАЗИН OZON.RU ЭТО:

**широкий ассортимент, информация о новинках
и бестселлерах, подробное описание товаров, удобство
поиска, простота покупки, быстрая доставка**

Самый большой в России выбор:

Книг (более 350 000 наименований)

- художественная литература, биографии, мемуары, искусство, культура, филология, общественные и гуманитарные науки, книги на иностранных языках
- детективы, триллеры, фантастика и фэнтези
- бизнес-литература, общественные и гуманитарные науки, компьютеры и интернет, наука, техника, медицина, энциклопедии, справочники, словари
- путешествия, отдых, хобби, спорт
- детская литература

DVD (более 8 000 наименований)

Видеокассет (более 13 000 наименований)

Аудио CD (более 70 000 наименований)

Игр и компьютерных программ (более 5 000)

Товаров для детей (более 3 500)

Большой выбор электроники и цифровой техники

Сделать заказ можно:

- на сайте www.ozon.ru
- по телефону: в Москве - (495) 797-92-84,
в Санкт-Петербурге - (812) 740-60-61;
России (495) 788-88-88

Доставка по территории России и всему миру.



www.ozon.ru

ПО ВОПРОСАМ ПРИОБРЕТЕНИЯ КНИГ ИЗДАТЕЛЬСТВА «АЗБУКА» ОБРАЩАТЬСЯ:

ЗАРУБЕЖНЫЕ ПАРТНЕРЫ

Украина: ООО «Азбука-Украина», 04073 г. Киев
Московский пр., 6 (2 этаж, офис 19)
тел. (+38044) 490-35-67;
sale@azbooka.net

Израиль: «Спутник», P.O.B. 2462, Kefar-Sava,
Israel, тел. +972-9-767-99-96,
dob@sputnik-books.com

Германия: Каталог «Аврора»,
официальный представитель
издательства «Азбука»,
Франкфурт-на-Майне
тел. (069) 37564252;
avrora-katalog@yandex.ru

Уважаемые читатели!

*Приглашаем вас посетить интернет-сайт
издательства «АЗБУКА» по адресу*

www.azbooka.ru

*На нашем сайте вы найдете каталог книг
издательства, информацию о новинках
и планах на будущее, отрывки из новых книг
и многое другое.*

*Здесь можно задать интересующие вас вопросы
и высказать свои пожелания.*

*На сайте вы также найдете ссылки
на интернет-магазины, торгующие книгами
издательства «Азбука».*

Ждем вас круглосуточно, каждый день!

КНИГА — ПОЧТОЙ

ЗАО «Ареал», СПб., 192242, а/я 300
тел.: (812) 774-40-63; www.areal.com.ru;
e-mail: postbook@areal.com.ru

3,55 047

212

**ПО ВОПРОСАМ ПРИОБРЕТЕНИЯ
КНИГ ИЗДАТЕЛЬСТВА «АЗБУКА» ОБРАЩАТЬСЯ:**

Санкт-Петербург: *издательство «Азбука»
тел. (812) 327-04-56, факс 327-01-60
«Книжный клуб «Снарк»
тел. (812) 703-06-07
ООО «Русич-Сан»,
тел. (812) 589-29-75*

Москва: *ООО «Азбука-Максимум»
тел. (495) 150-52-11,
792-50-68, 792-50-69
Интернет-магазин «Лабиринт»
www.labyrinth-shop.ru*

Екатеринбург: *ООО «Валео Книга»
тел. (3432) 42-07-75*

Новосибирск: *ООО «Топ-книга»
тел. (3832) 36-10-28;
www.opt-kniga.ru*

Калининград: *Сеть магазинов «Книги и книжечки»
тел. (0112) 56-65-68, 35-38-38*

Хабаровск: *ООО «МИРС»
тел. (4212) 29-25-65, 29-25-67;
sale_book@bookmirs.khv.ru*

Челябинск: *ООО «ИнтерСервис ЛТД»
тел. (3512) 21-33-74, 21-26-52*

Казань: *ООО «Таис»
тел. (8432) 72-34-55, 72-27-82
tais@bancorp.ru*

INTERNET-МАГАЗИН

*Все книги издательства в Internet-магазине «Озон»
<http://www.ozon.ru/>*

Language	Russian
Author	Garaeva, Elena
Title	Fly away petal (f)
Type	Fiction
ID Code	
ISBN	5352018059

AZBOOKA

Lights



Опасные тайны петербургской богемы!

ISBN 5-352-01805-9



9 785352 018057

www.azbooka.ru

Елена Гараева родилась на границе с Японией, любит суши и море. Уже побывала на Белом, Черном, Красном и многих других. Живет у Балтийского, в Санкт-Петербурге. Мечтает увидеть океан. В недалеком прошлом сотрудник уголовного розыска. После замужества неплохо стреляет и умеет ремонтировать квартиру. Хобби — театр марионеток. Лично играет и делает кукол. Книги пишет только о том, что знает.

Лети-лети, лепесток!

Мансарда художницы Марьяши как магнит притягивает к себе самых разных людей — «нового русского» с телохранителями, участкового милиционера, шоумена Семена, провинциального профессора вуза, коллег и просто многочисленных знакомых. Петербург богемы и маргиналов, сквозные дворы, пестрые коммуналки и мастерские художников — на этих подмостках разыгрывается увлекательная история из жизни двух подруг, Марьяши и Тины, внезапно оказавшихся причастными к поискам серийного убийцы.